

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт языкоznания РАН**

**Эмоциональная сфера человека
в языке и коммуникации:
синхрония и диахрония**

Материалы международной конференции

Москва 2018

УДК 81

ББК 81

Э

Утверждено к печати

Федеральным государственным бюджетным учреждением
Институтом языкоznания РАН

Издание осуществляется при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ); проект № 18-012-00736-а

Редакционный совет:

доктор филологических наук *М. Л. Ковшова*

доктор филологических наук *Н. К. Рябцева*

кандидат филологических наук *П. С. Дронов*

Ответственный редактор:

доктор филологических наук *Е. Р. Иоанесян*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н. В. Васильева*

кандидат филологических наук *О. А. Гулыга*

Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония
и диахрония: Материалы международной конференции. – М.-Ярославль:
Издательство Канцлер, 2018. – 184 с.

ISBN

© Авторы

© Институт языкоznания РАН

СОДЕРЖАНИЕ

B. Мидер (Вермонтский университет, г. Бёрлингтон, США)	
Жизнь — это не спорт со зрителями: эмоции в пословицах о современной жизни	7
O. B. Абакумова (ОГУ им. И. С. Тургенева)	
Эмоции и эмотивный компонент в пословицах о счастье	18
Я. A. Волкова (РУДН)	
«Ненависть» как кластерный эмоциональный концепт	23
P. A. Говорухо (РГГУ)	
Предикаты эмоционального состояния с сентенциальным актантом в итальянском и русском текстах	30
П. С. Дронов (ИЯз РАН)	
Греть душу и сердце: употребление одной идиомы с семантикой радости и «грамматика идиом»	36
E. P. Иоанесян (ИЯз РАН)	
К типологии семантических переходов в лексическом поле эмоциональных состояний	43
C. B. Ионова (ГИРЯ им. А.С. Пушкина), K. Чжан (Тяньцзиньский университет иностранных языков)	
Рационализация эмоций в этикетных ситуациях общения	56
M. L. Ковшова (ИЯз РАН)	
Чувства и эмоции в русских народных загадках: <i>не горе, а плаченье</i>	70
G. B. Петрова (МГИМО МИД России)	
Семантика слова «стыд» в португальском языке (в сопоставлении с русским)	84
H. K. Рябцева (ИЯз РАН)	
Интеграция рационального, эмоционального и эстетического в современной научной коммуникации	97
A. L. Токарева (РГГУ)	
Конвенциональные и авторские метафоры ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ и ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО в произведениях русских писателей последней трети XX — начала XXI века	114
Л. Л. Федорова (Институт лингвистики РГГУ)	
Русское заимствование дух в языке армянской революции	125

O. E. Фролова (МГУ им. М. В. Ломоносова)	
О концептуализации эмоций (на примере глаголов и предикатных выражений, описывающих эмоциональные состояния)	134
A. B. Шаров (ИЯз РАН)	
<i>Sajnos</i> и <i>kár</i> , или о выражении сожаления в современном венгерском языке	142
B. И. Шаховский (ВГСПУ)	
Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект	145
T. M. Шкапенко (БФУ им. И. Канта)	
«Ты не поверишь!», или об изменениях в языковом «портрете» удивления	163
A. A. Штеба (ВГСПУ)	
Обертоны языковой категоризации эмоций	173
<i>Сведения об авторах</i>	182

CONTENTS

Wolfgang Mieder (University of Vermont, Burlington, Vt)	
“Life is not a spectator sport” Proverbial emotions about modern life	7
O. B. Abakumova (Orel State University)	
Emotions and emotive component in proverbs of happiness	18
Ya. A. Volkova (RUDN University)	
“Hatred” as a cluster emotion concept	23
R. A. Govorukho (Russian State University for the Humanities)	
Predicates of emotional states with sentential actant in Italian and Russian texts	30
P. S. Dronov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)	
<i>To warm one’s heart and soul:</i> the usage of a PLEASURABLE EMOTIONS idiom and the problem of “idiom grammar”	36
E. R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)	
Towards the typology of semantic shifts in the lexical field of emotional states	43
S. V. Ionova (The State Institute of Russian Language), K. Zhang (Tianjin University of Foreign Languages, China)	
Rationalization of emotions in etiquette communication situations	56
M. L. Kovshova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)	
Feelings and Emotions in Russian Folk Riddles: someone who is not sad is crying	70
G. V. Petrova (Moscow State Institute of International Relations)	
The Semantics of Shame in Portuguese (in comparison with Russian)	84
N. K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)	
Integrating the rational, the emotional, and the esthetic in contemporary academic communication	97
A. L. Tokareva (Russian State University for the Humanities)	
Lexicalized and novel metaphorical expressions of ANGER IS AN ILLNESS and ANGER IS A LIVING BEING in works by Russian authors (from the last third of the XX century to the beginning of the XXI century)	114
L. L. Fedorova (Institute of Linguistics, RSUH)	
The Russian loanword <i>dux</i> in the speech of Armenian revolution	125
O. E. Frolova (MSU)	
On the conceptualization of emotions (on the example of verbs and predicate expressions describing emotional states)	134

<i>A. V. Sharov</i> (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)	
<i>Sajnos</i> and <i>kár</i> : on the expression of regret in the modern Hungarian language	142
<i>V. I. Shakhovsky</i> (Volgograd State Social and Pedagogical University)	
Communication in the emotional sphere of the person: ecological and emotional intelligence	145
<i>T. M. Shkopenko</i> (Immanuel Kant Baltic Federal University)	
«You won't believe!», or On changes in language «portrait» of surprise	163
<i>A. A. Shteba</i> (Volgograd State Socio-Pedagogical University)	
Overtones of language categorization of emotions	173
<i>Notes on Contributors</i>	182

**Wolfgang Mieder (Department of German and Russian,
University of Vermont, Burlington, Vermont, USA)
B. Мидер (кафедра немецкого и русского языков,
Вермонтский университет,
г. Бёрлингтон, штат Вермонт, США)**

**“Life is not a spectator sport”
Proverbial emotions about modern life
Жизнь — это не спорт со зрителями:
эмоции в пословицах о современной жизни**

Abstract

This paper is concerned with the fascinating phenomenon of modern proverbs that have to a large degree been neglected. Based on *The Dictionary of Modern Proverbs* (2012), the first part deals with the origin, form, structure, content, and meaning of Anglo-American proverbs. The second part looks at about fifty primarily American modern proverbs that contain the keyword *life*. It is pointed out that the majority of them are based on the definitional pattern *Life is ...* Resulting are positive as well as negative proverbs filled with various types of emotion concerning the mastery of life's challenges. The American proverb *Life is not a spectator sport* with its earliest reference from the year 1958 is interpreted as a fitting expression for an engaged and responsible life in an interconnected world.

Статья посвящена такому интереснейшему (хотя во многом остающемуся без внимания) феномену, как современные пословицы. Первая часть работы базируется на «Словаре современных пословиц» (2012 г.), в число составителей которого входит автор. В ней рассматривается происхождение, форма, структура, содержание и значение англо-американских пословиц. Во второй части анализируется около пятидесяти современных американских паремий с опорным компонентом *life* ‘жизнь’. Отмечается, что большая их часть создана по структурной модели *Life is...* ‘Жизнь — это...’. В результате возникают как позитивные, так и негативные пословицы, содержащие разнообразные виды эмоций, связанных с преодолением жизненных проблем и испытаний. Одна из этих пословиц — *Life is not a spectator sport* ‘Жизнь — это не спорт со зрителями’ (первое зафиксированное употребление в 1958 г.) — интерпретируется как выражение, подходящее для описания для активной и ответственной жизни во взаимозависимом мире.

Key words

Anglo-American, anti-proverb, counter-proverb, emotion, life, modern proverb, origin, pattern, structure, variant

Англо-американские пословицы, антипословицы, контропословицы, эмоции, жизнь, современные пословицы, происхождение, модель, структура, вариант

There have been voices claiming that proverbs are dropping out of existence in the modern age and that new ones are not created any longer. Already in 1931, the sociologist William Albig made the absurd observation that “it must be clear that the proverb has largely disappeared from our general communicative culture” [Albig 1931: 532]. More recently Ruth Ayaß came to the equally questionable conclusion that “proverbs are a communicative fossil and – due to the shape of moral communication in our society – even an endangered species” [Ayaß 2001: 252]. And there is also Susan Stewart’s claim that proverbs are a distressed genre of verbal folklore: “In its oral form, the proverb is ‘worn,’ on both the positive and negative senses, because of its status as a transcendent and time-proven form of discourse. A new proverb would be as unimaginable to tradition as an original Aesopian fable or a private fad. Thus, the literary tradition of the proverb takes one of two paths – that of new collections of previously known proverbs, or that of invented proverbs that never survive to be applied to concrete situations” [Stewart 1991: 17–18]. Alas, nothing could be further from the truth! As one of my book titles declares, *Proverbs Are Never Out of Season: Popular Wisdom in the Modern Age* (1993), and traditional folk wisdom survives perfectly well in the twenty-first century, even if the appearance of anti-proverbs, the intentional manipulation and variation of proverbs, is gaining ground [Litovkina , Mieder 2006]. But even this is an indication that proverbs are actually doing very well, for innovative anti-proverbs can only be created if the older proverbs are still known. Even more importantly, new proverbs continue to be formulated [Honeck, Welge 1997; Mieder 2015b: 38–43]. These modern proverbs are ample proof that the time of proverb making is definitely not over today. People continue to rely on old and new proverbs to express their attitudes, beliefs, emotions, mores, and values in wisdom sayings or, to use a modern term, sound bites of their worldview [Hakamies 2002]. And as I have argued at the conclusion of my essay on *Futuristic Paremiography and Paremiology: A Plea for the Collection and Study of Modern Proverbs* (2014), “the polyfunctionality, polysemanticity, and polysituativity of these modern proverbs deserve the attention of paremiographers and paremiologists everywhere, who, proverbially speaking, need to think outside the box as they study the fascinating world of proverbial modernity in the language of their countries” [Mieder 2014: 23].

The scholarly problem is that the study of modern proverbs – let us say any proverb that cannot be referenced before the year 1900 – is still very much in its infant stage. For phraseology in general there is Valerii M. Mokienko’s book *Novaia russkaia frazeologija* (2003), but for proverbs in particular Charles Clay Doyle, Fred R. Shapiro, and I have assembled the first *Dictionary of Modern [Anglo-American] Proverbs* (2012). Doyle had published his pioneering article *On ‘New’ Proverbs and the Conservativeness of Proverb Dictionaries* (1996) in *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*, and we soon realized that we should join forces in trying to find new Proverbs that had not been registered in proverb collections before. Fred R. Shapiro joined us as well, and after many years of identifying and annotating newly found texts, we were able to present 1422 primarily American proverbs in our historically documented and contextualized dictionary. And as can be imagined, the work must go on, with Charles Doyle and I by now having published two supplements with 85 and

“Life is not a spectator sport” proverbial emotions about modern life

57 additional modern Anglo-American proverbs respectively in *Proverbium* [Doyle, Mieder 2016, 2018]. I have also presented a detailed analysis and characterization in *Proverbium* with the title ‘*Think Outside the Box*’: *Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs* (2012). This is not the place to review all of this, but let me just list the following general observations with but a few examples and their dates of the first occurrence found thus far in parentheses:

1. Modern proverbs do exist in variants

Don't take (tear) down a fence (wall) unless you are sure why it was put up

(1964)

2. Most modern proverbs are straightforward indicative sentences

A crisis is an opportunity (1900)

3. Some have parallelism and rhyme

Different strokes for different folks (1945)

[Mieder 1989: 317–332; McKenzie 1996]

4. Prevalent negative patterns:

You cannot (can't) ...

You can't be a little pregnant (1942)

Don't ...

Don't believe everything you think (1948)

Never ...

Never give anything away that you can sell (1953)

5. Prevalent structural patterns:

No X, no Y

No guts, no glory (1945)

X is better than Y

A live soldier is better than a dead hero (1904)

If you can X, you can Y

If you can dream it, you can do it (1970)

When you X, you Y

When you have nothing, you have nothing to lose (1965)

There are no X, only (just) Y

There are no bad students, only bad teachers (1958)

6. Two-word proverbs

Manners matter (1909)

7. Many four-word proverbs

Everyone can't be first (1955)

8. There are also longer proverbs, but not very common

Be nice to people on your way up because you'll meet them on your way down

(1932)

9. Proverbs created as so-called laws

If anything can go wrong, it will (1908) (Murphy's law)

10. Proverbs attributed to individuals

Old age is not for sissies (1969) (attributed to the actress Bette Davis)

-
11. Proverbs with known originators
You can't go home again (1940) (title of Thomas Wolfe's novel)
12. Proverbs based on advertising slogans
It's what's up front that counts (1957) (Winston cigarettes)
13. Proverbs from songs
Diamonds are a girl's best friend (1949) (song by Leo Robin)
14. Proverbs from motion pictures
If you've got it, flaunt it (1968) (motion picture *The Producers*)
15. Animal proverbs continue to be popular
You can put lipstick on a pig but it's still a pig (1985)
 [Mieder 2009: 83–86]
16. Proverbial somatisms are quite prevalent
Busy hands are happy hands (1956)
17. Proverbs from the world of business
If you have to ask the price, you can't afford it (1926)
18. The world of sports
You can't score if you don't shoot (1965)
19. Only a few proverbs dealing with technology
Garbage in, garbage out (1957) (from the world of computers)
20. Scatological proverbs
Shit happens (1944)
21. Sexual proverbs
Everybody lies about sex (1973)

It can also be stated that of the 1422 proverbs contained in our dictionary 676 (47.5%) are clearly metaphorical, while slightly more than half the corpus (746; 52.5%) are literal statements. A few of these proverbs have gained a global dissemination as loan translations, as for example the American proverb *One picture is worth a thousand words* (1911) that is current in Russian as *Odna kartina luchshe tysiachi slov* [Mieder 1990].

Regarding the most frequent keywords of the proverbs, it can be seen from the following numbers that the most popular keyword is *life*. It is hardly a surprise that modern humankind is preoccupied with various aspects of existence, something that is also true for earlier Anglo-American proverbs [Mieder, Kingsbury, Harder 1992: 373–376]:

<i>life</i>	46 proverbs
<i>man</i>	34 proverbs
<i>God</i>	19 proverbs
<i>time</i>	19 proverbs
<i>friend</i>	15 proverbs
<i>money</i>	12 proverbs
<i>time</i>	11 proverbs
<i>age</i>	8 proverbs
<i>woman</i>	8 proverbs
<i>love</i>	8 proverbs

<i>beauty</i>	7 proverbs
<i>pain</i>	7 proverbs
<i>success</i>	7 proverbs
<i>talk</i>	7 proverbs
<i>hope</i>	5 proverbs
<i>luck</i>	5 proverbs

This shows in a generalized way some of the preoccupations of modern society.

People at times appear to be obsessed with matters of age, beauty, love, money, success, and of course time [Lau 1996]. But God also plays a considerable role together with hope and luck, somewhat reminiscent of what Alan Dundes has called the “future orientation in American worldview” [Dundes 1969: 53]. It would be difficult to deduce the worldview of masses of people by way of these relatively small numbers [Dundes 1972; White 1987]. But the proverbs about life that express various emotional reactions to modernity might well be somewhat indicative of common sentiments. A closer look at them might thus be enlightening indeed, with the following 46 proverbs (with variants in parentheses) being taken from *The Dictionary of Modern Proverbs* [Doyle, Mieder, Shapiro 2012: 139–147] and an additional 4 proverbs from the two supplements [Doyle, Mieder 2016, 2018]. And there is also the proverb *Life is a treasure hunt* and its longer variant *Life is a treasure hunt. You just need to know where to look* that I have discovered but a few days ago. With close to two hundred thousand Google hits, it certainly qualifies to be considered a modern proverb, and Charles Doyle and I will get to work to find its earliest reference in print and include it in our third supplement. As can be seen, the collection and analysis of new proverbs is an ongoing and never-ending process offering much excitement of discovery for paremiologists – scholars and students alike!

There is no doubt that a majority of the “life”-proverbs follows the definitional pattern of *Life is ...* that is perfectly suitable to express positive as well as negative emotions about modern life without any particular reliance on colorful metaphors. Among the more positive proverbs are the following:

Life is a party (1944)

Life is (just) a cabaret (1966)

Life is a dance you can learn as you go (1992)

There is also the jovial proverb *Life is (just) a bowl of cherries* (1931) from a popular song by Lee Brown of which the second verse goes like this:

Life is just a bowl of cherries.

Don’t take it serious,

Life’s too mysterious.

You work, you save, and you worry so,

But you can’t take your dough when you go, go, go.

So keep repeating it’s the berries,

The strongest oak must fall.

The sweet things in life to you were just loaned,

So how can you lose what you’ve never owned.

Life is just a bowl of cherries,

So live, love, and laugh at all.

[Sobieski, Mieder 2005: 81]

However, in the same year of 1931 the opposite proverb *Life is not a bowl of cherries* (1931) gained popularity. In 1972 Charles Doyle coined the term “counter-proverb” for such “an overt negation or sententious-sounding rebuttal of a proverb, an explicit denial of the proverb’s asserted truth” [Doyle, Mieder, and Shapiro 2012: xi]. Such positive / negative proverb pairs are not that rare, with both of them having sufficient currency to be considered proverbs in their own rights. And it might well be that the proverb *Life is like (is just) a box of chocolates* (1994) from the motion picture *Forrest Gump* is an intentional playful manipulation of the “bowl of cherries”-proverb. For this type of new proverb creation Wolfgang Mieder came up with the term “anti-proverb”, defining it as “an allusive distortion, parody, misapplication, or unexpected contextualization of a recognized proverb, usually for comic or satiric effect [Doyle, Mieder, Shapiro 2012: xi]. And to be sure, such anti-proverbs can and do become new proverbs if they are accepted and used in oral and written contexts [Valdaeva 2003].

Some anti-proverbs are also created by expanding an existing proverb that adds some revealing fact to its message, as for example:

Life is a bitch (1940)

Life is a bitch, and then you die (1982)

Life is a bitch, and then you marry one (1987)

It is important here to notice that while *bitch* has the basic meaning of ‘bad’ in the first two proverbs, it connotes a ‘nasty woman’ in the misogynous third proverb. Fortunately, there is also the much more complimentary proverb *Life is not life without a wife (There's no life without a wife)* (1952).

Here is another pair of basically positive proverbs, with the anti-proverb adding a work component to the pleasant image of life being like a beautiful flower garden. And do notice that their origins are several decades apart with both having their own widespread dissemination:

Life is a garden (1914)

Life is a garden; dig it (1972)

Of interest is also this following pair of proverbs. The earlier longer version has lost its appeal in more recent times and has more or less been replaced with the newer and shorter proverb with a similar meaning:

Don't take life too seriously; you'll never get out of it alive (1911)

No one gets out of (this) life alive (1963) [Doyle, Mieder 2018: 30]

There are also cases where two proverbs are probably variants of each other, but by way of frequency studies it has been established that they both exist as independent proverbs with their origins being years apart:

Life is hard by the yard, but by the inch it's a cinch (1947)

Inch-by-inch, life (everything) is a cinch, but yard-by-yard it is hard (1980)

[Doyle, Mieder 2016: 105–106]

Life is (like) a shit sandwich (without bread) (and every day we take another bite) (1966)

Life is a shit sandwich: the more bread you have, the less shit you eat (1978)

One of the most popular positive “life”-proverbs instilling hopeful emotions

“Life is not a spectator sport” proverbial emotions about modern life

in someone facing some problems has proven itself to be considerably older than one might have suspected. The encouraging message of *If life hands you lemons, make lemonade* (1910) resonates with people for over one hundred years due to its intriguing image. But that does not mean that a small folk group, namely that of blanket quilters, might not have taken its basic structure and changed its realia to *If life hands you scraps, make a quilt* (1992). I still remember when I learned this proverb in 2009 from Marsha MacDowell, a fellow folklorist who happens to be a scholar on the rich world of quilts. I would probably never have discovered this modern proverb on my own, indicating the difficulty of finding hitherto unrecorded proverbs. In any case, both of us subsequently published an article about quilts that contain proverbial inscriptions and we used the proverb as an attention-getting title [MacDowell, Mieder 2010].

One would expect some proverbs that deal with the feeling that life in its shortness passes by too quickly. No wonder that people like to rationalize this emotion by saying *Life begins at forty* (1932). As I am getting older, I have caught myself varying this proverb to *Life begins at sixty* and now also to *Life begins at seventy*. These personal variants have, however, not become proverbial! But here then are three proverbs about the shortness of life that try to put a positive spin on the matter:

Life is too short (too precious) to waste it sleeping (Don't waste your life sleeping) (1944)

Life is too short (to wait) for someday (1969)

Life is too short to drink (too short for) bad wine (1985)

The first proverb is reminiscent of Benjamin Franklin's proverb *There will be sleeping enough in the grave* that he coined in 1741 in his *Poor Richard's Alamanack* [Mieder 2004: 217; 2015a: 209].

But then there are also proverbs that stress that life is a rather lengthy process that needs to be managed with care, patience, endurance, and good timing [Freund, Baltes 2002]:

Life is a marathon, not a sprint (1915) [Doyle, Mieder 2018: 29–30]

Life (The main thing in life) is (about) timing (1919)

Life is a journey, not a destination (1941)

Life is a picture; paint it well (1956)

Life is what happened while you are making other plans (1957)

Eighty (ninety) percent of life (success) is (just) showing up (1977)

A few additional proverbs that follow/ the *Life is ...* pattern concern themselves with the feeling that life is rather mundane with plenty of challenges that can result in depression, frustration, and other types of emotions:

Life is (just) one (damn) thing after another (1909)

Life is so daily (1943)

Life is a funny (strange) dog (1976)

Life is tough (hard); wear (get) a helmet (1992)

As one would expect, there are also a few “life”-proverbs that do not follow this established pattern. For the most part they look at life as being rather complicated and challenging, even if they intend to be somewhat humorous as in *Anything good in life is either illegal, immoral, or fattening* (1933). Speaking of gaining weight, there

is of course also this culinary piece of advice: *To lengthen your life, lessen your meals* (1947) that fits well to the modern dietary concerns.

In any case, modern life takes strength and readiness for constant changes, giving people plenty emotional stress:

It's a good (great) life if you don't weaken (1914)

Life deals us each a hand (1997)

Life comes at you fast (2004)

That does not mean that modern people should not embrace life to the fullest by facing it head on. It is interesting to note how the proverbs of the following two proverb pairs are quite similar and certainly express the same idea, even though they originated several decades apart. This shows once again how new proverbs are created even though almost identical proverbs already existed. And yet, both proverbs in each case have their own distribution and frequency of use:

Live life to the fullest (1934)

Live life like you mean it (1972)

Nobody ever said life is fair (Who ever said life is fair?) (1929)

Nobody ever said life is easy (Who ever said life is easy?) (1965)

The fact that life is not always fair or easy has also resulted in three related proverbs that became established during a period of a bit more than two decades. The first text is a very simple but rather drastic two-word proverb consisting of a topic and a comment [Dundes 1975: 970], with the slang verb basically meaning ‘bad, horrible.’ The second text adds a fatalistic touch to it, while the third and longest proverb argues that while life is problematic, it is still better than death:

Life sucks (1979)

Life sucks, and then you die (1984)

Life sucks, but it's better than the alternative (2002)

So, the best thing to do is to face life squarely and make the best of it since everyone has only one life to live:

You get out of life (the world) what you put into it (1901)

Take (You must take) what life gives you (1908)

You only go around (round) once in life (1966)

Since modern proverbs do not shy away from scatological or sexual aspects, a text like *Take (grab) life (the bull) by the balls* (1954) should not be a surprise as a somewhat risqué metaphor for making the most out of one’s life. The proverb had its start as an anti-proverb of the older innocuous proverb *Take the bull by the horns* and its variant *Take life by the horns*. The exchange of *horns* with *balls* adds an emotional touch of aggression, even though most speakers will not necessarily think of the balls as testicles when employing this proverb.

Since life in general is considered sacred and valuable, there are finally also proverbs that express the nobility of saving lives. The following two proverbs are especially appropriate for today’s refugee crisis throughout the world. Remembering this wisdom might help to provide humanitarian aid to displaced and persecuted people:

The life you save may (could) be your own (1947)

If you save one life, you save the world (1982) [Doyle, Mieder 2016: 105]

Of course, this is also what the final proverb of this review of modern “life”-proverbs says in a most appropriate way: *Life is not a spectator sport* (1958). Former vice president Nelson Rockefeller, as governor of the state of New York, changed the proverb during a news conference on November 17, 1963, to an anti-proverb: “I think we would arouse a lot of participation on the part of the public. Politics is not a spectator sport. We need public participation” [Doyle, Mieder 2016: 113]. He might also have been thinking of yet another modern American proverb that had originated three years earlier and that calls for participatory politics in a similar way: *Politics is a contact sport* (1960). In any case, former first lady Hillary Rodham Clinton entitled a chapter in her acclaimed book *It Takes a Village and Other Lessons Children Teach Us* (1996) with *Child Care Is not a Spectator Sport* to express the necessity for people to get involved in improving child care in the United States [Clinton 2006: 207]. And wanting to properly describe her decades of political engagement as US Senator from the state of New York and Secretary of State of the United States and more, I chose the following proverbial title for my analysis: ‘*Politics is not a Spectator Sport*’: *Proverbs in the Personal and Political Writings of Hillary Rodham Clinton* [Mieder 2015c]. But modern people do not live by politics alone, to paraphrase the Biblical proverb *Man does not live by bread alone* [Deuteronomy 8:3; Matthew 4:4]. Much more important is the sapiential insight that “Life is not a spectator sport”. This proverb calls for social engagement and compassion, where people join hands in *Making a way out of no way* (1922), as this modern African American proverb suggests that was Martin Luther King’s humanitarian leitmotif [Mieder 2010: 171–186]. There can then be no doubt that the modern proverb *Life is not a spectator sport* encapsulates much social wisdom for an interconnected world of peaceful, responsible, and empathetic existence.

References

- Albig, W. Proverbs and Social Control // Sociology and Social Research. 1931. 15, p. 527–535.
- Ayao, R. On the Genesis and the Destiny of Proverbs // Knoblauch, H., Kotthoff, H. (eds.) Verbal Art across Cultures: The Aesthetics and Proto-Aesthetics of Communication. Tübingen: Gunter Narr, 2001, p. 237–254.
- Clinton, H. R. It Takes a Village and Other Lessons Children Teach Us. Anniversary Edition with a New Introduction. New York: Simon & Schuster, 2006.
- Doyle, C. C. On ‘New’ Proverbs and the Conservativeness of Proverb Dictionaries // Proverbium, 1996, no. 13, p. 69–84.
- Doyle, C. C., Mieder, W. The Dictionary of Modern Proverbs: A Supplement // Proverbium. 2016, no. 33, p. 85–120.
- Doyle, C. C., Mieder, W. The Dictionary of Modern Proverbs: A Supplement.” // Proverbium. 2018, no. 35, p. 15–44.
- Doyle, C. C., Mieder, W., Shapiro, F. R. The Dictionary of Modern Proverbs. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2012.
- Dundes, A. Thinking Ahead: A Folkloristic Reflection of the Future Orientation in American Worldview // Anthropological Quarterly. 1969, 42, p. 53–72.
- Dundes, A. Folk Ideas as Units of Worldview // Towards New Perspectives

in Folklore. Eds. Américo Paredes and Richard Bauman. Austin, Texas: University of Texas Press, 1972, p. 93–103.

Dundes, A. On the Structure of the Proverb // *Proverbium*, 1975, no. 25, p. 961–973.

Freund, A. M., Baltes, P. B. The Adaptiveness of Selection, Optimization, and Compensation as Strategies of Life Management: Evidence from a Preference Study of Proverbs // *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*. 2002, 57, p. 426–434.

Hakamies, P. Proverbs and Mentality // Siikala, A.-L. (ed.) *Myth and Mentality: Studies in Folklore and Popular Thought*. Helsinki: Finnish Literature Society, 2002, p. 222–230.

Honeck, R. P., Welge, J. Creation of Proverbial Wisdom in the Laboratory // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1997, 26, p. 605–629.

Lau, K. ‘It’s about Time’: The Ten Proverbs Most Frequently Used in Newspapers and Their Relation to American Values // *Proverbium*. 1997, no. 13, p. 135–159.

Litovkina, A. T., Mieder, W. Old Proverbs Never Die, They Just diversify. A Collection of Anti-Proverbs. Burlington, Vermont: The University of Vermont; Veszprém, Hungary: The Pannonian University of Veszprém, 2006.

MacDowell, M., Mieder, W. ‘When Life Hands You Scraps, Make a Quilt’: Quiltmakers and the tradition of Proverbial Inscriptions // *Proverbium*, 2010, no. 27, p. 113–172.

McKenzie, A. M. ‘Different Strokes for Different Folks’: America’s Quintessential Postmodern Proverb // *Theology Today*. 1996, 3, p. 201–212.

Mieder, W. *American Proverbs: A Study of Texts and Contexts*. Bern: Peter Lang, 1989.

Mieder, W. ‘A Proverb Is Worth a Thousand Words’: From Advertising Slogan to American Proverb // *Southern Folklore*. 1990, 47, p. 207–225.

Mieder, W. *Proverbs Are Never Out of Season. Popular Wisdom in the Modern Age*. New York: Oxford University Press, 1993.

Mieder, W. *Proverbs. A Handbook*. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004.

Mieder, W. *Yes We Can // Barack Obama’s Proverbial Rhetoric*. New York: Peter Lang, 2009.

Mieder, W. *Making a Way Out of No Way // Martin Luther King’s Sermonic Proverbial Rhetoric*. New York: Peter Lang, 2010.

Mieder, W. ‘Think Outside the Box’: Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs // *Proverbium*. 2012, no. 29, p. 137–196.

Mieder, W. *Futuristic Paremiography and Paremiology. A Plea for the Collection and Study of Modern Proverbs // Folklore Fellows’ Network*, no volume given. 2014, no. 44 (July), p. 13–17; 20–24.

Mieder, W. *Different Strokes for Different Folks // 1250 authentisch amerikanische Sprichwörter*. Bochum: Norbert Brockmeyer, 2015a.

Mieder, W. *Origin of Proverbs // Introduction to Paremiology. A Comprehensive Guide to Proverb Studies*. Hrisztova-Gothardt, H., Aleksa Varga, M. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2015b, p. 28–48.

“Life is not a spectator sport” proverbial emotions about modern life

Mieder, W. ‘Politics is not a Spectator Sport’: Proverbs in the Personal and Political Writings of Hillary Rodham Clinton // Tautosakos Darbai / Folklore Studies (Vilnius), 2015c. 50, p. 43–74.

Mieder, W., Kingsbur, S. A., Harder, K. B. A Dictionary of American Proverbs. New York: Oxford University Press, 1992.

Mokienko, V. M. Novaia russkaia frazeologiiia. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003.

Sobieski, J., Mieder, W (eds.). So Many Heads, So Many Wits. An Anthology of English Proverb Poetry. Burlington, Vermont: The University of Vermont, 2005.

Stewart, S. Notes on Distressed Genres // Journal of American Folklore. 1991, 104, p. 5–31.

Valdaeva, T. Anti-Proverbs or New Proverbs: The Use of English Anti-Proverbs and Their Stylistic Analysis // Yearbook of International Proverb Scholarship Proverbium. 20, 2003, p. 379–390.

White, G. M. Proverbs and Cultural Models: An American Psychology of Problem Solving. Cultural Models in Language and Thought. Eds. Dorothy Holland and Naomi Quinn. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, p. 151–172.

**Эмоции и эмотивный компонент в пословицах о счастье
Emotions and emotive component in proverbs of happiness**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы описания и выявления эмоций в семантике пословиц. В фокусе внимания оказывается эмотивный компонент и мотивирующая его внутренняя форма английских пословиц о счастье в сопоставлении с русскими.

The paper deals with emotions in proverbs. Special attention is given to the investigation of emotive component and inner form of proverbs and to the phenomenon of happiness in English and Russian proverbs conveying cultural idea of happiness.

Ключевые слова

Пословица, эмотивный компонент, семантическая структура, экспрессивность, внутренняя форма, сопоставительный анализ, счастье

Proverb, emotive component, semantic structure, inner form, cross-cultural study, happiness

Пословицы понимаются в данной статье как фразеологизмы со структурой предложения, как практические оценочные суждения, тактические средства реализации коммуникативной стратегии говорящего. Наряду с денотативным важную роль в многокомпонентной структуре фразеологического значения играет коннотативный компонент. «Коннотация — это «скрытая», не выражаемая формально информация о прагматической интенции говорящего, связанная с намерением произвести определённое воздействие, в том числе — эмоциональное воздействие на адресата. Неявный, формально не выраженный коннотативный комплекс, не увеличивая длину текста, усложняет его содержание, согласуясь с принципом экономии языка» [Телия 1996: 109]. В коннотацию, по мнению И. В. Арнольд, входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения. Все четыре компонента коннотации могут выступать вместе, или в разных комбинациях, или вообще отсутствовать. Эмоцией называется относительно кратковременное переживание: радость, горчение, удовольствие, тревога, гнев, удивление, а чувством — более устойчивое отношение: любовь, ненависть, уважение. Эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логический или значительно его модифицировать [Арнольд 1973: 105—106].

В. И. Шаховский считает, что коннотация — это семантическое выражение психического состояния говорящего, его отношение к предмету и объекту речи [Шаховский 1982].

В. Н. Телия в целях моделирования рассматривает коннотацию как особый макрокомпонент значения, который «свое начало берет в эмпирическом, культурном, историческом или собственно языковом опыте, связанном либо с реалией, названной словом, либо с языковой практикой, с осознанием «духа языка» [Телия 1986: 134].

Д. А. Романов [Романов 2004: 211] при описании эмоциональных фразеологизмов дифференцирует первичную и вторичную эмоциональность, которая включает сложные чувства, отвлеченные состояния, интенсивность и т.п.). Первичная эмоциональность, по мнению исследователя, может быть непосредственной (с лексическим компонентом, называющим эмоциональную модальность) и опосредованной двух типов: абсолютно идиоматической (выражается через поведенческие реакции, сопутствующие эмоциям) и соотносительно идиоматической (передается через невербальные формы проявления эмоций: мимика, жесты и т.п.).

Эмотивный компонент в значении языковой единицы тесно связан с созданием экспрессивности. Эмотивность является разновидностью субъективной модальности *de re* [Вольф 1985] с вершинным предикатом «одобрение — неодобрение» [Графова 1987]. В отличие от рациональной оценки, которая интерпретирует некоторую ситуацию действительности, эмоциональная оценка имеет сугубо личностные иррациональные основания. Она накладывается на рациональную и усиливает ее присущими ей способами. Эмотивность — явление языка. Экспрессивность — речевое явление, представляющее суммарный эффект от сложения всех оценочных значений: рациональной, эмоциональной оценки, интенсификации и внутренней формы [Сандомирская 1991: 114—115]. Выражение эмоционально-оценочного отношения и создание экспрессивности речи опирается на ряд языковых явлений, из которых самым эффективным и информационно насыщенным является внутренняя форма, создающая сильный мотив для эмоционального состояния [Там же, с.135].

Для фразеологии наиболее важным является понимание того, что «образно-ассоциативный комплекс, так или иначе входящий во фразеологическое значение, коннотирует с системой эталонов, стереотипов, символов, выработанных народным мировоззрением; что с помощью коннотаций осуществляется связь между фразеологическими знаками языка и духовной культурой народа» [Ковшова 2013: 23].

Фразеологизм определяет особенности оценивающего субъекта — его обобщённый национально-культурный характер, отличающийся обобщённым миропониманием и мировидением. Особенность характера оцениваемого объекта заключается в соотношении денотативного и концептуального значений [Ивин 1970: 20]. При этом денотативное значение объекта, которому приписывается определённая ценность, связано с многообразием предметов окружающей действительности, концептуальное значение — с понятиями, характеризующими свойства предметов, мотивирующие оценку. Отношение субъекта к качествам денотата, основанное на концептуальном значении, всегда соотнесено с ценностными нормами бытия. То есть ценностная картина мира сосредоточена не в зоне денотата, а в зоне концепта и отражает их связь и взаимодействие.

Пословичный концепт понимается нами как совокупность признаков, присущих объекту. Это целостная ментальная единица, конфигурация культурно значимых признаков, онтологических, аксиологических, модальных, функциональных, выявить которые можно через анализ семантических ролей, выполняемых именем в пословичных знаках, представляющих типовые ситуации (фреймы). Национальную специфику такого концепта составят специфические для данной культуры (качественно или количественно) семантические роли абстрактного имени в типовых ситуациях-фреймах, представленные семантическим падежом «**квалитатив**», который мы определяем как падеж, характеризующий качество описываемого объекта через семантику предиката и второго актанта [Абакумова 2013].

Как показал наш анализ, счастье понимается как эмоция в английских пословицах и в некоторой части русских. Особенно четко это проявилось в той группе пословиц, которую мы отнесли к категории «**квалитатив физиологического проявления эмоций**», где на уровне внутренней формы описываются физиологические ощущения и изменения в лице:

The joy of the heart makes the face fair ('Радость в сердце делает лицо красивым'). *Laughter makes good blood* ('Смех улучшает кровь'). *When the man is happy he does not hear the clock strike* ('Когда человек счастлив, он не слышит, как часы стучат'). *Mirth is the sugar of life* ('В радости, веселье сладость жизни'). *A cheerful look makes a dish a feast* ('Веселый взгляд делает обычную трапезу праздничным пиром'). *Laughter is the best medicine* ('Смех — лучшее лекарство'). *No pleasure without pain* ('Нет удовольствия без боли'). Ср. *Счастливые часов не наблюдают*.

Вторая категория английских пословиц представляет «**квалитатив эмоционального действия, поведения**»; во внутренней форме этих пословиц отражается поведение человека в состоянии счастья или несчастья:

Laugh, and the world laughs with you; weep, and you weep alone ('Смеешься, и весь мир смеется вместе с тобой; плачешь, и ты плачешь в одиночестве'). *One day of pleasure is worth two of sorrow* ('Один день удовольствия стоит двух дней печали'). *When good cheer is lacking, our friends will be packing* ('Если веселья не достает, наши друзья спешат нас покинуть'). *Laugh at leisure, you may weep at night* ('Смейся, пока есть время, ночью, возможно, плакать придется'). *Laugh before breakfast, you'll cry before supper* ('Смейся до завтрака, к ужину плакать придется'). *If you sing before breakfast, you'll cry before night* ('Если утром смеешься, вечером плакать придется'). *He laughs ill who laughs himself to death* ('Плохо смеется тот, кто смеется до смерти'). *Счастливый скакет, а бессчастный плачет. Удача — кляча: садись да скачи. Счастливому что деется: живет да греется. Счастливые часов не наблюдают, а несчастные их закладывают*.

Третья категория пословиц представляет «**квалитатив эфемерности, недолговечности эмоционального состояния**», который включает паремии с семантикой, отражающей внутренние переживания человека, испытывающего грустные чувства по поводу недолговечности счастья и невозможности его удержать:

The pleasant hours fly fast ('Часы удовольствия быстро летят'). *The mirth of the world dureth but a while* ('Веселье жизни длится недолго'). *Joy and sorrow are next door neighbours* ('Радость и печаль рядом живут'). *No joy without annoy* ('Не

бывает радости без неприятностей’). *Sudden joy kills sooner than excessive grief* (‘Неожиданная радость убивает быстрее, чем излишняя печаль’). *Great happiness, great danger* (‘Чем больше счастья, тем больше опасности’). *Happiness is not a horse, you cannot harness it* (‘Счастье не лошадь: не запряжешь’). Счастье как и стекло: легко разбивается. Счастье с несчастьем близко живут. Счастье что вешнее вёдро: ненадежно. Счастье что волк: обманет и в лес уйдет. Счастье не конь: по прямой дороге не везет. Счастье не корова: не выдошишь.

Специфическая категория русских пословиц «**квалитатив недостижимости счастья**» отражает внутренние переживания человека, связанные с неверием в возможность достижения счастья:

Наш талан — с сумой по дворам. Наше счастье — дождь да ненастье. Наше счастье — решето дырявое. Наше счастье — вода в бредне. Было бы счастье, да одолело ненастье. Счастье с несчастьем смешалось, а нам ничего не досталось. Глупому счастье, а умному напасть. К одному счастье валом валит, от другого валом отваливает.

В отличие от английских пословиц, русские паремии чаще показывают счастье как состояние человека, зависимое от влияния внешних обстоятельств, судьбы, не связанное с его желанием и волей. «**Квалитатив везения, удачи**» включает пословицы, передающие переживания человека, связанные с чувством обиды или даже зависти к тем, кто получает все блага жизни, не прилагая усилий:

Со счастьем — на коне, без счастья — под конем. Счастливому везде хорошо. Лежень лежит, а счастье бежит. Счастливому и промеж пальцев вязнет. Кому везет, у того и бык доится. Во всем доля, а ни в чем воли. Нету талану — не приишь к сарафану. Кому поведется, у того и петух несется. Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив. Счастливый в огне не сгорит и в воде не потонет. Счастливому ума не надо. Кому есть талан, тот будет атаман.

С другой стороны, в русском паремическом дискурсе представлена еще одна специфическая категория пословиц, контрастная предыдущей, – «**квалитатив целенаправленной деятельности**», – куда входят паремии с положительной оценкой активной деятельности человека, стремящегося к счастью и прилагающего для этого все усилия, проявляющего такие личные качества, как храбрость, трудолюбие, стойкость, целеустремленность, ум:

Счастье крепких ног требует. Счастье и труд рядом идут. Счастье легким на помине не бывает. Счастье не пирожок: на тарелочке не преподнесут. Счастье не в кошельке, а в руках. Смелому счастье помогает. Стойким счастье помогает. Счастье без ума — дырявая сумка. Счастье в воздухе не вьется, а рука ми достается. Всяк кузнец своего счастья.

Наиболее значимой в русской культуре является категория «**квалитатив семейного благополучия**»:

Лад и согласье — первое счастье. С милым рай и в шалаши. В семье, где лад, счастье дорогу не забывает. Семья — опора счастья. Где семья дружна, не страшна беда. Большое горе, где семья в раздоре. Без семьи нет счастья. Ср.: Love lives in cottages as well as in courts.

Наш анализ показал, что все многообразие типов внутренней формы пословиц с эмотивно-оценочным компонентом может быть сведено к трём, соответ-

ствующим элементам чувства, выделяемым в психологии: 1) изменения в лице в определённом эмоциональном состоянии; 2) поведенческая реакция, движения и поведение человека, испытывающего определенные эмоции; 3) внутренние переживания человека в определенном эмоциональном состоянии. Пословицы с эмотивно-оценочным компонентом содержат как универсальные, так и национально специфические признаки абстрактного имени, называющего пословичный концепт. В случае с описанием концепта счастья мы имеем эмоциональное состояние (радость, веселье, удовольствие) в англоязычном паремическом дискурсе и нечто большее, чем просто эмоция, скорее чувство удачи, успеха, состояние души, связанное с достижением цели, целенаправленной деятельностью и ее результатом в русском.

Словари

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ЗАО «ОЛМА. Медиа Групп», 2011.

The Penguin Dictionary of Proverbs. 2nd ed. By R. Fergusson and J. Law. Market House Books Ltd, 2000.

Литература

Абакумова О. Б. Английский паремический дискурс о правде и пословичный концепт-стереотип *truth* // Вестник ОГУ № 2(31), 2013. С.128—133.

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Учебное пособие для студентов факультетов и институтов иностранных языков. Л.: Просвещение, 1973.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Графова Т. А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова. Дис...канд. филол. наук. М., 1987.

Ивин А. А. Основание логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

Романов Д. А. Эмоции в системе языковых репрезентаций. Белгород: Изд-во БелГУ, 2004.

Сандомирская И. И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкоznания РАН. Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 114—136.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Шаховский В. И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. Воронеж: изд-во ВГУ, 1982. С.29—34.

**«Ненависть» как кластерный эмоциональный концепт
“Hatred” as a cluster emotion concept**

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты концептуализации эмоции ненависти в русском языковом сознании, в частности, вопрос о кластерной природе изучаемого эмоционального концепта. Проводится анализ примеров контекстуального употребления лексем *ненависть* и *ненавидеть*, а также метафорических выражений, описывающих данную эмоцию; делается вывод о наличии в структуре рассматриваемого концепта различных мотивационного и эмоционального, но общего когнитивного компонентов. Выдвигается предположение о сдвиге в оценке ненависти современным социумом.

The article examines some aspects of the conceptualization of the emotion of hatred in the Russian linguistic consciousness, in particular, the cluster nature of this emotional concept. Contextual use of the lexemes *hatred* and *to hate*, as well as of metaphorical expressions that describe this emotion is analysed; it is concluded that there are various motivational and emotional, but common cognitive components in the structure of the concept under consideration. It is also suggested that a shift in the assessment of hatred by a modern society can be witnessed.

Ключевые слова

Эмоция, концептуализация, эмоциональный концепт, кластерный эмоциональный концепт

Emotion, conceptualization, emotion concept, cluster emotion concept

Коммуникация в современном российском обществе характеризуется присутствием деструктивного компонента, в котором существенную роль играет так называемый «язык вражды» или «риторика ненависти» (hate speech). Несмотря на тот факт, что данный термин характеризуется высокой степенью двусмысленности [Brown 2017], лексема ненависть прочно связывает это словосочетание в обыденном сознании с эмоцией ненависти. Хотя в психологии ненависть относится к однозначно отрицательным эмоциональным состояниям, которые разрушающе воздействуют не только на окружающих, но и на личность самого субъекта, современное отношение к ненависти уже не настолько однозначно. В настоящей статье ставится задача систематизировать представления о ненависти в русском языковом сознании путем анализа контекстуального употребления лексем *ненависть*, *ненавидеть*, а также метафорических выражений, описывающих данное эмоциональное состояние.

Психологический подход к ненависти наиболее четко прописан в работе психиатра и психоаналитика О. Кернберга, который выделяет три аспекта нена-

висти: мотивационный, эмоциональный и когнитивный [Кернберг 1998]. Автор относит ненависть к сложным производным аффектам, определяя ее как опосредованную, пропущенную через ratio, сформированную и относительно постоянную реакцию на какой-либо объект. Эмоциональный аспект ненависти, по О. Кернбергу, включает в себя гнев / ярость в качестве первичного аффекта: ненависть возникает из ярости и снова и снова заставляет индивида переживать эмоцию ярости. Когнитивный аспект ненависти включает планирование агрессивных действий против объекта ненависти вплоть до его физического уничтожения. [Кернберг 1998: 37—42]. Однако другой психоаналитик, П. Куттер, утверждает, что история человечества свидетельствует о том, что ненависть нам нужна, но имеет значение то, что именно человек ненавидит [Куттер 1998]. Таким образом, нам важно определить, существует ли в русском языковом сознании единый концепт ненависти, или же концептуализация данной эмоции зависит от ее объекта.

Изначально, по традиции, обратимся к словарным дефинициям. Различные толковые словари определяют ненависть через вражду: **Ненависть** — отвращение, омерзение; зложелательство, сильная нелюбовь, вражда, злонамеренность [СД]; чувство сильнейшей вражды, неприязни [БАС2: 985—986; БТС]; чувство сильнейшей вражды, злобы [СО].

Общими для всех дефиниций являются следующие компоненты лексемы *ненависть*: 1) ненависть — это очень сильная эмоция; 2) ненависть непосредственно связана с враждой; 3) ненависть предполагает желание зла объекту. Интересно, что в словаре В. И. Даля отражено представление о том, что в основе ненависти могут лежать отвращение и омерзение, т.е. так называемые «физиологические» эмоции, не связанные напрямую с понятием злобы и вражды. Итак, в существующих дефинициях *ненависть* определяется через понятие вражды (что, собственно, и позволило перевести английское сочетание *hate speech* как «язык вражды»). Однако, посмотрев определение последней в тех же словарях, мы вступаем в замкнутый круг, потому что вражда определяется как «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [СО], «неприязнь, взаимная ненависть, недоброжелательные отношения» [СУ], а неприязнь — как «недоброжелательность, недружелюбие» [СО] или «нерасположение, недоброжелательное, скрыто враждебное отношение к кому/чему-н.» [СУ].

Свой вклад в размытость дефиниции ненависти вносит и этимология данного слова: глагол *ненавидеть* считается образованным от *навидѣти*, что означает «охотно смотреть, навещать» [СФ]. Таким образом, очевидно, что ненависть в бытовом значении трактуется очень широко: она охватывает целый ряд деструктивных эмоций, начиная с недоброжелательности и заканчивая отвращением и злобой. Необходимо отметить тот факт, что ни одна из существующих дефиниций не определяет ненависть через гнев / ярость, хотя психологами клинически доказано, что именно эти эмоции (или, следя психологической терминологии, первичные аффекты) лежат в основе эмоции ненависти.

Широкое толкование ненависти дает возможность широкого употребления соответствующей лексемы. Нами было отобрано более 500

«Ненависть» как кластерный эмоциональный концепт...

примеров контекстуального употребления лексем ненависть и *ненавидеть* на различных Интернет-форумах. Некоторые высказывания представляют собой простую констатацию факта ненависти и ее объекта, некоторые — развернутые описания возможных мотиваций и испытываемых переживаний. Выборка иллюстрирует широкий диапазон объектов ненависти, начиная с классических «фрейдистских» объектов типа матери и отца и заканчивая такими бытовыми вещами, как сало и крысиные хвосты. В результате содержательного анализа развернутых высказываний было выделено три типа мотивационных основ ненависти: эмоциональная, представленная высказываниями типа *Я ненавижу его, потому что он отвратителен* (говорящий связывает испытываемую ненависть с отрицательной эмоциональной реакцией на объект); когнитивная, представленная высказываниями типа *Я ненавижу детей, потому что они все время орут* (говорящий понимает и вербализует причину своей ненависти к объекту); бессознательная / неосознаваемая: *Она не сделала мне ничего плохого, но я все равно ее ненавижу* (причина ненависти не осознается самим говорящим). Следует отметить, что подобное разграничение мотивационных основ достаточно условно, т.к. у истоков ненависти (какой бы она ни была) всегда стоит эмоция — первичный аффект.

Русский язык предлагает множество эпитетов ненависти, также отражающих представления о ненависти в наивном сознании: бабская, безграницная, бездоказательная, безоглядная, безответная, безрассудная, безудержная, бесконечная, бескрылая, беспощадная, бессильная, бешеная, брезгливая, великая, всенародная, всеобщая, гадливая, глубокая, глухая, голая, горячая, греческая, дикая, едкая, жаркая, жгучая, женская, жестокая, животная, живучая, завистливая, затаенная, звериная, зоологическая, инстинктивная, испепеляющая, исступленная, классовая, леденящая, ледяная, лютая, народная, национальная, незаслуженная, неистовая, неистребимая, неисчерпаемая, ненасытная, непримиримая, нерассуждающая, неугасимая, неукротимая, неутолимая, неутомимая, нечеловеческая, общая, огненная, остервенелая, острые, откровенная, открытая, отчаянная, первобытная, политическая, праведная, пылающая, расовая, ревнивая, революционная, религиозная, рьяная, свирепая, святая, священная, сильная, скрытая, слепая, слепящая, смертельная, смертная, смутная, справедливая, старая, старинная, страстная, страшная, темная, тихая, тоискливая, тупая, тяжелая, убийственная, удвоенная, упорная, фанатическая, холодная, щемящая, экзальтированная, ядовитая, ярая, яростная [СЭ]. Все без исключения приведенные эпитеты характеризуются экспрессивностью, многие же метафоричностью. Метафорический аспект вербализации ненависти представляет собой отдельную интересную тему для изучения и представлен в нашей работе [Volkova et al. 2018]. Изучение метафорики ненависти показало, что данное состояние может вызываться и поддерживаться различными эмоциями, называемыми в психологии «первичными аффектами».

В пользу того, что ненависть стимулируется и подогревается эмоциями гнева / ярости, свидетельствует ряд метафорических выражений ненависти: ненависть накапливается, расpirает, взорвалась (М. Л. Гаспаров); ненависть полыхает, накаляет душу; жгучая, горячая ненависть; горячий ненавистью

(взгляд); полный ненависти; огонь / пожар ненависти; потушить ненависть. Ср.:

Багровый туман ненависти застилает его глаза. (Ф. К. Сологуб. Соединяющий души) [НКРЯ].

Надо было уходить, но он вдруг заколебался: из его противника **била такая ненависть**, что он мог не пойти за ним... (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев) [НКРЯ].

Горячую ненависть сложно накопить; подобно ярости, она плохо контролируема и взрывается при первой возможности. Но есть и другая, «холодная» ненависть, которую можно долго и медленно накапливать, что также отражено в ряде метафорических описаний ненависти: *ненависть зрела, лелеять ненависть, возвращать ненависть / семена ненависти*.

Их цель — обострять национальное недовольство, сеять и возвращать ядовитые семена ненависти к России и русскому народу (Слагаемые равноправия / «Жизнь национальностей», 23.06.2000) [НКРЯ].

Первичным аффектом «холодной» ненависти может выступать либо презрение, либо так называемая «холодная ярость», когда отсутствуют физиологические симптомы ярости (повышение температуры тела, повышение артериального давления, нарушение ясности восприятия). Ненависть и презрение часто идут рука об руку — наша картотека насчитывает 251 пример употребления данных номинаций эмоций через союз *и*, что свидетельствует о том, что в сознании носителей языка они выступают как эмоциональный кластер.

Фраза, брошенная мне в лицо, была давно придумана, и в ней были ненависть и презрение, накопленные месяцами и, может быть, даже годами. (Ю. Трифонов. Предварительные итоги) [НКРЯ].

Кроме этого, ряд выражений, называющих и описывающих эмоцию ненависти, заставляет предположить, что первичным аффектом ненависти может выступать эмоция отвращения. Человек, который утверждает, что ненавидит крысиные хвосты, грязные чашки, плохо вымытую посуду, жирные пальцы и др. подобные вещи, вряд ли основывает свое эмоциональное отношение на эмоции ярости. Известно, что отвращение по некоторым аспектам тесно связано с гневом, однако обладает рядом отличительных черт [Изард 1980: 296—297]. Текстовые примеры дают следующий синонимический ряд группы отвращения: *отвращение — омерзение — презрение* — брезгливость, а «Словарь синонимов» и «Большой академический словарь» добавляют к этому лексему *гадливость* [СС: 302; БАС2: 1300]. Во всех словарных дефинициях при этом актуализируется сема оценки «очень плохой» и сема «вызывающий тошноту» [СО; БАС2: 1300—1301]. На концептуальную связь ненависти и отвращения, кроме результатов психологических исследований, указывают такие выражения, как, например, *брехливая ненависть, тошнит от ненависти*, употребляемые в текстовом описании ненависти:

— Сволочь какая! — сказал Олег с **брехливой ненавистью**. — Таких давить и давить... (А. А. Фадеев. Молодая гвардия) [НКРЯ].

...и проклятое скрипты слышится многократно, и меня **тошнит от ненависти** к этому звуку, и я полагаю, что убил бы того человека, если бы знал, кто он (Саша Соколов. Школа для дураков) [НКРЯ].

«Ненависть» как кластерный эмоциональный концепт...

Очевидно, что как словарные дефиниции, так и проанализированный языковой материал позволяют рассматривать ненависть как кластер отрицательных эмоций, объединенных общим названием «ненависть». Первичными аффектами ненависти, наряду с гневом / яростью, могут выступать злоба, отвращение, презрение, а также некоторые пограничные эмоциональные состояния (раздражение, раздражение-отвращение, раздражение-презрение), что находит отражение в ряде словосочетаний и метафорических выражений, описывающих данное эмоциональное состояние.

Говоря о когнитивном аспекте ненависти, необходимо упомянуть выводы О. Кернберга о том, что данный аспект включает в себя планирование агрессивных действий против объекта ненависти вплоть до его физического уничтожения [Кернберг 1998: 37]. Вне зависимости от того, какая эмоция «запустила» ненависть, большинство людей испытывает желание причинить вред объекту своей ненависти:

Я была бы благодарна ей за перекошенное ненавистью лицо, за желание раскроить мне череп, выцарапать глаза, уничтожить физически (Е.Маркова. Мяч) [НКРЯ].

Однако в связи с тем, что социальные и моральные нормы обычно не позволяют этого сделать, «планы мести» либо так и остаются нереализованными, либо переводятся в более приемлемые формы агрессивных действий, включая вербальную агрессию. В следующем примере желаемый акт физической агрессии подменяется актом агрессии вербальной:

*Дрожа от ненависти, воинственного возбуждения и невозможности сцепиться в честной рукопашной, противники со своих позиций **поливают друг друга шквалом оглушительных оскорблений*** (Д. Рубина. Я и ты под персиковыми облаками) [НКРЯ].

Таким образом, очевидно, что концепт желания может быть включен в структуру эмоционального концепта ненависти, т.к. является родственным ему. Однако материал исследования показывает, что в современном языковом сознании ненависть зачастую сопряжена с чувством удовольствия. Был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором тридцать респондентов попросили дать пять первых ассоциаций на слово *ненависть*. В результате ни один из респондентов не указал в ассоциативном ряду удовольствие или синонимичные лексемы. Возможно, это объясняется тем, что культурные и этические нормы не одобряют получение удовольствия от действий и ощущений, связанных с ненавистью. Респонденты также могут чувствовать себя некомфортно, указывая удовольствие как ассоциацию к ненависти по той же самой причине. Однако на Интернет-форумах, находясь под защитой аватаров и ников, многие пользователи признаются в своих положительных ощущениях и эмоциях, испытываемых в результате переживания эмоции ненависти (см., например, сайт «Про ненависть», drom.ru и др.). При проведении Интернет опроса 69,3 % из 65 респондентов ответили, что получать удовольствие от ненависти возможно. Приведем некоторые ответы: ненависть «дает адреналин, делает сильнее», является «прекрасным мотиватором», «безграничным, приятным, пьянящим чувством», «сладким чув-

ством», «приносит исцеление», делает «смелым, нормальным человеком», дает «силы мстить», «смысл жизни», «делает человека живым», «выделяет из толпы», ненавидеть всей душою «приятно», ради ненависти «стоит жить». Столь высокая оценка эмоции ненависти и состояний, связанных с ней, позволяет выделить концепт удовольствия в качестве родственного.

Таким образом, в русском языке лексемы *ненависть*, *ненавидеть* широко используются для обозначения и выражения ряда отрицательных эмоций, т.е. ненависть концептуально связана с различными агрессивными эмоциями и враждебными эмоциональными состояниями, включая раздражение, гнев / ярость, отвращение, презрение и т.п. В эмоциональной и мотивационной составляющей концепта ненависти просматриваются существенные различия; в то же время ненависть имеет единый когнитивный компонент, включающий планирование агрессивных действий против объекта ненависти. Какая бы эмоция ни лежала в основе когнитивного сценария ненависти, единственной объединяющей частью всех возможных сценариев ненависти будет возникновение мыслей и образов, изображающих и планирующих акт возмездия против объекта ненависти, ибо ненависть есть мощный психологический фактор, порождающий агрессию и деструктивное поведение. Именно наличие общего когнитивного компонента и вариативных мотивационных и эмоциональных компонентов позволяет говорить о ненависти как особом типе эмоционального концепта — кластерном эмоциональном концепте.

Особый интерес представляет использование глагола *ненавидеть* для обозначения состояний низкой степени эмоциональности. По всей вероятности, это связано как с широкой семантикой данного глагола, так и с индивидуальными психологическими особенностями говорящего субъекта. Можно также предположить, что само слово *ненавижу* характеризуется не только экспрессивностью, но и обладает катартическим потенциалом — используя экспрессивное я ненавижу вместо нейтрального мне *не нравится*, говорящий как бы освобождается от переполняющих его отрицательных эмоций. Также необходимо отметить, что в современном обществе наблюдается некоторый сдвиг в оценке эмоции ненависти в сторону положительной или амбивалентной оценки, что зафиксировано в многочисленных контекстах. Данная тенденция представляется опасной, ибо закрепляет в правах «дискурс ненависти», оправдывая использование различных форм языковой агрессии в коммуникации.

Список сокращений

- БАС1 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 7. М.—Л.: Наука, АН СССР, 1958.
- БАС2 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 8. М.—Л.: Наука, АН СССР, 1959.
- БТС — Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка. Электронная версия // <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.

«Ненависть» как кластерный эмоциональный концепт...

СД — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Электронная версия // <https://ru.wikisource.org/wiki/ТСД2/Ненавидеть/ДО>.

СО — Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под. ред. чл.-корр. АП СССР Н.Ю. Шведовой. Электронное издание // <https://slovarozhegova.ru/>.

СС — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001.

СУ — Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д. Н. Ушакова // <http://ushakovdictionary.ru/>.

СФ2 — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под. ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. Электронная версия // <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>.

СЭ — Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. Электронная версия // <http://scicenter.online/literatura-russkaya-scicenter/slovar-epitetov-russkogo-literaturnogo-yazyika.html>.

Литература

Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности и первверсиях. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.

Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страсть. С-Птб.: Б.С.К, 1998.

Brown A. What is Hate Speech? Part I: The Myth of Hate //Law and Philosophy (2017) 36. P. 419—468.

Volkova Y., Dmitrieva O., Bobyreva Y., Panchenko N. Verbalization of hatred in modern Russian language // XLinguae, A European Scientific Language Journal. Issue 2. 2018. P. 171—189.

¶ Предикаты эмоционального состояния с сентенциальным актантом
в итальянском и русском текстах

Predicates of emotional states with sentential actant in Italian and Russian texts

Аннотация

В статье рассматривается употребление предикатов эмоционального состояния в русском и итальянском тексте. При наличии сентенциального актанта в итальянском тексте часто присутствует еще один глагол пропозиционального отношения.

In this article, we study the usage of predicates describing emotional states in Russian and Italian texts. If a sentential actant is present in Italian text, an additional propositional attitude verb often occurs, too.

Ключевые слова

Предикаты эмоционального состояния, сентенциальный актант, русский текст, итальянский текст

Predicates of emotional states, sentential actant, Russian text, Italian text

1. Эмотивы и косвенный вопрос.

Среди предикатов пропозиционального отношения эмотивы занимают особое место. Например, в отличие от глаголов говорения, глаголов ментальной семантики и глаголов перцептивного восприятия, они, как уже отмечалось, не способны присоединять пропозицию в форме косвенного вопроса [Падучева 1988]. Когда модус выражает эмоциональное состояние субъекта, его отношения с ситуацией, вызвавшей это состояние, интерпретируются, скорее, как каузальные, а не как дополнительные, то есть не носят модального характера. Характерно, что в итальянском тексте это проявляется чаще. Ср.:

(1) *Cosimo ci restò male perché era stato lassù tutto quel tempo ...* (Calvino).

Козимо огорчился, **что** просидел наверху столько времени ... (пер. Л. Вершинина).

(2) Ему было обидно, **что** за его большие, чем двадцатилетнюю службу ему не дали ни пенсии, ни единовременного пособия (А. П. Чехов. Палата № 6 (1892)).

Si sentiva offeso perché dopo più di vent'anni di servizio non gli avevano dato né la pensione, né un sussidio una volta tanto (пер. F. Malcovati) [НКРЯ].

На то, что глаголы-эмотивы способны присоединять как указание на причину процесса, так и быть частью оценочного суждения о процессе, указывал ещё Шарль Балли, отмечаянейтрализацию этих двух смыслов в инфинитивном обороте: *Je m'étonne de ce qu'on ne me répond pas. – Je m'étonne qu'on ne me répond pas. – Je m'étonne de ne pas recevoir de réponse* [Балли 2003: 218].

Очевидно, что для адекватного представления семантической структуры предложений с косвенным вопросом требуется семантическое разложение подчиняющего предиката-эмотива: событие и эмоцию соединяет ментальный акт, то есть осознание субъектом той ситуации, которая вызвала эмоциональное состояние. Так, приводимый Ш. Балли в качестве примера глагол *удивляться*, описывающий эмоционально-ментальную реакцию, подчиняет косвенный вопрос только в эпистемическом значении ‘не понимать’. Ср.: *Удивляюсь, как тебе это удалось. Удивляюсь, почему ты ещё на свободе.* Этим объясняется возможность взаимозамены при переводе внутреннего вопроса и глагола с семантикой удивления, обозначающих две стороны одного процесса: ментальную и эмоциональную. Ср.:

(3) *Domenico scorgerà inaspettatamente i fuochi del mio accampamento e si domanderà perché mai, io abbia fatto così poco cammino* (Buzzati).

Доменико заметит вдруг огни моего лагеря и удивится, почему это я прошел меньше, чем обычно (пер. Ф. Двин).

При этом русский язык демонстрирует относительно большую синтагматическую свободу при присоединении косвенного вопроса к предикатам-эмотивам. Ср.:

(4) *Германн принял её за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести её в такую пору* (Пушкин).

Придаточное предложение в данном случае отличается от обычного диктального дополнения, оно отделено от главной части паузой, и приближается к автономному высказыванию с самостоятельной интонацией. Такое «свободное» соединение пропозиций не характерно для итальянского языка, и в семи из одиннадцати проанализированных переводов появляются дополнительные глаголы пропозициональной установки *domandarsi / chiedersi* ‘спрашивать себя’. Ср.:

German la prese per la sua vecchia balia, e si stupì, domandandosi che cosa potesse averla condotta lì... (пер. L. Ginzburg).

Ghermann la scambiò per la sua vecchia nutrice e si domandò stupito, che cosa potesse condurla a quell'ora (пер. S. Polledro).

Hermann la prese per la sua vecchia balia, e si stupì, domandandosi che cosa potesse averla condotta lì ... (пер. C. Strada Janovič).

Hermann la scambiò per la sua vecchia governante e si chiese stupito che cosa mai potesse cercare a quell'ora (пер. B. Del Re).

Hermann la prese per la sua vecchia nutrice e si chiese stupito che cosa potesse averla condotta lì a quell'ora (пер. L. Montagnani).

Hermann la prese per la sua vecchia balia e si stupì chiedendosi che cosa potesse averla condotta lì a quell'ora (пер. A. Alleva).

La scambiò per la sua vecchia balia e si stupì, chiedendosi che cosa avesse potuto condurla lì a quell'ora (пер. M. Caramitti).

Позиция диктума при глаголе-эмотиве факультативна, поскольку эмоциональное состояние естественно мотивируется указанием на вызвавшую его причину, а причинно-следственная связь в синтаксическом отношении является слабой и необязательной.

В итальянских переводах пушкинской фразы при введении пропозиционального глагола *domandarsi* на смену несобственно-прямой речи оригинала приходит косвенная речь, между модусом и пропозицией возникает сильная дополнительная связь, кодируемая сослагательным наклонением. При этом указание на причину исчезает, а глагол *stupirsi* приобретает значение абсолютного признака (*si stupì → stupito*). Глагол *domandarsi* в коммуникативном отношении может быть как на первом плане (личная форма), так и обозначать второстепенное действие (герундий), но он всегда вводит подчиненную предикацию, то есть в первую очередь является структурным, строевым элементом текста.

Отметим, что словарь глагольного управления П. Блюменталя и Г. Ровере [Blumenthal, Rovere 1998] фиксирует для глагола *stupirsi* лишь подчинительную конструкцию типа **N-si V-S cong**, не отмечая специально способность присоединять косвенный вопрос. Ср.:

1. *Mi stupisco anzi che siano arrivati così tardi.*

2. *Nessuno di noi lettori si stupiva se il signor Bonaventura... fosse diventato "ormai ricco da far paura".*

3. *Se si pensa alla vastità delle trasformazioni subite dalla famiglia, ci si stupisce di come il divorzio e la stessa separazione coniugale siano pur sempre un fatto marginale* [Blumenthal, Rovere 1998: 1204].

Последний пример при всей его схожести с косвенным вопросом является скорее «косвенно-восклицательным» предложением [[Булыгина, Шмелев 1997: 385–387], поскольку «переменная в пропозициональной форме связана оператором ‘очень’, который входит в сферу действия эмотивного предиката, а не находится вне её, как должно было бы быть в случае косвенного вопроса» [Падучева 1988: 40]. Ср.:

(5) Удивляюсь, **как** ты до сих пор не заразился... (Довлатов).

Mi stupisce come finora non ti sia ancora beccato qualcosa... (пер. L. Salmon).

Реализация схемы косвенного вопроса **N-si V-(di) S interrog** отмечается в словаре П. Блюменталя и Г. Ровере лишь для синонимичного *stupirsi* глагола *meravigliarsi*: [Blumenthal, Rovere 1998: 675]:

1. *Io mi meravigliavo come tanta umiltà potesse sposarsi a tanta grandezza* (Sole 24 Ore).

2. *Gli stranieri si meravigliavano talvolta di quante città, fuori d'Italia, abbiano nomi tradotti [...]* (Sole 24 Ore).

В этой связи представляется неслучайным наличие двух вариантов перевода пушкинского примера именно с глаголом *meravigliarsi*, в структурном отношении идентичных оригиналу. Это позволяет рассматривать варианты с дополнительным пропозициональным глаголом типа *domandarsi / chiedersi* не как проявление жесткого правила присоединения предиката определенного типа, но лишь как тенденцию в коллективном языковом узусе, подкрепленную лексико-сintаксическими особенностями конкретного предиката. Ср.:

Hermann pensò che fosse la sua nutrice e si meravigliò, che cosa l’aveva mai spinta a venire lì... (пер. R. Molteni Grieco).

Hermann la prese per la sua vecchia nutrice e si meravigliò: che cosa poteva averla condotta lì a una tale ora? (пер. E. Lo Gatto).

Вместе с тем нельзя не заметить отсутствие структурной спаянности в данных примерах, особенно в последнем, где наличие двоеточия практически превращает сложное высказывание в конструкцию с несобственно-прямой речью, что ещё более усилено в следующем варианте перевода:

Hermann la prese per la sua vecchia nutrice: ma che cosa poteva condurla là a quell'ora? (пер. T. Landolfi).

Здесь «за кадром» остаются как ментально-эмотивный модус, так и модус говорения, а независимый иллокутивный акт вопроса оформлен просодически и пунктуационно. Наконец, в одиннадцатом варианте перевода мы наблюдаем устранение вопроса даже в косвенной, «внутренней» форме, его замену на придаточное дополнительное:

Germann la prese per la sua vecchia nutrice e si stupì che qualcosa potesse averla portata lì a quell'ora (пер. P. Nori).

2. Эмотивы с сентенциальным актантом

Модусы типа *удивиться* объединяют в себе значения как ментального, так и эмоционального планов. Вопрос, следующий за эмоциональной реакцией, можно рассматривать как своеобразное следствие, эффект эмоционального состояния. В этом случае в итальянском тексте реализуется рассмотренная выше модель:

si stupì domandandosi (...) = si stupì e si domandò (...).

Вместе с тем, сами эмоциональные состояния и реакции могут возникать вследствие зрительных и слуховых впечатлений. «Экспериенциальное состояние — принципиально двухместное, то есть это всегда отношение — отношение человека к ситуации внешнего мира» [Кустова 2004: 213]. Итальянский текст чаще реагирует на это, эксплицитно указывая на канал восприятия внешнего мира — источник эмоционального состояния. Ср.:

(6) *Мы, узнав об этом, были немало удивлены тем, что такой офицер получил назначение в наше захолустье* (Гаврилов).

Quando lo venimmo a sapere, fummo sorpresi di vedere che un ufficiale di tale levatura fosse stato inviato nello sperduto paese in cui ci trovavamo (пер. M. Dinelli).

(7) *Non si stupì di vedere, a cavalcioni del davanzale, il solito ragazzino che, immobile, guardava il mare* (Baricco).

Его вовсе не удивило, что на подоконнике сидел прежний мальчик и смотрел на море (пер. Г. Киселева).

Эмоции (психические реакции) развиваются на когнитивной основе, которая, в свою очередь, закладывается в процессе непосредственного восприятия и осмысления, реализуя модель: *Si stupì vedendo ... = perché aveva visto*. Значение пропозиционального отношения непосредственно связано именно с эпистемическим модусом [Арутюнова 1999: 414], и потому все эмотивы, способные подчинять пропозициональный актант, актуализируют ментальную компоненту своего значения. В итальянском тексте существует тенденция к экспликации данной когнитивной составляющей путем добавления еще

одного глагола пропозициональной установки, что приводит к возникновению двухуровневой зависимости. Ср.:

(8) *Смутился дурак и начал печалиться Ø о том, как бы прекратить те неприятные слухи?* (Тургенев).

L'imbécille si turbò e cominciò a rattristarsi, pensando a come avrebbe potuto por fine a quelle spiacevoli voci (пер. S. Garzonio).

(9) *Мне только противно Ø, что Лиза после Феди может так сближаться с чужим человеком* (Толстой).

Mi disgusta soltanto vedere che Liza, dopo Fedja, possa essere in intimità con un estraneo (пер. S. Leone).

(10) *А мне на этот раз жаль Ø, что Федора нет со мною* (Савинков).

E questa volta mi rattrista pensare che Fedor non è più con me. (пер. Di Paola).

(11) *Мне вдруг стало страшно, что она не приедет ...* (Казаков).

D'un tratto mi prese l'angoscia al pensiero che lei non arrivasse (пер. C. Fiannacca).

В том случае, когда главное предложение содержит акциональный предикат, осложненный сопутствующим эмотивным значением, мотив действия может быть выражен в русском языке в форме несобственно-прямой речи, в то время как в итальянском тексте часто эксплицируется эмотивный модус, а нефактивность пропозиции и её подчиненный характер маркируются с помощью сослагательного наклонения:

(12) *А с мертвецами завтра начальник лагеря разберётся. Как бы они по домам не поехали* (Пелевин).

Con i morti se la vedrà domani il direttore della colonia. E speriamo che non li rispedisca tutti a casa! (пер. G. Perugini).

(13) *Тотчас же он пугливо огляделся: Ø не видел ли кто?* (Чехов).

Poi si guardò intorno circospetto, temendo che qualcuno li avesse visti (пер. Gigante).

Subito si guardò intorno furtivo, temendo che qualcuno lo avesse visto (пер. F. Malcovati).

Характерно, что в двух итальянских переводах последнего примера эмотивный смысл дублируется: сначала в главном предложении с помощью определения *circospetto / furtivo*, а затем — в подчиняющем предикате *temere*, который при этом выполняет и четко выраженную строевую функцию. Отметим, что в итальянском языке существует возможность передать тот же модальный смысл без экспликации модуса пропозиционального отношения, с помощью грамматической конструкции: *Poi si guardò intorno circospetto: e se qualcuno li avesse visti?* Букв. Затем он пугливо огляделся: а не видел ли кто их?

Эмотивные модусы легко номинализируются, превращая при наличии единого семантического субъекта зависимую пропозицию в инфинитивный оборот:

(14) *Giovanni ... spense il motore per timore di restare senza benzina* (Cerami).

Джованни ... выключил мотор — Ø не дай бог, кончится бензин (пер. Е. Молочковской и Н. Ставровской).

В русском примере вместо гипотактической инфинитивной конструкции с причинным значением имеется два высказывания, связанные причинно-следственными отношениями, второе из которых осложнено имплицитной модальностью и практически является конструкцией несобственно-прямой речи.

Эмотивы, способные как в русском, так и в итальянском языках, присоединять сентенциальный актант, в итальянском часто требуют введения дополнительного глагола пропозициональной установки перцептивной или ментальной семантики. В целом элементы модуса высказывания получают в итальянском тексте более развернутое выражение по сравнению с русским текстом, где наблюдается тенденция к их полной или частичной редукции. Представляется, что это является частным случаем более общего явления — стремления итальянского языка к максимально высокой степени экспликации модусных элементов высказывания, что позволяет говорить об итальянском тексте как о тексте иерархического типа.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы модусов. Инверсия модуса и пропозиции // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999.

Балли Ш. Синтаксис эксплицитной модальности. // Балли Ш. Язык и жизнь. М.: УРСС, 2003. С. 215—224.

Булыгина Т. В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: «Языки славянской культуры», 2004.

Падучева Е. В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988.

Blumenthal P., Rovere G. Worterbuch der italienischen Verben: Konstruktionen, Bedeutungen, Übersetzungen. Stuttgart, Klett, 1998.

¶

Греть душу и сердце: употребление одной идиомы с семантикой радости и «грамматика идиом»¹

To warm one's heart and soul: the usage of a PLEASURABLE EMOTIONS idiom and the problem of “idiom grammar”

Аннотация

В статье рассматриваются особенности употребления одной из идиом семантического поля РАДОСТЬ И УДОВОЛЬСТВИЕ — *греть душу*, а также возможности лексических субSTITУций. Изучаются как лексико-грамматические, так и семантические ее изменения. На основе этих данных поднимается вопрос о границах употребления термина «грамматика идиом».

The article deals with the usage of *gret' dušu* (literally, ‘to warm one’s soul’), one of the idioms belonging to the linguistic field of PLEASURABLE EMOTIONS, as well as its propensity for lexical and grammatical changes, and semantic shifts. Based on the data on this subject, a question is raised regarding the extent to which the term “idiom grammar” should be used.

Ключевые слова

Идиомы, эмоции, «грамматика идиом»

Idioms, emotions, “idiom grammar”

Во фразеологической литературе можно встретить термин «грамматика идиом» [Langlotz 2006: 227], или «грамматика фразеологизмов»; см., например: «<...> Есть “грамматика фразеологизмов”, которая частично должна быть отражена в академической грамматике, а частично фиксироваться в словаре» [Баранов, Добровольский 2016: 47]. Ф. Хаусхулер-младший, первым предложивший этот термин, рассматривал грамматику идиом как изучение «лингвистических примитивов» (linguistic primes) — компонентов устойчивых сочетаний и сложных слов, образованных с помощью словосложения и аффиксации и требующих комментария в словаре (*di-* в *diverse* ‘разнообразный’, *fro* в *to and fro* ‘туда-сюда’) [Householder 1959]. Очевидно, что поведение фразеологизмов зависит, во многом, от их синтаксической структуры, ср. анализ словоизменительных парадигм фразеологизмов у Е. И. Дибровой [Диброва 1979] и принцип аппликации (наложение фразеологической единицы на эквивалентное свободное словосочетание) у В. П. Жукова [Жуков 1986]. В данной работе мы решили рассмотреть границы применения термина «грамматика идиом» на примере одной идиомы — *греть душу*.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкоznания РАН.

Следует несколько слов сказать о семантике данной идиомы. Она относится к семантическому полю РАДОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ (об этом поле в лексике и фразеологии индоевропейских и неиндоевропейских языков см., например, [Иоанесян 2017; Ковшова, Хоанг Тхи Фыонг Ха 2015]). Очевидно, что радость и удовольствие неравнозначны ни с языковой, ни с психологической точек зрения, ср. замечание А. Б. Пеньковского: «РАДОСТЬ абсолютно бесплотна, и тем не менее для языка она абсолютная реальность. УДОВОЛЬСТВИЕ имеет несомненную материальную — физическую и физиологическую — основу, и тем не менее для языка оно фикция. Радость имеет бытие, существует, живет... Радость есть. Можно сказать: У меня (у него, у нас) — (была, будет) радость; Там, — радость. Ср.: Окна в сад открыты... В саду — радость, зелень, птицы, прекрасное летнее утро... (Бунин). Удовольствие лишено возможности соединяться с предикатами бытия: *У меня (у него, у нас...) — (было, будет) удовольствие; *Там — удовольствие. <...> УДОВОЛЬСТВИЕ с точки зрения языка не более чем иллюзия и химера. УДОВОЛЬСТВИЕ — это сиюминутное “я ощущаю, что мне хорошо”» [Пеньковский 2004: 37—38]. Тем не менее, в указанной работе А. Б. Пеньковский говорит о семантическом поле ‘удовольствие — радость’ как о едином целом [там же: 65]. В данной статье рассмотрена одна из идиом, относящихся к этому полю и зафиксированных, среди прочего, в «Тезаурусе А. Н. Баранова и Д. О. Доброзвольского [Тезаурус], таксон «РАДОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ; СЧАСТЬЕ». См. также дефиницию в «Академическом словаре русской фразеологии»:

Греть душу (кому-л./чью-л.). Делать кого-л. радостным и умиротворенным, что описывается как воздействие тепла на воображаемый внутренний орган человека, являющийся вместе с тем чувств [АСРФ]. В данном определении (точнее, в ее операторе внутренней формы) содержится указание на образ души как невидимого органа (подробнее о наивной анатомии см. [Руссо 2013; Урысон 1994, 1995]). Субъектом являются, как правило, предметы или явления, воздействующие на эксперienцера.

В основном корпусе [НКРЯ] эта идиома представлена в 99 вхождениях, в газетном — в 113 вхождениях, ср. (1).

1. **a.** И, конечно, *греет душу* мысль, что найдутся молодые, пытливые умы, которые захотят это прочитать, сумеют понять, примут эстафету и пойдут дальше. [Георгий Малинецкий. От прошлого к будущему. Российский контекст междисциплинарности // «Знание-сила», 2013; НКРЯ]. **b.** Ведь даже *неверующему человеку греет душу* сознание, что кто-то ежедневно молится о нем, желает добра. [Ярослава ТАНЬКОВА. Как я уходила в монастырь... // Комсомольская правда, 2002.10.30; НКРЯ].

Часто встречается инверсия: *душу греть* (21 пример), в том числе в двух примерах *душу греть* понимается как ‘согревать туловоище’ (иначе говоря, происходит метонимический перенос: место локализации невидимого органа понимается как сам этот орган; отсюда и *душегрея*), ср. (2):

2. *Телогрей* — главный дружок человеку, *душу греет* [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007); НКРЯ].

Вышеупомянутый метонимический перенос делает возможной двойную актуализацию, при которой воздействие на «невидимый орган», отвечающий за эмоции, может совместно встречаться в одном контексте с воздействием на тело (3б). Образ в основе идиомы интуитивно понятен говорящим; об этом можно судить по случаям материализации метафоры и двойной актуализации² (3а).

3. а. *O, гори, бешеный нефтяной язык, озаривший полночи. Завёлся такой пошиб в жизни, отчего не стало на земле положений, где бы мог человек согреть душу огнём стыда; стыд подмок повсеместно и не горит.* [Б. Л. Пастернак. Письма из Тулы (1918); НКРЯ]. б. *Поцелуй грел ему душу и ту же щеку, куда пришелся удар слесаря Жаботинского.* [Александр Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание занимательных личностей) // «Сибирские огни», 2012; НКРЯ].

Расширение компонентного состава может сопровождаться изменением метафоры:

4. *Холодная Бретань влила в его жилы меланхолию, лицо неподвижно, тяжелые веки тушат блеск глаз, но огонь разума согревает влагу сердца, возбуждая жизненный дух, и вены на висках и руках юноши вздуваются, рельефно проступая сквозь кожу.* [С. В. Логинов. Драгоценнее многих (медицинские хроники) // «Наука и жизнь», 2007; НКРЯ].

В примере (4) употреблена именная группа *влага сердца*, и *согревать влагу сердца* становится, в сущности, парафразом идиомы *греть/согревать кровь*, основные значения которой можно сформулировать как ‘обрести бодрость’ (осмысляется как согревание жидкости, питающей организм: *от нее исходила какая-то заразительная и согревающая кровь чистота* [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5—8 (1913—1932); НКРЯ]) или ‘употребить какой-либо напиток (обычно алкогольный), который воспринимается как разогревающий кровь’³, например: *Чтоб не подать дурного примера, мы не употребляем вина за общую трапезою, но сохраняем как лекарство в малом количестве для подкрепления сил старцев, утружддающих ум чтением и науками. В часы отдохновения они иногда позволяют себе согревать кровь и освежасть ум* [Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец (1830); НКРЯ]. *Влага сердца* оказывается здесь аналогом кеннинга в скальдической поэзии.

² Ср. также очевидную языковую игру в следующем примере: *ВОПРОС ДНЯ А вы бы чему наших милиционеров научили? Михаил МАРГЕЛОВ, глава Комитета по внешней политике Совета Федерации: — Мыть руки, греть сердце, охлаждать голову.* [Егор ПРИВАЛЕНКОВ («КП» — Владивосток)]. Рис. Сергея САВИЛОВА. Институт благородных ментов // Комсомольская правда, 2006.04.05; НКРЯ]. Здесь употреблена контаминация *греть сердце* с изречением, приписываемым Ф. Э. Дзержинскому: *Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками* (см., например, [Серов 2003]). Словосочетание *греть сердце* здесь является исключительно каузативным дериватом *горячего сердца* и никак не связано с омонимичной идиомой.

³ Впрочем, в единственном и явно нестандартном (с нарушенной лексической и семантической сочетаемостью) примере из А. Грина мы видим употребление *греть кровь* в значении, аналогичном значению *греть душу и греть сердце*: *Передайте Гравелоту, что я согрел свою старую кровь вокруг его несчастья.* [А. С. Грин. Дорога никуда (1929); НКРЯ].

Возможно варьирование глагольного компонента: *согревать душу* (90 вхождений в основном корпусе НКРЯ, 41 вхождение — в газетном), см. (5a), (5b). Кроме того, возможно употребление этого глагола в совершенном виде (53 вхождения в основном корпусе, 18 — в газетном):

5. а. Сознание того, что не мне предстояло мыть посуду, согревало душу. [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008); НКРЯ]. б. Вспоминали родных, близких, места, где жили. Миром и покоем согревало это ощущение наши души. [В. Зеленский. Память моя хранит... // «Наука и жизнь», 2006; НКРЯ].

Возможна замена именного компонента с незначительным изменением метафоры: греть сердце (37 вхождений в основном корпусе, 20 — в газетном) / согревать сердце (78 и 17 вхождений, соответственно). Здесь вместо воображаемого органа человека тепло воздействует на орган реальный, однако тоже воспринимаемый как вместилище чувств. Более того, возможно сочетание: *греть сердце и душу*. У идиомы имеется еще одна валентность: (чем), например, *греть душу добрыми вестями, грея сердце тихой радостью* (Горький).

6. а. Радость грела сердце Мэбэта — его сила передалась сыну. [Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011; НКРЯ]. б. Он с восторгом отмечает, что: «Куба высоко держит знамя социализма, что согревает мое сердце». [неизвестный. Печать (2006.02.18) // «Наша страна» (Аргентина), 2006; НКРЯ].

Обращает на себя внимание отсутствие обязательной валентности в большинстве контекстов, например, в (1a), (5a), (5b). Это, вероятно, связано с категорией неотчуждаемой принадлежности (ср. рус. она подняла руку, фр. *elle a levé la main* vs. англ. *she raised her hand*). С этим связано также употребление местоимений в дательном падеже, т.е. заполнение валентности (*кому*). Ввод притяжательного местоимения может сопровождаться вводом определения, выраженного прилагательным или причастием (7a), (7b), причем по тому же принципу, что в свободных словосочетаниях (ср. он закрыл глаза при допустимости *он закрыл свои усталые глаза* [Федорова 2015: 64]). Это атрибутивная модификация по [Abeillé 1995]: прилагательные семантически эквивалентны генитивному атрибуту: *греет его французскую душу* — *греет ему, французу, душу, греющая их сирную душу* — *греющая им, сирым, душу*. Аналогичным образом возможен ввод указательного местоимения вместе с прилагательным в (7b): *греющих любую русскую душу*.

7. а. Он не любит власть других, но его собственная власть *греет его французскую душу*. [Виктор Ерофеев. Держите крепче Депардье! // «Огонек», 2013; НКРЯ]. б. Так возникает версия о средних способностях, средних возможностях, благодаря упорству доведенных до виртуозного мастерства — версия, близкая посредственности, *греющая их сирную душу*. [Н. В Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003); НКРЯ]. с. Таким образом, поэт требует верить в Россию, тогда как верить можно только в Бога. И тогда получается, что все, кто исходит восторгами по поводу этих строк, на самом деле, вместе с автором — обычные богохульники. Но поскольку всё это существует в форме

восхитительных же, греющих любую русскую душу стихов, оно оказывается ко двору людям любой идеологии. [Николай Журавлев. Поэт и вертикаль. Суeta вокруг юбилея (2003) // «Вестник США», 2003.09.17; НКРЯ].

Представим количество примеров с валентностью, заполненной местоимениями и именными группами в форме родительного и дательного падежа, в виде таблицы; для удобства возьмем словарную форму *греть душу* и вариант *греть сердце*.

Заполнение атрибутивной валентности	<i>греть душу</i>		<i>греть сердце</i>	
	основной корпус	газетный корпус	основной корпус	газетный корпус
<i>мой</i>	2	1	1	2
<i>его</i>	7	0	0	0
<i>наш</i>	0	2	2	0
<i>ваши</i>	0	2	2	0
<i>их</i>	0	1	1	1
<i>чей</i>	0	0	0	1
NP (Gen)	7	11	8	3
<i>мне</i>	4	1	3	2
<i>тебе</i>	0	0	0	2
<i>ему</i>	3	0	1	0
<i>нам</i>	0	2	2	0
<i>вам</i>	1	3	3	0
<i>им</i>	0	1	1	0
<i>кому-л./никому</i>	1	1	1	1
NP(Dat) ⁴	2	4	1	3
Всего примеров	99	113	39	20

Распределение местоимений, заполняющих атрибутивную валентность, можно объяснить с помощью «Я-Ты-Он-грамматики» по Э. Бенвенисту. Ср.: «В “Я-грамматике” <...> кореферентны говорящий и объект высказывания, выраженный местоимением я в роли подлежащего или дополнением, выраженным

⁴ Зафиксированы также два примера морфосинтаксической омонимии, который нельзя отнести к формам родительного или дательного падежа; первый взят из основного корпуса, второй — из журналистского: а. *Идея создания Мирового порядка под эгидой Запада давно грела душу антисоветской интелигенции* [С. Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002); НКРЯ]. б. «<...> Это греет сердце и душу не только большой русской колонии в Германии», — сказала Казарновская в ответ на вопрос, каким образом она попала из огромных концертных и оперных залов мира на небольшую, почти «семейную» сцену «Русского дома». [Ольга Семенова. Казарновская ‘очистит души оперной молодежи от скверны поп-культуры’ // РИА Новости, 2006.10.22; НКРЯ].

косвенными формами этого личного местоимения — *мне, меня* и т.п.: *Я — тутица/ олух царя небесного; Я не страшусь ничего/Меня ничего не страшит и Мне море по колено* и т.п. В “Ты-грамматике” <...> высказывание строится в режиме диалога, где субъект-адресат выражается местоимением *ты* или косвенным падежом этого местоимения: *Ты — бездельник и Ты бьешь баклуши; Ты живешь как у Христа за пазухой и Тебе живется как у Христа за пазухой* и т.д. В “Он-грамматике” речь идет о “третьем лице”, которое выражается в именительном или косвенных падежах местоимения *он*: *Он — лишний в этом деле и Он — пятое колесо в телеге; Он имеет обыкновение болтать лишнее и У него длинный язык* и т.д.» [Телия 1996: 212]. О *греть душу/сердце* мы можем сделать следующие выводы: эксперсиенцер преимущественно упоминается в третьем лице (*греть его/ему душу, греть душу X-а/X-у*, неотчуждаемое *греть душу*; третье лицо является «эмотивным номинативом», т.е. инвариантом идиомы, отражающей эмоции [там же]), реже в первом лице единственного и множественного числа. Любопытно, что в первом лице множественного числа именной компонент *души* употребляется во множественном числе, например, *грело это ощущение наии души* (5b), тогда в третьем лице множественном числе именной компонент может сохранять форму единственного числа: *грело им/их душу*. Это может быть связано с восприятием рассказчика: даже говоря от имени многих (например, единомышленников), он все же указывает на то, что коллективная эмоция воспринимается как воздействие на отдельных его членов. При описании в третьем лице это уточнение оказывается необязательным.

Как видно из таблицы, возникает парадоксальная ситуация: если местоимения преимущественно употребляются в дательном падеже, то существительные и именные группы — в родительном (ср. выше *грела сердце Мэбэта*). Это может быть связано с тем, что *душа/сердце* как орган восприятия в наивной картине мира может пониматься и как нечто неотчуждаемое, и как нечто отчуждаемое (особенно в рамках религиозных представлений о бессмертии души). Кроме того, даже в контекстах употребления данной идиомы *душа* противопоставляется *телу* (*грел тело и душу*). В такой ситуации, если эксперсиенцер назван и уточнен, подчеркивание неотчуждаемой принадлежности становится необязательным.

Подводя итоги, мы попытаемся ответить на вопрос о том, применимо ли по отношению к данной идиоме (естественно, мы не можем говорить об идиомах вообще) понятие «грамматики фразеологизмов». Судя по всему, о какой-то отдельной грамматике фразеологизмов здесь говорить нельзя: в словоизменительной парадигме данной идиомы мы, как упоминалось выше, видим то же, что и в свободных словосочетаниях. Особенности словоизменительной парадигмы связаны исключительно с семантикой эмотивной идиомы и ее инвариантами в третьем лице.

Литература

АСРФ — Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015.

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Академическая грамматика через призму фразеологии // Русский язык за рубежом, № 3, 2016. С. 46—50.
- Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке Р. н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1979.
- Жуков В. П. Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1986.
- Иоанесян Е. Р. Типы семантических переходов в лексическом поле «радость» и «удовольствие» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 9, 2017. С. 249—330 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/sbornik_kiya.pdf.
- Ковшова М. Л., Хоанг Тхи Фыонг Ха. «Радость» в русской и вьетнамской фразеологии и «счастье» в паремиях: лингвокультурологический анализ // Вопросы психолингвистики. № 2 (24), 2015. С. 242—249.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru/>.
- Пеньковский А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 37—38.
- Руссо М. М. Исчезающие органы // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 5, 2013. С. 173—199 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2013_05/sbornik_kiya.pdf.
- Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003 // https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2787/%D0%A3.
- Тезаурус — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Урысон Е. В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь: Международный философский журнал, № 6, 1994.
- Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкоznания, № 3, 1995. С. 3—16.
- Федорова Л. Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение, № 8, 2015. С. 61—74.
- Abéillé A. The flexibility of French idioms: A representation with Lexicalized Tree Adjoining Grammar // Everaert, M., Linden, E.-J. van der, Schenck, A., Schreuder, R. (eds.) Idioms: Structural and psychological perspectives. Hillsdale (NJ), 1995. Pp. 15—42.
- Langlotz A. Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- Householder F. W., Jr. On linguistic primes // Word, 15, 1959. Pp. 231—239.

**К типологии семантических переходов в лексическом поле
эмоциональных состояний¹**

**Towards the typology of semantic shifts in the lexical field
of emotional states**

Аннотация

В статье на материале нескольких языков рассматриваются основные типы семантических переходов, которые лежат в основе номинации эмоций. Автор выдвигает гипотезу, что семантические переходы связаны с прототипической ситуацией эмоции, а также с импликациями из этой ситуации. Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей. Полученные результаты могут представлять интерес для лингвистической типологии.

On the material of several languages major types of semantic transitions which lie at the basis of nominations of emotions are considered. The author makes a hypothesis that semantic shifts are based on the prototypical situation of emotion and on the inferences associated with it. The study is based on a large corpus of explanatory and etymological dictionaries. The data received may be of interest for linguistic typology.

Ключевые слова

Семантические переходы, семантическая типология, внутренняя форма слов, полисемия, фразеология, языковая картина мира

Semantic shifts, semantic typology, inner form of words, polysemy, phraseology, language picture of the world

I. Введение

Задачей данной публикации является исследование типов семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций в разных языках. Под семантическим переходом мы, вслед за Анной А. Зализняк, понимаем «факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции <...> Тем самым, семантический переход, это, по существу, расширение понятия полисемии — за счет расширения понятия «одного и того же слова», а именно, за счет включения сюда диахронической семантической эволюции, когнаторов в родственных языках и морфологических дериватов» [Зализняк 2009].

II. Основные положения

Как показало наше исследование, в основе номинации эмоций во многих случаях лежат семантические переходы, опирающиеся на компоненты

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00736-а) в Институте языкоznания РАН.

прототипической ситуации соответствующей эмоции или инцидентные следствия этой ситуации. Под инцидентными следствиями понимаются стандартные ассоциации, которые в сознании данного языкового коллектива связывают данную ситуацию с некоторой другой².

Таким образом в статье рассматриваются семантические переходы 'X' — 'эмоция Y', в которых X является компонентом или инцидентным следствием прототипической ситуации Y и планом выражения которых «является множество реализаций данного перехода, т.е. список слов (или пар родственных слов), в которых он представлен — синхронно или диахронически» [Зализняк 2006: 406].

III. Семантические переходы, лежащие в основе номинации эмоций

III.1. Компоненты прототипического *сценария эмоции*

A. Оценка некоторого положения вещей как желательного или нежелательного для субъекта — причина эмоционального состояния субъекта.

Семантические переходы: 'положительная / негативная для субъекта ситуация X' ↔ 'эмоция Y'.

Страх. Определяющим элементом ситуации страха является компонент 'опасность' / 'негативная ситуация'. Семантический переход 'опасность' / 'негативная ситуация' ↔ 'страх' представлен большим количеством примеров в разных языках, приведем лишь несколько: (а) лат. *miseria*: 'горе, беда, несчастье, бедственное положение' и 'боязнь, страх' [ЛРС; ALD; LSL и др.]; (б) англ. *fear* — 'страх; испуг'; исходным значением этого слова был смысл 'опасность': «*Sb: OE: [sudden calamity, danger]* 1. in OE peril; 2. ME A state of alarm or dread; 3. ME The state of fearing (smth)» [OUD]; (в) франц. *chaud*; выражение *avoir eu chaud* может означать: 1) быть на волоске от гибели [ГМ]; 2) испугаться (разг.) [ГМ; ГР]; (г) лат. *timor, terror, metus* имели значения 'страх' и 'предмет страха' ('то, что или кто каузирует, вызывает страх', т.е. опасная или неприятная ситуация) [ЛРС; DLFG; NDL]; например: «*timor: objet de crainte, qui inspire la crainte (qui effraie) <...> magnus uterque timor latronibus, Hor. S. 1, 4, 67: (jurisconsultes) tous deux la terreur des brigands*» [JWH].

Разочарование. Основными причинами разочарования обычно являются следующие: осознание субъектом, что его обманули (или он сам обманулся), обманули его надежды, ожидания, что он совершил ошибку, что имело место некоторое негативное событие (какая-то жизненная неудача, поражение, провал и т.п.). В языке это нашло отражение в семантических переходах вида:

1. 'обман' — 'разочарование', например: (а) исп. *chasco* — 'шутка / обман' и 'разочарование' [ELM]; (б) лат. *decipere* — 'обманывать', в том числе — 'обманывать ожидания', и 'доставлять разочарование' [DLFG]; (в) франц. *attraper* (исходное значение — 'поймать') используется в значении 'обмануть, провести кого-л.'; в разговорной речи у глагола отмечается значение 'разочаровывать', (г) исп. *defraudar* — 'обманывать, обманым путём обобрать' и 'разочаровывать' [ИСРС; DRAE].

² Ср. не конвенциональные, инцидентные следствия в [Падучева 2004], а также импликации в [Black 1962; Кустова 2000].

2. 'ошибка' → 'разочарование', например: (а) франц. *mécompte* — 'ошибка' и 'разочарование' [ГТ; TR]; (б) англ. *balk* — 'ошибка', 'промах, упущение' и 'разочарование'³ [НБАРС; OUD]; (в) англ. *to slip up* — 'ошибиться, совершить ошибку' [MWD]; в австралийском варианте английского языка он имеет значение 'разочаровать' (и, к тому же, значение 'обмануть') [НБАРС].

3. 'негативное событие' / 'негативная ситуация' → 'разочарование'. Например: (а) франц. *déconvenie* — 'неудача' (исходный смысл) и 'разочарование' [TR; PR]; (б) франц. *déboire* — 'разочарование' (исходный смысл) и 'неприятности' [TR; PR]; (в) англ. *to let down* — 'подвести кого-л.' (т.е. неожиданно ставить в затруднительное положение) и 'разочаровать' [CCA; MWD]; (г) англ. *to disappoint* был заимствован из французского языка в значении ≈ ' лишить кого-л. должности' (неприятное событие), позже у него появилось значение 'разочаровать' [OED].

Радость. Неотъемлемым компонентом прототипического сценария радости является наличие приятной / благоприятной для субъекта ситуации Р. Это определяет наличие семантических переходов вида 'положительная ситуация' ↔ 'радость'. Например: (а) лат. *festus* имело значение 'праздничный' (о днях, посвященных религиозным праздникам, в которые народ не работал), от которого произошло другое значение этого прилагательного — 'радостный, ликующий' [GDL]; ит. *festa*, *festoso* и *festosamente* унаследовали полисемию 'праздник' — 'радость': «In senso fig., di tutto ciò che dà allegria: *l'arrivo del circo fu una f. per tutti*»; «*Festoso. Che è segno di festa, che esprime o dimostra gioia, contentezza, allegria: voci f.; grida f.; f. accoglienze*» [VT]; франц. *fête* 'праздник' в конструкции (*être*) *en fête* может означать '(находиться) в состоянии радости': «(Être) en fête; ♦ (Être) plein d'animation, de joie, de bonheur» [TR]; (б) рус. праздник может употребляться в переносном значении 'радость' / 'удовольствие': «перен. разг. Испытываемое от чего-либо наслаждение, приятное, радостное чувство» [Ефремова], «На душе праздник (перен.: радостно)» [ОЖ]; (в) обратный переход от значения 'радость' к значению 'праздник' представлен французским существительным *réjouissance* [PR; TR], английскими словами *rejoicing* и *to rejoice* [НБАРС; MD; RHU], исп. *regocijo* [ИСРС].

Стыд; позор. В основе чувства стыда во многих случаях лежит осознание человеком, что он совершил дурные поступки. Это, как представляется, определяет языковую полисемию вида 'плохой поступок' — 'стыд'. Например: (а) лат. *probrum* имело значения: 1) дурной поступок, «*insimulare aliquem probri Pl* обвинять кого-л. в позорном поступке» [ЛРС], «*action honteuse, action infamante*» [JWH]; 2) позор, срам» [ЛРС], «*honte, déshonneur, opprobre, infamie; in probro esse*, Ter. Phorm. 825: *être déshonoré*» [JWH]; (б) у лат. *dedecus* отмечены значения 'стыд, позор, срам' и 'позорное деяние, бесчестный поступок' [ЛРС; EDL и др.], «*1. déshonneur, honte, ignominie, infamie; — dedecori esse alicui, Cic. Off. I, 239: être un objet de honte pour qqn. 2. action déshonorante. — dedecus admittere, Cæs. BG. 4, 25, 5: commettre une action honteuse*» [JWH].

³ В некоторых словарях значение 'ошибка'дается с пометой «устар.»: «*Obs. a blunder; error*» [WNW].

Сожаление. В качестве негативной ситуации X выступает ситуация по-несенного вреда или ущерба, что отражается в семантических переходах вида 'ущерб' / 'вред' → 'сожаление'. Например: (а) пол. *szkoda* и укр. *шкода* выступают в значениях 'ущерб, урон, убыток; вред' и 'жалъ, жалко' [SJP], [ГСУМ]; (б) франц. *dommage*, исходное значение которого 'вред; ущерб' [PR], в современном языке используется в конструкциях *Quel dommage, il est dommage, c'est dommage, dommage que* для выражения сожаления: «*Ce serait vraiment dommage qu'il pleuve*» [там же].

Б. Стимул.

Удовольствие. Удовольствие определяется как чувство, «несомое нам сенсорными ощущениями — такими, как тактильные и вкусовые» [Изард 1999]. Оно включает в качестве обязательного компонента стимул. Связь удовольствия с сенсорными ощущениями — зрительными, слуховыми, вкусовыми и т.п., определяет наличие семантических переходов вида 'вкус' — 'получать удовольствие'; 'есть' / 'пить' — 'получать удовольствие', 'смотреть' / 'слушать' — 'получать удовольствие' и т.д., представленных во многих языках. Например: (а) рус. глагол *утиваться* имеет значения 'напиваться до полного насыщения или допьяна' и 'наслаждаться чем-либо'; (б) англ. *treat*, образованное от глагола *to treat*, одно из значений которого — 'угодывать', имеет значения 'угодление' и 'удовольствие, наслаждение': «1. *a cold treat of roasted mutton and beef* — холодная закуска из жареной баранины и говядины; *the monkey got an extra treat* — обезьянка получила дополнительное угождение; 2. *the music was a real treat* — музыка доставила истинное наслаждение» [НБАРС]; (в) семантический переход 'удовольствие' → 'есть' представлен санскритскими словами *valbh* 'enjoy' — 'to eat' и *bhuj-* 'enjoy' — 'eat' [DB].

Отвращение. Согласно мнению ученых, эмоция отвращения жестко связывается с пищевым поведением [Изард 1999: 271], при этом одной из причин пищевого отвержения является пища, которая имеет неприятный вкус или запах. Это объясняет семантический переход 'неприятный вкус' ↔ 'отвращение'. Примеров на переход 'неприятный вкус' → 'отвращение' много, приведем лишь пример перехода 'отвращение' → 'неприятный вкус': у латинского существительного *taedium*, обозначавшего чувство отвращения, развилось значение 'неприятный вкус или запах' [DLFG], «*dégoût, aversion, répugnance; saveur désagréable, mauvais goût*» [OLD], «*vetustas oleo tædium affert, Plin.: la vieillesse donne à l'huile une odeur désagréable*» [JWH].

В. Оценка некоторого положения вещей как неконтролируемого для человека.

Представление человека о невозможности предотвратить наступление неприятной, опасной для него ситуации является одним из ключевых элементов прототипической ситуации страха. Невозможность держать ситуацию под контролем может быть вызвана подчиненным положением человека (в частности, нахождением в рабстве или заключении), его физической и/или моральной слабостью. Связь между чувством беспомощности и страхом отражена в семантических переходах вида:

1) ‘подчиненное положение / зависимость’ — ‘страх’. Например: (а) англ. *caitiff* — ‘трусливый, малодушный’ образовано от старо-французского *captive* — ‘пленный; лишенный свободы’, которое восходит к латинскому *captivus* [OED; OUD]; (б) ит. *soggezione* имеет значения ‘подчинение, подчинённость, зависимость’ и ‘робость, страх’; *avere soggezione* — ‘трусить’; *mettere in soggezione* — ‘пугать’ [VT]; глагол *insoggettire* имел значение ‘подчинять, покорять’, в настоящее время у него отмечается значение ‘пугать’; *insoggettirsi* — ‘пугаться’ [GDH]; (в) рус. *робеть* и *робкий*: «робеть, ёю. От роб “раб, невольник” (Mi. EW 225)» [ФЭ]; (г) Испанское прилагательное *detenido*, образованное от причастия глагола *detener* — ‘останавливать; задерживать; арестовывать’, имеет значения ‘арестованный; заключенный’ и ‘малодушный, трусливый’ [DRAE]; (д) исп. *azorrillar* в мексиканском варианте испанского языка означает ‘подчинять своей воле; приуждать силой’, а в прономинальной форме имеет значение ‘трусить’ [БИРСЛА].

2) ‘физическая и / или моральная слабость’ — ‘страх’; ‘сила’ — ‘смелость’. Например: (а) англ. *faint* — ‘слабый; вялый’ и ‘нечемелый, робкий’, *to faint* — ‘слабеть’ и ‘терять мужество’ [НБАРС]; (б) исп. *achilar* (Колумбия) — ‘ослаблять, лишать сил’, *achilarse* (Колумбия) — ‘бояться, трусить, падать духом’ [БИРСЛА]; (в) исп. *apolismarse* (Ам.): 1) ‘хиреть, слабеть, чахнуть’ [ИСРС; БИРСЛА], ‘не расти, оставаться маленьким’ [DRAE, DLE]; 2) ‘трусить, пугаться’ [ИСРС; БИРСЛА; DRAE; DLE]; (г) ит. *gagliardo* — ‘сильный, крепкий’ и ‘отважный, смелый’; *gagliardezza* — ‘сила, крепость’ и ‘отвага, смелость’ [SCT].

Г. Желание субъекта избежать неприятной ситуации.

Для страха, например, это может иметь следующие проявления:

1. Неконтролируемые (частично контролируемые) поведенческие реакции — бегство, попытки стать незаметным и т.д. Это лежит в основе переходов ‘убегать’ / ‘отступать’ ↔ ‘страх’, ‘съежиться’ ↔ ‘страх’ и т.п., широко представленных в языке: Например: 1) ‘убегать’ / ‘отступать’ ↔ ‘страх’: (а) англ. *turnback* — ‘трус’ [НБАРС], образовано от фразового глагола *to turn back* — ‘поворнуть назад; отступить’; (б) исп. *recular* — ‘уходить, отступать’, в чилийском варианте испанского языка используется в значении ‘трусить, страшиться; сомневаться’ [FDC]; ср. также существительное *reculada* (лунфардо) — ‘трусость, малодушие’ [DLR]; (в) исп. *arredrar* имеет значения ‘заставить идти назад’ — ‘пугать’ [GCD]; (г) исп. *culanchor* выступает в Латинской Америке в значениях ‘отступать перед противником’ и ‘робеть, трусить’ [БИРСЛА]; (д) лат. *fugere* — ‘убегать’ и ‘избегать; бояться; осторегаться’; *fugax* — ‘готовый бежать’ и ‘боязливый, робкий’ [EDL].

2. Контролируемые действия, продиктованные страхом: попытки спрятаться, стать незаметным, отказаться от поступков, представляющих человеку опасными, предпринять меры, чтобы предотвратить опасную ситуацию. Это отражается в полисемии ‘страх’ — ‘прятаться’, ‘страх’ — ‘отказ от действий’, ‘страх перед X’ — ‘меры по предотвращению X’ и т.п. Например: (а) исп. *encadarse* — ‘трусить, бояться’, в Арагоне и Наварре глагол имеет также значение ‘прятаться, скрываться’ [DLE]; (б) исп. *azorrillarse* имеет значения ‘трусить’, ‘прятаться’

и ‘свернуться клубочком, съежиться’ [ИСРС; БИРСЛА]; (в) исп. *achumicarse* в Никарагуа имеет значения ‘робеть’ и ‘сжиматься, съеживаться’ [БИРСЛА]; (г) исп. *ahuevarse* в Латинской Америке имеет значение ‘испугаться струсить’ [БИРСЛА]; в словарях у него отмечается также значение ‘прекратить что-л. делать из страха’: «*Dejar de hacer o interrumpir (una persona) un asunto por miedo*» [GCD].

Д. Контролируемые и неконтролируемые поведенческие и речевые реакции.

Некоторые эмоциональные состояния обязательно имеют внешние проявления [Апресян 1995: 369]. Ликование, например, проявляется в плясках, песнях, возгласах и т.п. В языке это отражается в следующих переходах: ‘радостно восклицать’ → ‘ликовать’, ‘танцевать’ → ‘ликовать’, ‘прыгать’ → ‘ликовать’. Например: (а) лат. *jubilare* — ‘издавать громкие крики, торжествующие возгласы’ и ‘ликовать’ [ЛРС]; (б) рус. *ликовать* образовано от *лик*, которое было заимствовано «из гот. *laiks* “танец”, *laikan* “скакать, прыгать”» [ФЭ]; (в) лат. *exsultare*, имевшее значения ‘прыгать’ — ‘ликовать’ [ЛРС; DLFG и др.].

Печаль и скорбь могут вызывать неконтролируемые реакции — такие, как стоны, определенные жесты. Это находит отражение в соответствующей полисемии языковых единиц, например: (а) лат. *gemitus* имело значения ‘стон’ и ‘скорбь; печаль’ [ЛРС и др.]; (б) лат. *plangere* означало: 1. ‘с шумом ударять, бить’: «*plangi* О бить себя в грудь (от отчаяния, в скорби)» [ЛРС]; 2. ‘скорбеть’: р. *aliquem Tib* предаваться скорби по ком-л., горестно оплакивать кого-л.» [там же].

Раскаяние в картине многих языков ассоциируется со специфическими поведенческими проявлениями — человек бьет себя в грудь, кусает губы (см. также [Апресян, 2003: 147]), например: (а) франц. *s'en mordre la langue, les lèvres* — ‘раскаиваться в своих словах’ (букв. ‘кусать себе язык, губы’): «*regretter ce que l'on vient de dire*» [PR]; (б) франц. *se mordre les doigts de quelque chose* — ‘горько раскаиваться в чем-л.’ (букв. ‘кусать себе пальцы’): «*se mordre les doigts de quelque chose s'en repentir amèrement*» [PR]; (в) ит. *mordersi le mani* (или *le dita*) — ‘раскаиваться, сожалеть о чем-л.’ (букв. ‘кусать себе руки (или пальцы)’ [СМИ], «*mordersi le mani, le dita, il gomito, pentirsi inutilmente di cosa non più riparabile*» [VT] (букв. ‘кусать себе руки, пальцы, локти’); (г) ит. *battersi il petto* — ‘раскаиваться’ (букв. ‘бить себя в грудь’) [СМИ]; «*battersi, picchiarsi il p., in segno di penitenza, di dolore, di contrizione, e in senso fig., pentirsi: è inutile ormai che tu ti batta il petto, dopo quello che hai fatto!*» [VT].

Е. Неконтролируемые физиологические реакции.

Многие эмоциональные состояния сопровождаются неконтролируемыми физиологическими реакциями.

Страх: потоотделение, дрожь, дефекация, испускание кишечных газов, опорожнение мочевого пузыря, изменение цвета лица, элевация волос и др. Это отражено в переходах ‘дрожь’ — ‘страх’, ‘дефекация’ / ‘понос’ — ‘страх’, ‘потоотделение’ — ‘страх’, ‘опорожнение мочевого пузыря’ — ‘страх’, ‘бледность’ / ‘желтизна’ — ‘страх’, ‘элевация волос’ — ‘страх’, ‘судороги’ — ‘страх’ и т.п. Примеров очень много в разных языках, см. [Иоанесян 2015].

Отвращение: тошнота, рвота; соответствующие семантические переходы:

- (а) лат. *nausea, nauseare* — ‘тошнота, позыв на рвоту’ и ‘отвращение’ [ЛРС; LSL и др.]; (б) франц. *nausée* — ‘тошнота’ и ‘омерзение, отвращение’ [ГТ; PR и др.]; (в) *haut-le-coeur* ‘тошнота’ и ‘отвращение’, «*Dégoût physique violent, soulèvement de l'estomac, brusque envie de vomir. Synon. nausée. Au fig. Vif sentiment de dégoût, d'aversion, de répulsion*» [PR] др.

Характерно, что одна и та же эмоция в картине мира разных языков может ассоциироваться с разными физиологическими проявлениями, о чем свидетельствует соответствующая семантическая деривация. Так, например, мы встретили следующие семантические переходы, не характерные, в частности, для русского языка:

1. ‘сильное удивление’ — ‘затрудненное дыхание; одышка’: франц. *époustanfler, couper le souffle, souffler* [PR; TR и др.].

2. ‘сильное удивление’ — ‘взъерошенные волосы’: франц. *ébouriffer* — ‘растрепать, взъерошить (волосы)’ и ‘ошеломить; поразить’.

3. ‘сильное удивление’ — ‘оцепенение’ (полная обездвиженность с мутизмом и ослабленными реакциями на раздражение): лат. *stupor* — «1) оцепенение, оглушённость (*sensus C*); 2) замешательство, смущение, изумление» [ЛРС]; франц. *stupeur* «*lat. stupor. État d'inertie et d'insensibilité profondes lié à un engourdissement général <...> Étonnement profond*» [PR].

III. 2. Инцидентные следствия

Удовольствие и радость. Инцидентным следствием удовольствия и радости является желание испытать эти эмоции еще раз. Это лежит в основе переходов ‘желание’ — ‘удовольствие’ / ‘радость’. Например: (а) немец. *Lust* демонстрирует полисемию ‘желание’ (в том числе сексуальное) — ‘удовольствие’ (в том числе сексуальное) [DWDS]; (б) рус. *охота* имело значения ‘желание’ и ‘удовольствие’. Выражение *в охоту* в русских диалектах использовалось в значении «с удовольствием, в охотку». *Голодному Федоту и репа в охоту. Охотно* имело два круга значений: ‘приятно, весело’ и ‘хочется, охота’. Архив АН СССР» [СРНГ]; (в) франц. глагол *aimer* используется в значениях: 1) = рус. *любить 1* — для обозначения чувства, которое «которое испытывает человек по отношению к объекту любви (или, точнее, чувство-отношение: любить жену, мать, свою семью)» [Шмелев 2012: 457]: *Aimer sa mère, ses enfants*; 2) = рус. *любить 2: aimer beaucoup les fruits de mer, les voyages; aimer travailler*; 3) в значении ‘хотеть’: *J'aimerais bien que vous me jouiez quelque chose*» [PR].

Наличие переходов ‘покой’ — ‘удовольствие’ / ‘радость’ говорит о том, что в картине мира языка удовольствие и радость / веселье ассоциируются также с состоянием внутреннего покоя. Указанный переход реализуется в двух вариантах: 1. ‘человек находится в состоянии покоя’ / ‘человек пришел в состояние покоя’ — ‘человек испытывает удовольствие / радость’; 2. ‘объект находится в состоянии покоя’ — ‘объект вызывает удовольствие / радость человека’. Др.-русск. *тѣшити* имело значение ‘ успокаивать’, *тѣшитица* — значение ‘ радоваться’: «утѣшать, успокаивать: Тѣшаше, аки мати младенца. Жит. Петр. Берк. Мин. чет. іон. 414; *тѣшитица* — ‘ радоваться’» [СР]. В словарях русского языка 18 и 19 веков

у слов *утешать, утешение, тешить* и т.п. отмечались значения, содержащие семы ‘удовольствие’ и ‘радость’. Например: «утѣшаюсь: Нахожу, обрѣтаю удовольствіе, отраду въ чемъ; или получаю облегченіе въ печали, въ огорченіи, въ злощастіи» [CAP]. Семантический переход ‘спокойный’ → ‘веселый, радостный’ зафиксирован в «Каталоге семантических переходов» для шведского прилагательного *rolig*: «Semantic evolution: Swedish *rolig* ‘calm’ → Swedish *rolig* ‘cheerful’» [DB]. В современном языке слово используется не только в значении ‘веселый’, но и в значении ‘приятный, доставляющий удовольствие или радость’, например: «*det är roligt att få vara med* — приятно, что меня позвали» [LSR]. Обратный семантический переход — от ‘удовольствия’ к ‘покою’ — реализован в испанском *suave*, сочетающем значения ‘приятный’ (т.е. вызывающий чувство удовольствия) и ‘спокойный’: «*Blando, dulce, grato a los sentidos; Tranquilo, quieto, manso*» [DRAE].

Связь между радостью при избавлении человека от каких-то неприятностей (или, наоборот, при достижении каких-то целей) в результате действий стороннего лица отражена в языке в переходах ‘радость’ ↔ ‘благодарность’. Например: (а) англ. *thankful* имеет значения: 1) благодарный, «The definition of *thankful* is someone feeling or showing gratitude [WNW]; 2) довольный, радующийся, «Glad that something has happened or not happened, that something or someone exists, etc.» [MWD]; Бутлер *ехал верхом рядом с своим ближайшим начальником, майором Петровым, с которым он и жил вместе, и не мог нарадоваться на свое решение выйти из гвардии и уйти на Кавказ* (Хаджи-Мурат. Толстой, Л.Н.). Butler rode beside the officer next in rank above him, Major Petrov, with whom he lived, and he felt he could not be *thankful* enough to have exchanged from the Guards and come to the Caucasus [НКРЯ]; (б) лат. *gratus* имело значение ‘приятный, желанный’ и ‘принимаемый с благодарностью’, ‘благодарный, испытывающий благодарность’: «*agréable, bienvenu: gratus conviva, Hor. S. 2, 2, 119; <...> accepté avec reconnaissance; reconnaissant*» [JWH]; англ. *grateful*, восходящее к лат. *gratus*, имеет те же значения: «1. Appreciative of benefits received; thankful: I’m grateful for your help. 2. Expressing gratitude: a grateful look. 3. Affording pleasure or comfort; agreeable» [AHD].

Раскаяние. В основе раскаяния (а часто и сожаления) лежит чувство вины, которое сопряжено с мыслью о наказании, и даже о самонаказании, с желанием попросить прощения у того, кому его действиями был нанесен вред, с чувством сострадания, жалости к людям, получившим ущерб от сложившейся ситуации. Это отражено в соответствующих семантических переходах.

1. ‘раскаяние’ — ‘наказание’ / ‘самонаказание’: (а) у франц. *pénitence* (лат. *pœnitentia* ‘раскаяние’) от значения ‘раскаяние, покаяние’ произошел переход к значению ‘епитимья’: «Une *pénitence*: peine que le confesseur impose au *pénitent*», а затем — к значению наказания в обычном, не религиозном смысле: «*châtiment, punition. Pénitence infligée à un coupable. Pour ta pénitence, tu copieras cent lignes*» [PR]; (б) сербохорв. *kajati*: «*kajati* (стар.) ‘раскаиваться’, ‘сожалеть’, ‘горевать, печалиться (по ком)’, ‘мстить (о кровной мести)’» [ЭССЯ 9]; (в) рус. казниться — ‘терзать себя, раскаиваясь, сознавая вину’ [УШ], в основе своей содержит идею самонаказания.

2) 'раскаяние' — 'просьба о прощении': (а) рус. *каяться* развило значение 'виниться': «*каяться I, виниться*: X~ перед Y-м в P = 'Совершив плохой поступок Р и испытывая неприятное чувство из-за этого, X говорит лицу Y, которое пострадало от Р или имеет право наказывать X-а за такие поступки, что он совершил Р; он говорит, чтобы испытать облегчение от своего признания, заслужить прощение или принять наказание за Р'» [Апресян, Гловинская, 2003, с. 146]; (б) англ. *regret* 'сожаление' во мн. ч. используется в значении вежливого извинения-отказа: «*a response declining an invitation: he sent his regrets before the deadline*» [WNW], «*I have had four acceptances and one regret*» [RHU].

3) 'раскаяние' / 'сожаление' — 'жалость- сострадание': (а) англ. *remorse* — 'ургизеня совести; раскаяние' и 'жалость, сострадание' [БНРС], «1. a deep sense of guilt or self-reproach over a wrong or blunder; 2. pity; compassion» [WNW]; (б) исп. *compunción* — 'раскаяние, сожаление' и 'огорчение' / 'сострадание': «1. Arrepentimiento, contrición. 2. Sentimiento de tristeza o compasión ante las desgracias ajenas» [ELM]; (в) англ. *sorry* — 'жалость- сострадание' и 'сожаление': «*Feeling or expressing sympathy or pity: She felt sorry for the rain-soaked cat. Feeling or expressing regret, especially for a misdeed or mistake: He said he was sorry for breaking the window*» [AHD].

IV. Заключение

Итак, нашей целью было представить основные типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций в разных языках. Мы рассмотрели переходы 'X' — 'эмоция Y', в которых X является компонентом или инцидентным следствием прототипической ситуации эмоции Y. В числе компонентов прототипического сценария эмоции мы выделили следующие:

1. Оценка некоторого положения вещей как желательного или нежелательного для субъекта — причина эмоционального состояния субъекта; семантические переходы: 'положительная / негативная для субъекта ситуация X' ↔ 'эмоция Y'.

2. Стимул; семантические переходы: 'вкус' — 'получать удовольствие'; 'есть' / 'пить' — 'получать удовольствие', 'смотреть' / 'слушать' — 'получать удовольствие' и т.д.

3. Оценка некоторого положения вещей как неконтролируемого для человека; семантические переходы: 'подчиненное положение' / 'зависимость' — 'страх'; 'физическая и/или моральная слабость' — 'страх'.

4. Желание субъекта избежать неприятной ситуации; семантические переходы: 'убегать' / 'отступать' ↔ 'страх', 'съежиться' ↔ 'страх' и т.п.

5. Контролируемые и неконтролируемые поведенческие и речевые реакции; семантические переходы: 'радостно восклицать' → 'ликовать', 'танцевать' → 'ликовать', 'прыгать' → 'ликовать' и т.п.

6. Неконтролируемые физиологические реакции.

7. Инцидентные следствия: 1) удовольствие и радость; семантические переходы: 'желание' — 'удовольствие' / 'радость', 'покой' — 'удовольствие' / 'радость'; 'благодарность' ↔ 'радость'; 2) раскаяние; семантические переходы: 'раскаяние' — 'наказание' / 'самонаказание'; 'раскаяние' — 'просьба о прощении'; 'раскаяние' / 'сожаление' — 'жалость- сострадание'.

Список сокращений

- БИРСЛА — Большой испанско-русский словарь. Латинская Америка / Волкова А. С., Михеева Н. Ф., Кузнецов В. В. и др. Под ред. Н. М. Фирсовой. М.: ИнфоМ, 2011.
- ГМ — Гак В.Г., Мурадова Л.А. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык Медиа, 2005.
- ГСУМ — Словарь української мови: в 4-х тт. / За ред. Б. Грінченка. К., 1907—1909 // <http://r2u.org.ua>.
- ГТ — Французско-русский словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др.: Под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. М., 1998.
- Ефремова — Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006.
- ИСРС — Загорская Н. В., Курчаткина Н. Н., Нарумов Б. П., Сердюкова Н. Н., Супрун А. В., Хисберт Таленс М., Якучанис Е. С. Испанско-русский словарь / Под ред. Б.П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988.
- ЛРС — Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976.
- НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., Русский язык, 1993—1994 // https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus_apresyan
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- ОЖ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ojegova>.
- САР — Словарь Академии Российской Санктпетербург. В 6 частях. СПб, 1789-1794 // <http://etymolog.ruslang.ru>.
- СР — Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург, 1890—1912. Том I. А — К 1893 год; Том II. Л—П 1902 год; Том III. Р - ІА (йотированный юс малый) и дополнения 1912 год // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij>.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 25. /под ред. Ф.П. Сороколетова. Ленинград, Наука, 1990 // http://www.iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_25.pdf.
- УШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.
- ФЭ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986—1987.
- ЭССЯ 9 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред О. Н. Трубачева. Вып. 9. М.: Наука, 1983 // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja09>.
- AHD — American Heritage Dictionary of the English Language // <https://www.ahdictionary.com>.
- ALD — Karl Ernst Georges: Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Hannover, 1913 (Nachdruck Darmstadt 1998), Band 1// <http://www.zeno.org/Georges-1913>.

CCA — Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary 4th edition // <http://www.diclib.com>.

DB — DATABASE of semantic shifts in the languages of the world. © Dat-SemShifts, 2012-2013// <http://semshifts.iling-ran.ru>.

DLE — Diccionario de la Lengua Española General Ilustrado Alkona, Innovación de Productos y Servicios SL, 1995 // <http://www.diclib.com>.

DLFG — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P.: 1934. On-line: //<http://www.lexilogos.com>.

DLR — Rodríguez Adolfo Enrique. Diccionario Lunfardo Lexicon. 2011 // <http://lunfardo.esacademic.com>.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // <http://lema.rae.es/drae>. или <http://dle.rae.es>.

DWDS DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts // <https://www.dwds.de>.

EDL — R. Estienne. Dictionarium latinogallicum. P., 1522 // <http://ru.scribd.com>.

ELM — EL MUNDO. © Unidad Editorial Información General S.L.U. // <http://www.elmundo.es/diccionarios>.

GCD — Gutiérres Cuadrado, J. (dir.). (1996). Diccionario Salamanca de la Lengua Española. Madrid: Santillana — Universidad de Salamanca // <http://sal.es.esacademic.com>.

GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli._Copyright © Hoepli 2011 // <http://dizionari.repubblica.it>.

GDL — Grand dictionnaire de la langue latine, sur un nouveau plan par le Dr Guill. Freund. Traduit en français, revu sur les textes et considérablement augmenté par N. Theil. P.: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1929 // <http://gallica.bnf.fr/ark>.

JWH — Jeanneau G., Woitain J.-P., Hassid J.-C. Dictionnaire Latin-Français // <http://www.prima-elementa.fr>.

LSL — Lewis & Short. A Latin Dictionary (1879) //http://short_latin_la_en.enacademic.com.

LSR — Lexin svensk-ryskt lexikon. Stockholm: Statens skolverk 2002 // <http://translate.academic.ru>.MD — Macmillan Dictionary // <http://www.macmillandictionary.com>.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition. On-line: //<http://www.m-w.com>.

MD — Macmillan Dictionary //<http://www.macmillandictionary.com>.

NDL — Nouveau dictionnaire latin-français par Edouard de Suckau. P.: 1865 // <https://books.google.fr/books>.

OED — Harper D. Online Etymology Dictionary 2011—2015 // <http://www.etymonline.com>.

OLD — Olivetti E., Olivetti F. Dictionnaire Latin — Français // <http://www.grand-dictionnaire-latin.com/dictionnaire-latin-francais.php>.

OUD — The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

RHU — Random House Unabridged Dictionary, Copyright © 1997, by Random House, Inc // <http://dictionary.infoplease.com>.

SCT — Il vocabolario Treccani. Sinonimi e contrari, diretto da Raffaele Simone, Roma, Istituto della Enciclopedia Italiana, 2003 <http://www.treccani.it/vocabolario>.

SJP — Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958–1969. t. I–XI // <http://sjp.pwn.pl/doroszewski>.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé // <http://atilf.atilf.fr>. или <http://www.cnrtl.fr/>

VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013// <http://www.treccani.it/vocabolario>.

WNW — Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition // <http://websters.yourdictionary.com>.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Апресян Ю. Д., Гловинская М. Ю. Каяться, виниться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001, № 2. С.13—25.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Материалы конференции «Диалог 2009». //<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog>.

Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб., Издательство «Питер», 1999 // <http://www.libok.net/writer/3949/kniga/> 11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy.

Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 7, 2015. С. 98—223 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf.

Иоанесян Е. Р. Семантика стыда // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 8, 2016. С. 196—251 //http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/5.pdf.

Иоанесян Е. Р. Модели семантической деривации в классе предикатов сожаления и раскаяния // Научный диалог, № 3, 2017. С. 31—44.

Иоанесян Е. Р. Удовольствие: способы номинации в языке // Вопросы психолингвистики, № 3 (33), 2017. С. 156—169.

Иоанесян Е. Р. Способы номинации разочарования в языке // Вопросы психолингвистики (в печати).

Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85—109.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Шмелев А. Д. Язык любви // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy. Ithaca – London: Cornell University Press, 1962.

С. В. Ионова (Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина),
К. Чжан (Китай, Тяньцзиньский
университет иностранных языков)

S. V. Ionova (The State Institute of Russian Language
named after A.S. Pushkin, Moscow)
K. Zhang (China, Tianjin
University of Foreign Languages)

Рационализация эмоций в этикетных ситуациях общения
Rationalization of emotions in etiquette communication situations

Аннотация

Статья посвящена изучению способов вербализации эмоций в этикетной коммуникации. В применении к эмоциональному общению рационализация рассматривается как доминирование рационального в формах вербализации эмоциональной информации при ведении эмоциональной коммуникации и повышенный уровень контроля над своими эмоциями, позволяющий воздержаться от экспрессивных форм или смягчить их в соответствии с требованиями этикета. В качестве способов рационализации эмоций рассматриваются приемы прямой номинации эмоций и их перефразирования в китайской и русской речевых культурах. Продемонстрировано, что искренность и полнота содержания эмоциональной информации при рационализации способов вербализации эмоций отчасти устраняются, на первый план выдвигается принцип отбора оптимальных способов регуляции коммуникативного поведения говорящих.

The article is devoted to the study of emotions in etiquette communication and to description of ways of their verbalization. Rationalization is seen as the dominance of rational forms of emotional information and an increasing the level of emotional behavior control. The article shows how to refrain from too expressive forms or soften them in accordance with the requirements of etiquette. The methods of direct nomination of emotions and their rephrasing in Chinese and Russian speech cultures are considered as the ways of rationalization of emotions. It is shown that the sincerity and completeness of the content of emotional information are partially eliminated during its rationalization, the principle of choosing the optimal ways to regulate the communicative behavior of the speaker is put forward.

Ключевые слова

Эмоции, эмоциональная коммуникация, речевой этикет, рационализация, номинация эмоций, перифраза, русская речевая культура, китайская речевая культура

Emotions, emotional communication, speech etiquette, rationalization, nomination of emotions, periphrasis, Russian speech culture, Chinese speech culture

Эмоции являются неустранимым качеством человека. И даже в ситуациях ограниченной, управляемой экспрессии, к которым относятся этикетные и ритуальные ситуации как особые формы поведения в стандартных ситуациях, нельзя говорить о полном устранении эмоции из коммуникации. В отличие от ритуала, одним из важнейших признаков которого является максимальное высвобождение эмоций, этикет нацелен на сдерживание и частичное или полное скрытие чувств. В связи с этим форма их представления в этикетных ситуациях имеет лингвистическую специфику.

Известно, что соотношение личностных компонентов сознания и языка (речи) человека развивается по законам асимметрии: полное совпадение субъективно переживаемого мира и его языкового выражения — явление непостоянное и даже редкое. Возможность свободного самовыражения личности говорящего ограничивается целым рядом факторов, среди которых можно выделить как собственно языковые, когнитивно-психологические, так и коммуникативные факторы.

С точки зрения психологии, эмоции представляют собой явление естественное, это непосредственное переживание отношения человека к миру. В то же время признается, что помимо элементарных чувствований существуют так называемые обобщенные мировоззренческие чувства (по С. Л. Рубинштейну), или «эмоциональные константы» (по А. Н. Леонтьеву), представляющие собой результат обобщения эмоций. Их диапазон велик: от непосредственных типизированных чувств до высших социальных чувств, соотносящихся с социальными ценностями и идеалами. Все эмоциональные явления характеризуются искренностью, непосредственностью выражения, истинностью. В языковой реальности вследствие социологизированности и типичности языковой фиксации эмоциональных процессов данные характеристики могут трансформироваться.

Эмотивность как языковое воплощение психологической категории эмоциональности оперирует именно «эмоциональными константами», измеряемыми по шкале искренности / неискренности выражения, стереотипичности / нестандартности формы. В этикетных ситуациях общения язык выступает культурно обусловленным явлением, в котором отражены основные правила трансляции социально значимой информации в соответствии с ценностями культуры [Ларина 2003].

В разных типах культур существуют свои традиции полноты вербального выражения.

Известно, что китайская культура в значительной степени ориентирована на этикетное поведение, в том числе в речевой сфере. Этикет является одной из важнейших составляющих поведения ее представителей: «Дружелюбие, готовность помочь ближнему, терпимость, сдержанность, такт и учтивость — весь этот набор конфуцианских добродетелей способствует утверждению гармонии в обществе и делает правильное «лицо», это фетиш китайцев... Цветистые обороты

и подчеркнуто учитывая выражения — вот отличительные особенности китайской речи, как устной, так и письменной» [Шляхов 2012: 60]. Согласно даосским этическим принципам, мудрый человек должен быть уравновешенным, сдерживать проявления эмоций, знать свое место. Эти принципы остаются актуальными и для современной китайской культуры [Сюй, Лысакова 2003: 158]. Коммуникативное поведение китайцев сохраняет характерную для их национальной культуры выраженную церемонность, сдержанность, скрытость, медлительность, наличие большого количества устойчивых обязательных разговорных и процедурных «штампов вежливости». При этом участники коммуникации, хорошо разбираясь в психологических состояниях партнеров по коммуникации, умело используя это, не считают возможным давать собеседнику информацию о своем внутреннем состоянии. Типичной формой сокрытия эмоций являются любезные слова, улыбка, уважительные приветствия. Принципы выражения эмоций в китайской культуре сводятся к мерам ограничения свободы искреннего выражения чувств, и ситуации этикетного общения в этом смысле не слишком отличаются от условий иных ситуаций [там же, с. 159].

Русская лингвокультура является более контрастной с точки зрения выражения чувств в этикетном и не-этикетном общении [Юй 2005: 70]. Ценным личным качеством представителей русской культуры является понятие искренности, которое, будучи кодированным в соответствующей лексеме, применяется гораздо шире, чем, например, его английский эквивалент *sincerity*, связанный с ситуациями, в которых человек говорит что-то соответствующее общественным конвенциям и являющееся вежливым [Леонтьев 2000: 202]. Для русского человека смысл выражения *говорить искренне* связан с понятием души и со смыслом выражения *говорить от души* (Вежбицкая 2002: 25—27). В связи с этим этикетные ситуации в русской лингвокультуре — явление менее естественное для говорящих, чем для китайцев. Оно связано с соблюдением коммуникативных табу и императивов (запрет на употребление слов, выражений, фраз в какой-либо ситуации, запрет на затрагивание, обсуждение определенных тем в определенных ситуациях), которые могут быть жесткими («нельзя») и мягкими («не принять») (Стернин 1996: 4), однако воспринимаются как признаки не вполне естественного общения. По наблюдениям исследователей, этикетное общение в русской культуре часто сопровождается нарушением формальных требований и ведет к слиянию формул этикета и форм не-этикетного взаимодействия.

Русский речевой этикет в значительной степени ориентируется на тип коммуникативной ситуации и чувствителен к условиям официального общения. Именно официальность является важным сдерживающим условием для свободного и полного выражения искренних эмоций, требует обращения к специальным приемам речевого поведения, определяющим выбор уместной формулы выражения чувств:

Петр Иванович знал, что...здесь надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: «Поверьте!». И он так и сделал. И, сделав это, почувствовал, что результат получился желаемый... (Толстой Л. Смерть Ивана Ильича).

Рационализация эмоций в этикетных ситуациях общения

Для китайской культуры речевой этикет — это в первую очередь система устойчивых форм общения, принятых в соответствии с социальными ролями общающихся [Львов 2000: 144]. Значимым в этикетном общении является учет фактора адресата: чем выше возраст собеседника, тем выше степень этикетности в общении с ним как формы выражения почтения к нему, которые в современном общении могут не маркироваться специальными языковыми единицами, но передаются невербальными знаками (небольшой поклон, выжидющий взгляд). Знаки подчеркнутой коммуникативной дистанции, которые, на первый взгляд, представляются как признакинейтраллизации эмоциональных компонентов речи, в китайской лингвокультуре, напротив, выступают в качестве речевых приемов акцентируемой эмотивной речи.

В то же время в свободном общении китайцы, как и русские, проявляют себя как легковозбудимые, темпераментные натуры. Для китайцев характерна любознательность, чувствительность, впечатлительность, но в то же время, злопамятность и мстительность [Вежбицкая 2002: 26—27]. Китайская художественная литература содержит многочисленные примеры описания тонких оттенков чувств и переживаний героев, эмоциональных сцен, передающих глубину их чувств и одновременно демонстрирующих степень их сдержанности:

Старый Гао все же осознает свои ошибки и умирает с чувством раскаяния: «Только сейчас он понял свое подлинное место в семье. Он не только растерял свой престиж, но ему не на кого даже опереться. Он впервые почувствовал, что такое отчаяние, крушение надежд, тьма. Он впервые понял, что совершил ошибку, еще не зная, в чем она заключается, а если бы и догадался, все равно было уже поздно» (Ба Цзин. Цзя, пер. В. В. Петрова).

В русской традиции «диалектика души» героя передается более многообразно, демонстрируя все средства проявления чувств. См., например:

«Неужели смерть? Нет, не хочу». Он вскочил, хотел зажечь свечку, пошарил дрожащими руками, уронил свечу с подсвечником на пол и опять повалился назад, на подушку... «Смерть. Да, смерть. И они играют... Им все равно, а они также умрут. Дурачье. Мне раньше, а им после; и им тоже будет. А они радуются, Скоты!» Злоба душила его (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича).

Следование речевому этикету предполагает достаточно высокий уровень языковой и речевой компетенции говорящих, позволяющих осуществлять выбор вариативных форм выражения и регулировать степень коммуникативных ограничений в общении, в связи с чем при обращении к проблемам этикетного общения актуальным становится принцип рационализации коммуникативных практик. Таким образом, речевой этикет обладает универсальными чертами, общими для различных народов, которые связаны с базовыми принципами этикетного общения: сдержанностью, вежливостью, использованием общепринятых формул в стандартных ситуациях общения, позитивное отношение к собеседнику [Стернин 1996: 12].

В применении к эмоциональному общению рационализация обозначает доминирование рационального (интеллектуального) в формах вербализации эмоциональной информации при ведении эмоциональной коммуникации. Известно, что термин «рационализация» (лат. *rationalis* — ‘разумный’, лат. *ratio* — ‘разум’) был введен в научный оборот Э. Джонсон в его статье «Рационализация в повседневной жизни (“Rationalization in everyday life”, 1908) для объяснения явлений психической природы, которые связывались с ситуациями бессознательной или неконтролируемой природы, отсутствия сознательного компонента и обозначал способ объяснения механизмов реагирования внешнего и внутреннего мира с рационально-обусловленной позиции [Цит. по: Лапланш, Понталис 1996]. В лингвистике эмоций и эмотивной лингвокологии он применяется для решения проблемы о способах нейтрализации негативного сдерживания и агрессивного речевого поведения лингвистическими средствами: «Рационализацией, я полагаю, можно считать такой уровень контроля над своими эмоциями, который позволял бы человеку обуздывать их, воздержаться от них или, как минимум, смягчить их и перевести из чувственной сферы <...> в фактуально-логическую сферу» [Шаховский 2015: 138]. При этом предметом регулирования является не столько эмоциональное содержание искренних переживаний человека, сколько форма их презентации. Экспрессия, нарушающая этикетное общение, может расцениваться как эпатажное поведение, если не соответствует этикетным предписаниям (исключение составляют знаки стиля личности). Этническая или культурная самобытность основывается на соотношении эмоциональности и эмотивности их знакового выражения. В первом случае они оказываются более искренними (природными), во втором — более этикетными (социализированными).

Этапом, предшествующим рационализации эмоций в этикетной коммуникации, является способность и готовность носителей языка к их вербализации. Поиск и использование ими приемлемой вербальной формы объективации чувств является начально стадией когнитивной деятельности говорящих по обработке эмоциональной информации: ее рефлексии, выделении из эмоционального континуума, семантической дифференциации. Оязыковленные эмоции есть эмоции рационализированные [Шаховский 2008].

Этикетные табу и предписания в сфере речевого поведения связываются с определенными коммуникативными ограничениями: строгим соблюдением коммуникативных норм, запретами на употребление слов и выражений иного стилевого регистра, с цензурными и традиционными запретами, субъективной боязнью использования говорящими грубых и неприличных выражений, оскорбляющих чувства людей [Стернин 1996]. Публичное проявление сильных эмоций также становится чем-то нежелательным. С детства человек осваивает ограничения на интенсивное выражение чувств, негативных или позитивных переживаний. Психологи советуют в период, когда ребенок не в состоянии рефлексировать и эксплицитно обозначать собственные ощущения, вместо их

верbalного подавления (*Сейчас же замолчи, Перестань, Мальчики не плачут, Девочка должна быть сдержанна и др.*) способствовать их вербализации, обучать выражать эмоциональные переживания в максимально точных и коммуникативно приемлемых формах, например: *Я вижу, как ты гневаешься, как тебя что-то не устраивает; Ты огорчен не страшно* [Ионова 2015: 23]. Повышение эмотивной / эмоциональной и языковой компетенции носителя языка, развитие их системных знаний о способах, средствах, приёмах, методиках и методах овладения своими эмоциями и регулирования / моделирования эмоций обозначается учеными как когнитивная вооружённость [Тарасов 2014; Шаховский 2015] в эмоциональной коммуникации.

Проведенный нами анализ фактического материала, сопоставительный анализ лингвокультурных особенностей русских и китайцев позволяет констатировать, что при наличии очевидных различий в этикетном поведении представителей китайской и русской культур, приемы вербализации этикетной эмоции и способы речевого поведения говорящих обладают большим сходством. Они связаны с применением приемов дополнительного ограничения экспрессии при выражении эмоций по отношению к уровню, определяемому языковой культурой китайцев и русских. Эти приемы предполагают повышение степени видимой рационализации эмоций как следствия преднамеренного регулирования форм их презентации.

В данной статье мы рассмотрим такие способы рационализации эмоций, понимаемые как приемы коммуникативных ограничений экспрессии чувств в этикетных ситуациях общения, как номинация эмоций и перефразирование эмоциональных высказываний.

Номинация эмоций — способ вербализации, основанный на их прямом обозначении (лексемы *радость, счастье, горе, печаль, удивление* и др.). Номинативные замены выступают в качестве приема рационализации, который основывается на положении о существовании альтернативных способов вербализации эмоций, включающих их *экспрессию, дескрипцию и номинацию* [Шаховский 2008]. В указанном ряду способов представления информации о внутренних состояниях человека экспрессия является приемом наиболее искренней передачи чувств, практически не ограниченной условиями коммуникации; номинация, напротив, — предельно рациональной формой объективации эмоций. Именно в силу значительной логизированности и рациональности этот тип лексики на первых этапах развития лингвистики эмоций ученые не относили к числу эмотивов — языковых средств выражения эмоций. Действительно, лексемы *радость, счастье, горе, печаль, удивление* и др. воспринимаются как ярлыки переосмысленных и когнитивно обработанных состояний, в которых нет места для «живой» эмоции. Однако при концептуальном анализе этих единиц было выявлено наличие в них эмоциональной семантики, которая в свернутом и компрессированном виде сохраняется в форме номинативных единиц [Бабенко 1989; Красавский 2001; Шаховский 2009].

Указанные качества номинации эмоций делают эти единицы хорошо приспособленными для этикетного общения, преследующего цель передачи эмоциональной информации неэкспрессивным, рациональным способом. Кроме того, они не требуют творческих усилий от говорящего, поскольку входят в лексикон среднего носителя языка, являются универсальными, узнаваемыми для участников общения, в том числе в межкультурном взаимодействии, поскольку доминантная часть лексем с эмоциональной семантикой имеет корреляты в других языках. Именно социологизированное восприятие, по словам В. Н. Телия, «создает в картине мира презираемое, порицаемое, уничижаемое или, наоборот, уважаемое, такие свойства, которыми восхищаются, которым умиляются и т.д.» [Телия 1991: 60].

Номинация эмоций как способ их объективации в соответствии с коммуникативными ограничениями используется в разных видах этикетного общения: межличностной, публичной коммуникации, в сферах бытового, делового, научного и других дискурсов. При этом, не устранив эмоционального содержания, говорящие выполняют требования этикетной коммуникации. См. лексические замены в приведенных ниже примерах (№ 1 – 4) высказываний в общедобытой (примеры № 1, 2) и научной (примеры № 3 – 4) коммуникаций.

(1) *Тай бань лэ ! Нинь цзуй чжун хай ши лай лэ! Во цзю шо ба, ю се дун си хай дэй цзы цзи кань, янь цязнь вэй ши ма! Сянь цзай кань дао лэ, хай пу цо ба? Ши дэ, хай ши пу цо дэ, дэй куй ши цзы цзи го лай кань лэ (Lǎoshē. «Сы ши тун тан» / Как... Как хорошо-то! Просто замечательно, что ты приехал! Это же передать невозможно, как теперь все переменился. Господи вот и славно! (Лао Шэ «Четыре поколения одной семьи» – пер. наш Ч.К.).*

(2) *Я рад, что вы приехали к нам / Во фэй чан гао син, нинь нэн лай во мэнъ чжээр; Нам приятно, что вы посетили нас своим визитом / Хэнь гао син нинь лай во мэнъ чжээр цзинь син фан вэнъ.*

(3) *Полный бред. Бессмыслица. Неразбериха. Кто так пишет! Нет, нет – вот мой ответ, – без конца твердил он (Куликова Г. Все прошло); Да, ну её НА..., эту странную повесть!!! В корзину – перо, и туда же листы (Туманная) / Кэ лянь дэ хай цзы, ни кэ цзэн мэ хо, фу му дую цзий ши лэ. Лао тянь бао ю ба! Чжэ ши шэн мэ гун сы, гун цзы шао дэ ся жэнь! Кань кань во шао дэ кэ лянь дэ гун цзы, и цзий хуй шо бу чу лай (пер. наш Ч.К.).*

(4) *не скрою, выводы из проведенного анализа меня разочаровали / Пу сян инь мань, фэнь си дэ цзе лунь жсан во хэнь ши ван.*

Как показано в приведенных контекстах, аналогичные эмоциональное содержание и объект эмоционального отношения в общедобытой и научной коммуникации передаются при помощи разных способов вербализации эмоций (экспрессии и использования эмотивной лексики в первом случае и прямой номинации эмоции – во втором: что вы несете, бред, бессмыслица, неразбериха – разочаровать; как хорошо-то, славно – рад, приятно). В письменном научном дискурсе, сохраняющем традиционный этикетный стиль,рабатываются

Рационализация эмоций в этикетных ситуациях общения

типичные формулы выражения эмоций (см. примеры на русском языке и их китайские корреляты: *радостно констатировать, что в работах последних лет... / Гао син дэ шо, цзинь нянь лай дэ цзо пинь; с удовольствием констатирую... / Во гао син дэ цюэ ди*).

В художественных текстах лексика эмоций часто используется наряду с другими способами их вербализации (дескрипцией, экспрессией) в качестве номинативной подсказки, включаемой в слова автора. Она позволяет автору рационализовать способы описания и выражения внутренних переживаний героев, наиболее точно квалифицировать эмоцию: *Он быстро открыл дверь в гостиную. Ах, какое удивление! В гостиной, у круглого стола, сидят Митюшин, Гнушке.. Таня* (В. Набоков. Подлец). Показалось, что в комнате все предметы выжидательно на нее смотрят. Ветер страха обдал ее. Она быстро вышла из гостиной, удерживая нелепый крик (В. Набоков. Месть).

В этикетном общении данный механизм рационализации, основанный на прямой номинации эмоции, является ведущим, выступая регулятором эмоционального содержания за счет выбора варианта лексики, а также использования перформативных единиц, маркирующих ситуацию общения и ее эмоциональный характер: *радуюсь, благословляю, благодарю, бесконечно признателен; моей благодарности нет предела (xie tian xie di; cheng meng hou ai); выражая сожаление (Дуи бу тси), извините за беспокойство (Мафань ниле), не стоит благодарности (Бу се), виноват (Тсин вэнь), не стесняйтесь (Бу кхэтси)*. Синкетичные способы объективации эмоций можно считать переходными стадиями на пути к полной рационализации способов представления внутренних переживаний героев повествования в тексте. Эмоции провоцируют язык на синкетичность: по своим свойствам они диффузны, часто перетекают друг в друга, динамичны, смешаны, и поэтому они требуют более точного определения для правильного восприятия текста читателями. В отличие от других видов коммуникации в этикетных ситуациях стремление зафиксировать эмоции в языке «как нечто знакомое и узнаваемое» [Городникова 2004: 112] требует использования преимущественно номинативного способа их объективации.

Особым случаем номинативных замен следует считать использование верbalных аналогов неверbalного проявления чувств. См., например: *Милый мой Родя, — писала мать, — вот уже два месяца с лишком как я не беседовала с тобой письменно, от чего сама страдала и даже иную ночь не спала, думая. <...> Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы! Прощай, или, лучше, до свидания! Обнимаю тебя крепко-крепко и целую бессчетно. Твоя до гроба Пульхерия Раскольникова* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

В любой культуре онтологически первичными способами выражение эмоций являются невербальные проявления, однако постепенно они вербализуются, все в большей степени символизируются и рационализируются,

приобретая черты (см. выражение симпатии, доброжелательности (*объятие / поцелуй*) и их узуальные вербальные обозначения (см. эпистолярные формы: *целую, с симпатией, обнимаю*). Подобные способы номинации характерны для китайской разговорной коммуникации современной молодежи, подобные элементы постепенно закрепляются в письменном литературном общении: *Се се цинь ай дэ, мэ мэ да!* (*целую*); *цинь ай дэ, хао цзю бу цзянь, лай жан во бао бао* (*обнимаю*). Однако словесная форма чмоки–чмоки, имеющая место в некоторых русскоязычных дискурсах, но не зафиксированная в китайской культуре, не является этикетной, поскольку образована не по принципу рационализации, а, напротив, путем экспрессивизации обозначения эмоции и является имитацией реальной эмоциональной ситуации.

Перифразы в этикетной коммуникации выступают результатом вторичной обработки эмоциональной информации (ее перекодирования), независимо от того, был ли вторичный вариант создан самим автором или другой языковой личностью. В стилистике такие единицы определяются как описательные обороты, образуемые для замены какого-либо общепринятого наименования метафорическим или логическим способом. Эмоции непосредственно не связаны с фактами, а отражают отношение к ним, и такая связь может быть передана многообразными вербальными вариантами, пределом содержания которых является сохранение связи между речевой единицей и вербализуемым объектом отношения.

Приемы преувеличения степени признака, выделения сопоставимых и акцентируемых аспектов речи являются типичными для этикетного общения (см. этикетные жанры комплимента, лести, речевые акты похвалы, гlorификации), в котором искренность выражения чувств уступает место их коммуникативной уместности. В этом случае рационализация эмоций понимается скорее как оптимальный способ их вербализации, поскольку при перефразировании используются не только логически точные варианты, но и образные обороты, которые не имеют прямого отношения к рациональной сфере сознания человека, но являются оптимальными в этикетном общении представителей разных культур.

Так, речевая уклончивость как проявление ума и характера считается характерной чертой китайской коммуникации [Вежбицкая 1999; Сюй, Лысакова 2003], что относит непрямое выражение к числу основных речевых приемов представителей этой культуры. Использование красивых фраз, философских изречений, затейливых и фигуральных оборотов — явление, частотное для коммуникативных практик китайцев. Этикетное перефразирование в полной мере соответствует их общему представлению о ведении беседы, способствует достижению нейтрализации негативной оценочности и эмоциональности речи.

Отрицание *нет / нельзя* в китайской культуре, как правило, дается описательно, свое недовольство и негативное отношение к собеседнику представители китайской культуры также стараются выражать не прямо. Од-

ной из форм непрямой реакции на эмоциональное поведение является аналогия — пословица, притча, история, рассказ (иногда вымышленные), в которых содержится нужный намек. Примером может служить описанная в китайских СМИ ситуация, участником которой стал известный китайский актер и шоумен Цзян Кунь: поселяясь в отеле одного из городов, актер почувствовал прохладное отношение к себе, был удивлен этим и спросил служащего: *Ни мэ кань го дянь ши а? во цзо ши актер по сяниэну-Цзян Кунь!*, демонстрируя, что он известный человек. На это служащий отеля ответил, что служит хорошо, а гости у него есть гораздо более важные: *Во мэн чжэ сянь ган сяо цзе хэ вай го ю шоу доу цзе дай го, во мэн дэ чжи цэ ши фу ву чжоу дао, и ши тун жэнь.* Стремясь изменить отношение служащего отеля, гость привел притчу из книги «Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов» из цикла конфуцианского «Пятикнижия» Ли-Цзи, проведя аналогию с историческими временами, когда те, кто был богат и успешен при старом царе, могли при новом царе стать никем: *Хоу ди нянь, чи ван вэй мэн чан цзюнь юэ, гуда жэнь бу и хянь ван чжси чэн вэй чэнь.* Намек рассказчика в данном случае заменяет непосредственную эмоциональную реакцию на негативное поведение служащего, нейтрализуя возможную экспрессивизацию эмоций и сохраняя допустимый способ речевой реакции в указанной ситуации.

Негативная информация, нежелательная в этикетном общении, в китайской культуре также подвергается перефразированию. Так, в романе Сунь Цюаня «Троецарствие», содержится описание ситуации, в которой герою необходимо объявить о скором начале войны с противником: *Цао Цао перед Битвой при Чиби написал и сказал: «Дин чжси шуй ба ши вань, фан юй цзян цзюнь хуэй лэ юй ву».* Информация о нежелательной ситуации *фан юй цзян цзюнь хуэй лэ юй ву* подается как сообщение о скором совместном деле, где элемент *хуэй лэ* обозначает ‘совместно охотиться’ и одновременно ‘война’. Двойная актуализация лексико-семантических вариантов данной единицы позволяет говорящему решить коммуникативную задачу, рационализировав нежелательные экспрессивные формы вербализации негативной информации.

В русской и западно-европейской культурах перефразирование касается выработанных исторически, закрепленных в языке и используемых в виде готовых речевых формул (благодарности, извинения, приветствия, прощения и более сложных форм – комплимента, лести, похвалы, соблазнования, поздравления и др.), сопровождающих этикетное общение. По форме они часто существенно отличаются от их обиходно-разговорных вариантов, обозначенные ими сценарии составляют «неписаную культурную грамматику языкового коллектива» [Вежбицкая 1999: 129], для которых в языке вырабатываются устойчивые формы выражения значимой для них информации. Так, в английской лингвокультуре подавляющее большинство этикетных жанров построено в виде формульных высказываний. Например, для выражения комплимента в 74 % случаев применяются пять основных синтаксических структур с явным

доминированием структуры *you + to be + adjective (noun)*: “*No, there's not,*” *I said. “You're wonderful”* (Conroy. The Prince of Tides) [Леонтьев 2000: 207]. По мнению исследователей, подобная формульная природа комплиментов, как и других речевых актов, говорит об их высокой социальной значимости, наличии стратегического значения для коммуникантов при установлении или поддержании согласия в общении [Holmes, Brown 1987: 523; Wolfson 1981: 86].

Для этикетных высказываний характерно семантическое преувеличение. Так, при выражении оценок в английской коммуникативной культуре используется частое, многократное применение оценочных реплик в самых разных коммуникативных ситуациях, в связи с чем «коммуникативное поведение англичан, <...> ставит вопрос об искренности в коммуникации» [Ларина 2003: 142]. Представители многих культур, в том числе и русские, оценивают его как неискреннее, сомневаясь в том, что английские собеседники действительно чувствуют то, что говорят» [Ларина 2005: 256]. В русском языке для смягчения речевых форм и придания им «вежливой окраски» нередко используются деминутивы (см. аффиксы субъективной оценки: *-ок-*, *-ик-*, *-чик-*, *-ишек-*, *-ец-*, *-(и)ца*, *-ц(о)* и др.), *вносящие элемент уменьшительности, ласкательности, а также значительный компонент с положительной эмоциональной семантикой*. В то же время использование косвенных показателей вежливости для этикетных высказываний не является типичным. Такие обозначения, как *молодец*, *красавец*, *умник*, *платьице*, *книжечка*, *спасибочки*, *моё солнышко*, на первый взгляд выражающие оценочное значение и имеющие положительную эмоциональную тональность, не отвечают характеру этикетного общения, в котором приветствуются прямые и развернутые формулы вежливости, несмотря на заметную рационализацию в них живых чувств: *вы прекрасны, вы обладатель блестящего наряда и ума, спасибо, покорно благодарю* и др.

Признак искренности в этикетном общении не является определяющим, поэтому семантика эмотивов часто акцентирует такие качества объекта речи, которые не всегда соответствуют реальному положению дел, тем самым в некоторой степени дезориентируя адресата. Лесть в этикетной коммуникации признается приемлемой речевой формой, более уместной, чем грубость и нарушение норм общения: «При умелом вербальном выражении она <лесть – С.И.> принимается адресатами, хотя благосклонно скорее будет воспринята не грубая, а тонкая лесть» [Сиротинина 1999: 29].

Смысловая «неточность» характерна также для средств глорификации в письменной и устной коммуникации, направленной на гипертрофированное выражение положительного отношения к адресату речи, которое может не соответствовать параметрам искренности, а иногда и истинности (*высокое служение, опыт, помноженный на знания, миссия первопроходцев, символ мудрости и душевной щедрости, душевное тепло и опыт, высочайший профессионализм, сердечная благодарность, неоцененный вклад, ценой огромных усилий, выбрали для себя нелегкий путь* и др.). Экологическая

ценность гlorифицирующих жанров и торжественных текстов определяется не абсолютной, а относительной мерой позитивности выражаемых эмоций, соответствующей принципам этикетного взаимодействия [Ионова 2015: 23], поэтому следует учитывать, что смысловые допущения в таких текстах обусловлены стремлением автора к коммуникативной точности, измеряемой соотношением необходимых долей эмоциональной и рациональной оценки, представленной в принятой форме.

Таким образом, полнота и искренность эмоционального содержания при их рационализации отчасти искажаются, устраняются, уступая место оптимальным способам регуляции коммуникативного поведения говорящих.

Безусловно, способы рационализации эмоций не исчерпываются указанными видами речевых приемов. Перспективным и недостаточно изученным аспектом остается область эмоционального синтаксиса с его градацией эмоциональных, эмоционально-рациональных и полностью рационализированных вариантов; система личных имен и обозначений; апеллятивов, которые в сфере компьютерной коммуникации постепенно формируют новые нормы этикетного обращения к адресату, допустимых форм публичного выражения интенсивных отрицательных эмоций и др.

Вероятно, полностью рационализировать эмоциональную коммуникацию (в том числе в этикетной сфере) невозможно, такая цель не ставится исследователями и носителями языков. Однако изучение механизмовнейтрализации негативных речевых действий, агрессивного и деструктивного общения, избыточной экспрессивности коммуникативного поведения участников общения представляется нам необходимой перспективой для разработки принципов и средств экологичной коммуникации [Ионова 2015], основанной на эмоциональном балансе как основе продуктивной коммуникации и категории вежливости, которая наиболее полно изучена в применении к этикетному речевому поведению.

Литература

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989.

Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 112—132.

Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 25—27

Городникова М. Д. Эмотивные доминанты в естественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. научн. трудов. ВГПУ. Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. С. 108—118.

Ионова С. В. Неэкологичное эмоциональное общение в «приличной» упаковке // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной

лингвистике: сб. науч. трудов, посвящённый 75-летию проф. В. И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 323—332.

Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения / Ионова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. №1. С. 22—32.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.

Лапланш Ж., Понталис Ж. Б. Словарь по психоанализу / Пер. Автономова Н.С. М.: Высшая школа, 1996 //https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol_slovar_psih/index.php.

Ларина Т. В. Категория «вежливость» как отражение социально-культурных отношений // Вестн. Омск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003, № 4. С. 137—147.

Ларина Т. В. Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи. Вып. 4: Жанр и концепт. Саратов, 2005. С. 250—258.

Леонтьев А. Н. Комплiment как жанр личностного типа дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 200—207.

Львов М. Р. Основы теории речи. М.: Академия, 2000.

Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи — 2. Саратов, 1999. С. 26—30.

Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж: Изд-во Воронежского гос ун-та, 1996.

Сюй Сяо Бо, Лысакова И. П. Национальная специфика языковой объективации категории «вежливость» в русской и китайской коммуникативной культурах // Коммуникативные исследования. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки. 2003. С. 158—160.

Тарасов Е. Ф. Пролегомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 24—35.

Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36—67.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Либроком, 2009.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Шаховский В. И. Когнитивная вооруженность при рационализации эмоций // Вопросы психолингвистики. 2015, № 2 (24). С.132—144.

Шляхов А. Китай и китайцы. Привычки. Загадки. Нюансы. М.: Астрель, 2012.

Юй Ч. Функции речевого этикета // Вопросы филологических наук. 2005. № 2. С. 70—72.

Рационализация эмоций в этикетных ситуациях общения

- Holmes J., Brown D. F. Teachers and students learning about compliments // TESOL Quarterly. 1987. Vol. 21. № 3. P. 523—546.
- Wolfson N. An empirically based analysis of complimenting in American English // Sociolinguistics and language Acquisition. Rowley, London, 1983. P. 96—102.

Чувства и эмоции в русских народных загадках:
не горе, а плачешь¹

Feelings and Emotions in Russian Folk Riddles:
someone who is not sad is crying

Аннотация

Народные загадки по-своему, в силу своих жанровых и знаковых особенностей, участвуют в концептуализации чувств и эмоций. Исследование концептов чувств и эмоций в русских народных загадках дает возможность выявить значимые для народной ментальности чувства и эмоции, сопоставить с исходными представлениями современные стереотипы чувств и эмоций, проследить осмысливание чувств и эмоций в традиционной культуре в их движении от концептов к понятиям, описать языковые способы их воплощения в загадках.

Folk riddles due to their genre distinctions and the features they possess as signs, in their own way, take part in conceptualisation of feelings and emotions. The research of the concepts of feelings and emotions in Russian folk riddles provides an opportunity to identify the feelings and emotions significant to the mentality of the people, to compare modern stereotypes of feelings and emotions with their original understanding, to study the interpretation of feelings and emotions in the traditional culture through their ‘movement’ from notions to concepts, to describe linguistic means of their representation in riddles.

Ключевые слова

Загадки, признак чувств / эмоций, денотат, концептуализация, стереотип, метафора

Riddles, characteristics of feelings / emotions, denotation, conceptualisation, stereotype, metaphor

Концептуализация чувств и эмоций в народных загадках имеет свои особенности, исходящие из жанровой специфики загадки и тех функций, которые присущи загадке как знаку языка и культуры.

Загадка — «иносказанье или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки» [Даль 1955, I: 566]. В древности назначение загадок «состояло в классификации и сериации состава мира, первых формах осознания принципов организации мира <...> защитных механизмов человека от случайного, непредвиденного, страшного, чем чреват мир» [Топоров 1994: 29]. «Загадка по природе своей предметна» [Рыбникова

¹ Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 18-012-00736-а) в Институте языкоznания РАН.

1932: 14], и названия загаданных предметов и явлений принадлежат денотативной лексике. В загадках закодирован материальный мир — явления природы, растения, животные, человек, одежда, пища, дом, двор, строения, предметы домашнего обихода, работа, орудия труда, грамота, дорога и средства передвижения. Редко находят свое описание в загадках идеальные сущности: время, календарь, правда, имя, болезнь, жизнь, смерть, дума, мысль и др., наименования которых относят к сигнifikативно ориентированной лексике. При этом в традиционных загадках отражены исходные представления о мироустройстве, которые и сейчас участвуют в формировании у ребенка взгляда на окружающий мир. Загадки являются своеобразными экспонентами культурно-исторической информации; в их образной семантике хранятся архетипы, мифологемы, символы, эталоны, стереотипы, придающие культурно-смысловую емкость этим коротким игровым произведениям фольклора.

Принято считать, что в загадке дается нарочито усложненное описание одного предмета посредством описания другого предмета (или предметов) на основании отдаленного сходства между ними [Митрофанова 1968; Левин 1978; Ковшова 2016а]. Основное свойство загаданного денотата (или совокупность свойств) представлено в образе другого денотата (или сразу нескольких денотатов). Исходный денотат с помощью метафоры, олицетворения, отрицательного сравнения и других приемов превращается в преобразованный [Журинский 1989], и нужно установить «связь» между разными сущностями, распознать по тем или иным признакам скрывающийся под маской искомый денотат. «Прямой и переносный, метафорический смыслы,rationально-логическое и интуитивное, определенное и неопределенное, «форма» и «содержание», дискретное и непрерывное, относящееся к сознанию, и подсознание, и даже бессознательное принимают в этой игре участие на равных» [Топоров 1994: 47]. Важно подчеркнуть, что уже древняя загадка возникла в культуре, в человеческой среде, «культура неотъемлема от человеческого общества, каким бы ни был уровень цивилизации» [Бенвенист 1974: 31]. О самой загадке в народе говорится: «*Загадка, разгадка, да семь вёрст правды (вней)*» [Даль 1955: 566]. Вероятно, «семь вёрст правды» в загадке составляют те знания, на которых строится уподобление очень разных, не сопоставимых, на первый взгляд, сущностей, тот взгляд на мир, который воспитывается в культуре. Установление отношений между действительностью, понятием и словом в загадке лингвокультурно детерминировано: загадывание искомого денотата осуществляется в пространстве культуры и языка, отражающих мировидение, неповторимую картину мира каждого народа [Ковшова 2016]. В основе загадок лежат сформированные в народной культуре стереотипные представления о связи предметов (явлений) и их концептуальных свойств. Стереотипное, или устойчивое, минимизированное, инвариантное представление о предмете создается на основании постоянного проявления характерных свойств у множества индивидуальных объектов, которые собираются в сознании в один объект [Ковшова, Гудков 2017: 127]. В загадках описывается, строго говоря, не денотат, а концепт, и «репрезентантами загаданного концепта служат в загадке его концептуальные свойства» [Головачева 1994: 198].

Чувства и эмоции — идеальные сущности, прицельно загадывать которые русская народная загадка не берётся. При этом в образной семантике загадок отражены исходные представления о том, что вызывает (не вызывает) чувства или эмоции, как они проявляются и как переживаются. Какие же концепты чувств и эмоций описываются в русских загадках? Страх, боязнь, горе, скорбь, беда, радость, веселье, зло, злость, любовь, ненависть, удивление, спокойствие. Приведем по имеющимся материалам² лексемы — имена, предикаты и атрибутивные слова. Имена обозначают константы психики — чувства / эмоции, их симптомы, «“предметы” психического мира» [Арутюнова 1998: 386]. Обслуживающие их глаголы, наречия и прилагательные выражают значения обладания и «необладания» признаком чувств / эмоций, начала и конца эмоционального состояния, фазы протекания, стадии переживания, интенсивности чувства, его продолжительности. Ср.: *страх, страшнее, страшит, пугает, боится (боятся), не боится (не боятся), боюсь (не боюсь), страшится, плакать, плакать и рыдать, плаче и рыдае, плачет (не плачет), заплачет, заплачешь, вслачет, расплачется, слезы проливает, слезу пускает, слёзы текут, горько плачет, радует и бедует, радость, возврадуется, смеётся, смеётся без радости, веселит, веселится, веселый, весёлое, весела, веселей, весело (невесело), горе, горевать, скорбит, зло, злой, любит, любят (не любят), полюбился, полюбилась, любенько, мила, мило, миленько, милее, ненавидит, страсть, страстное, не дивится, спокойно.*

С какими денотатами связаны в народном сознании те или иные чувства, эмоции, их внешние симптомы, действия и состояния? Страх и боязнь (или, на против, отсутствие боязни, бесстрашие) являются признаками денотата в загадках про зайца, волка, мух, таракана, комара, петуха, сову, филина, рака, мышь, соль, снег, горшок, огородное пугало, пулью, часы, электрическую лампочку, печь, смерть. Злоба, злость встречается в загадках про волка, змею, пчёл, редьку, луchinу. Радость вызывает солнце. Горе горюет крыса, которая боится за своих детёнышней. Без горя живёт бел-горюч камень; рака горе красит. Скорбит печной заслон. Страсть испытывает сердце. Плачут в загадках — горшок, вёдра, свечка, колокольчик, балалайка, гудок, дудка, скрипка, гитара, кулик, сосулька, опавший лист, трава, которую косят; тот, кто чистит лук или смотрит на солнце. Плачут без горя, смеются без радости — туча, эхо, колокол. Веселятся — дерево, черёмуха, земля, земляника, выюга, кукушка, мяч. Невесело на кладбище. Смеётся кисель,

² Исследование проводилось на обширном материале загадок (см. источники в Литературе). Наиболее показательны издания, вобравшие в себя примеры из разных сборников, а также рукописных материалов. Так, хрестоматия [Малые жанры 1986] включает в себя загадки из сборника И. П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков», сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа», сборника И. А. Худякова «Великорусские загадки», сборника Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа», сборника «Песни, сказки, поговорки, пословицы и загадки, собранные И. А. Иваницким в Вологодской губернии», сборника М. А. Рыбниковой «Загадки (загадки по районам и исполнителям)», сборника В. Н. Блохиной «Старинные и современные загадки русского народа», сборника В. В. Митрофановой «Загадки», а также из рукописных сборников: «Загадки тамбовской губернии», «Загадки Астраханской губернии (записи Ф. Орлова)», «Загадки Красноярского края (записи М. В. Красноженовой)».

лошадь; улыбается солнце. Любят и губят в загадках хлеб и огонь. Любят солнце, мак, чернику, черёмуху, деньги, трактор; не любят мышь; ненавидят блоху. Не дивятся на козла. Спокойное состояние обеспечивают запертые ворота.

Согласно загадкам, за чувства отвечает сердце («сердце страстное»), а переживания уподоблены физической боли («без ран болит»). Ср.: *Без крыл летит, / Без ног бежит, / Без огня горит, / Без ран болит* (буиный ветер, туча грозная, солнце ясное, сердце страстное) [Малые жанры 1986: 265]. О противоборстве человека со страстями говорит загадка: *Какого человека нет сильнее и храбрее на свете? – Который умеет укрощать свои страсти* [Митрофанова 1968: 161].

В загадках о самых разных предметах и явлениях материального мира презентация загаданного денотата может осуществляться с помощью признака «чувства / эмоции», который присущ человеку, но приписывается, по метафоре, любому денотату — животным, растениям, предметам быта, явлениям природы и т.п. Для грамматики русской загадки, по наблюдению Т. М. Nicolaевой, характерно «извечное действие» с «дляющимся настоящим» [Николаева 1994: 172], и потому приписываемый загаданному денотату признак «чувств / эмоции» воспринимается, как постоянный. Ср.: *Кто над нами / Вверх ногами, / Ходит не страшится, / Унасть не боится* (мухи) [Загадки народов России 1999: 88, № 123]; *Над нами — вверх ногами / Медведь с рогами, / Ходит не страшится, / Унасть не боится* (тапкан) [Загадки народов России 1999: 91, № 199]. Релевантным в данных примерах для загаданного денотата становится необладание признаком или функцией, данное необладание может абсолютизироваться с помощью двойного отрицания («никого не боятся»); ср.: *Над нами — / Вверх ногами, / Ходят — не страшатся, / Никого не боятся* (мухи) [Русский фольклор 1986: 44]. Ср. также: *Птичка-невеличка по полю катится, никого не боится* (ружейная пуля) [Малые жанры 1986: 279]; *Птичка-невеличка / По полю катится, / Ничего не боится* (пуля) [Загадки народов России 1999: 52, № 96]. Образ загадки интерпретируется в пространстве культурного знания; разрушительное воздействие пули переосмысливается как залог силы: «ничего не боится».

Репрезентация загаданного денотата может осуществляться через описание чувств / эмоций, которые загаданный денотат вызывает у человека и которые обусловлены стереотипными представлениями, например: «на реке лодки тонут и люди погибают»; ср.: *Еду, еду — следу нет, / назад гляну — смерти боюсь* (на речке) [Рыбникова 1931: 150, № 370]. Признак «воздрадуются», устойчиво связанный в сознании с денотатом «солнце», основан на стереотипе: «всё живое радуется восходу солнца»; ср.: *Встану я рано / Бело да румяно, / Умоюсь росой, / Распушу золотые косы. / Как взойду на горы / В венце золотом / Да гляну светлыми очами, / И человек и зверь воздрадуются* (солнце) [Загадки народов России 1999: 19, № 209]. Зачастую сила в загадке переживаний преувеличивается; ср.: *С собой тонок, голосом звонок. / Летит — пищит, а сядет — молчит. / Все его боятся, все его страшатся, / Окна затворяют, двери запирают* (комар) [Загадки народов России 1999: 84, № 58]. В данной загадке в целях усиления «драматизма» субъект переживаний обобщен («все»); «все» противопоставлены загаданному одному; дублирование смысла создается с помощью повтора в одном предложении ближайших

синонимов («страшатся», «боятся», «затворяют», «запирают»). Перспективизация в загадке, то есть конструирование под тем или иным углом зрения, позволяет переводить фокус с субъекта загадки («смерть» никого не боится) на объект действия («всяк её боится, и царь, и царица»). Ср.: *Лежит, змеится, / никого не боится: / ни царя, ни царицу, / ни красную девицу* (смерть) [Рыбникова 1931: 94, № 336]. *Красная девица, / и всяк её боится, / и царь, и царица* (смерть) [Рыбникова 1931: 106, № 478].

Указание на чувства или эмоции как временные признаки загаданного денотата маркируется с помощью краткой формы прилагательного в составе именного сказуемого («для всех страшна», т.е. опасна). Ср.: *Гола Матрёна для всех страшна, а лубком покрыта – для всех ходка* (замёрзлая река) [Даль 1957: 954]. Указание на то, что признак «чувства / эмоции» для загаданного денотата является временным, дополняется также описанием пространственно-временных условий его проявления; ср.: *Около села лошадка весела* (выуга) [Загадки народов России 1999: 11, № 32].

Образы чувств, их симптомов и эмоциональных состояний важны для метафорического описания функционирования загаданного денотата, его использования. Ср.: *В избу идут — плачут, / А из избы идут — скачут* (вёдра на коромысле) [Загадки народов России 1999: 38, № 9]; *День скорбит / и ночь скорбит, / Одно утро спит* (печной заслон) [Малые жанры 1986: 292].

В русских загадках с помощью признака «чувств / эмоции» метафорически изображаются фазы в цикле существования загаданного денотата. Ср.: *Весной веселит, летом холодит, осенью питает, зимой согревает* (дерево) [Малые жанры 1986: 282]; *Зимой скрывается, / Весной появляется, / Летом веселится, / Осенью спать ложится* (земля) [Загадки народов России 1999: 16, № 149]; *Растёт она вниз головой, / Не летом растёт, а зимой. / Чуть солнце её пропечёт, / Заплачет она и умрёт* (сосулька) [Загадки народов России 1999: 19, № 225]; *Утром смеётся, а вечером слёзы текут* (свечка) [Малые жанры 1986: 287]. В последнем примере антропоморфный образ свечки создается путем описания начала и конца ее существования, по аналогии с жизнью и переживаниями человека. Двойное противопоставление в загадке («утром» и «вечером», «смеётся» и «слёзы текут») переосмысливается в категориях радости жизни и горя смерти, начала и конца; свойственные свечке качества — превращаться в жидкую массу, стекать — отвечают стереотипному представлению о распаде предметов окружающего мира. Свечка стекает слезами в завершение своего недолгого срока, сосулька плачет и таёт, горшок трескается и начинает протекать — «расплачется»; ср.: *От земли взят Адам, / в воду погружён, аки Фараон, / ввержен в печь. / Взявиши его на конь, / повезут его на торт / и поставят на горе, / и начнут бить его по голове. / Подходит некая любимая жена, / и даёт за него две меди. / Он у ней поживёт, да и расплачется, / выкинут его — и птица его не клюёт, / и зверь не есть* (горшок) [Рыбникова 1931: 333, № 1186]. Древнейшая мифологема воды как начала и конца жизни составляет тот культурный фон, на котором прочитывается загадка: *В воде она рождается, / но странная судьба: / воды она боится / и гибнет в ней всегда* (соль) [Рыбникова 1931: 299, № 778]. В данной загадке стереотипные представле-

ния о свойствах соли переданы с помощью постоянного признака чувств / эмоций у загаданного денотата «боится» и метафоры смерти («гибнет»); к этому добавляется указание на пространственно-временные условия парадоксального противопоставления, выраженные в семантике компонентов загадки: «странная судьба», «всегда», «родится» — «гибнет».

Загадки, где представленный в том или ином образе денотат плачет, производят впечатление маленьких трагедий; ср.: *Летел пень / На Петров день, / Сел пень на пень, / Стал пень плакать, / Волосы вянут, / Дубрава шумит* (траву косят) [Малые жанры 1986: 276]; *Летит тень, сел тень на пень, / Стал тень плакать: / «Где моя дубровушка, / Где моя головушка, / Где моё весёлое времечко!»* (опавший лист) [Загадки народов России 1999: 74, № 91]. Образы драматического описания жизненного цикла находим также в загадках про музыкальные инструменты; ср.: *В лесу выросло, / Из лесу вынесли, / Ножом порезали; / В руках плачет, / А кто слушает – скачет* (дудка) [Загадки народов России 1999: 64, № 7]. Постоянный признак чувств / эмоций, приписываемый загаданному денотату, воспринимается по ассоциации с социальными ситуациями и эмоциональными реакциями на них: «ножом порезали» — «плачет». В основу других вариантов этой загадки легло звуковое подобие музыкальных инструментов и человеческого плача; ср.: *В лесу выросло, из лесу вынесли, на руках плачет, а на полу скачут* (балалайка) [Малые жанры 1986: 319]; *Из лесу-то тяп-тяп, дома-то ляп-ляп, на колени возьмёшь – заплачет* (балалайка) [Малые жанры 1986: 319]; *Из дерева вырубается, а в руках плачет* (балалайка) [Малые жанры 1986: 343]; *В лесу вырос, на стене вывис, на руках плачет, кто слушает – скачет* (гудок) [Малые жанры 1986: 279]; *В лесу росло, домой пришло, на печи высохло, без слёз плачет* (скрипка) [Малые жанры 1986: 343]; *В городе пято, / На базаре взято, / На колене плачет* (гармонь) [Митрофанова 1968: 143]. Метафора превращения из дерева — в человека, мотив конца жизни дерева и начала жизни ребенка прочитываются в образах загадок: *Не кошено, не рожено, / на коленях плачет* (гитара) [Малые жанры 1986: 343]; *Маленький, удаленький, / громко кричит* (гудок) [Малые жанры 1986: 343]. Ср. также загадки про разные предметы крестьянского хозяйства, в которых образ плача никак не ассоциируется с чувствами и эмоциями человека, а обусловлен лишь звуковым подобием плача и загаданных денотатов — косы, колокольчика: *Плачу, плачу: дзень, дзень, дзень, / бьют меня в июльский день, / ем без устали траву, / шелковисту мураву* (коса) [Рыбникова 1931: 343, № 1291]; *Большой скачет, / а маленький плачет* (дуга с колокольчиком) [Рыбникова 1931: 149, № 364].

Упоминание о плаче и слезах может служить подсказкой или прямым указанием на устойчивую физиологическую реакцию, вызванную свойствами денотата; реакцию, никак не связанную с эмоциями. Ср. русскую загадку, у которой имеется наибольшее количество вариантов: *Стоит бабка на грядках, / вся в заплатках; / кто её раздевает, / тот слёзы проливает* (лук) [Рыбникова 1931: 80, № 102]; *Стоит баба на грядках, / Вся в заплатках; / Кто заплату оторвёт, / всяк заплачет и уйдёт* (лук) [Малые жанры 1986: 293]; *Лежит барыня на полатях / Вся в платьях, / Кто ни глянет — Тот заплачет* (лук в зимнее время) [Малые жанры 1986: 275]; *Сидит божуха / в семи кожухах; / кто божуху раздевает, /*

слёзы проливает (луковица) [Рыбникова 1931: 160, № 78]; *Сидит кукла / в семи юбках; / кто заденет, / тот заплачет* (луковица) [Рыбникова 1931: 160, № 79]; *Сидит Игнатка на грядке / Весь в заплатках. / Кто его потрогает, / Тот и заплачет* (лук) [Загадки народов России 1999: 75, № 94]; *Сидит дед, / в шубу одет; / кто его раздевает, / тот сам слезу пускает* (лук) [Рыбникова 1931: 136, № 131]; *Стоит чудо / В семи шубах; / Кто его потронет – / Сам заплачет* (луковица) [Малые жанры 1986: 293]; *Стоит поп низок, на нём сто ризок. Ризки снимешь, сам заплачешь* (лук) [Малые жанры 1986: 284]. В целом, во всех вариантах данной загадки эксплицированы причинно-следственные отношения: «очищать лук, снимать слои с поверхности лука» — «плакать». Тем не менее, даже в загадках про лук описание денотата может интерпретироваться в области социальных отношений со стереотипной эмоциональной реакцией «заплачешь» в ответ на действия или события. Ср. загадку с отрицательным противопоставлением: *Не бьют, не ругают, / ничего не потеряешь, / а заплачешь* (лук) [Рыбникова 1931: 279, № 560]; ср. также загадку с прямым вопросом: *Что без боли и печали приводит в слёзы?* (лук) [Митрофанова 1968: 86]. Еще один вариант вызывает ассоциации со свадебными песнями, в нем физиологическая реакция на лук «плакать» неожиданно развивается в эмоциональную реакцию «рыдать»; ср.: *Пришла Паня / В красном сарафане. / Как стали раздевать – / Давай плакать и рыдать* (лук) [Загадки народов России 1999: 75, № 101]. Есть варианты, в которых также усиlena метафора социальных чувств и эмоций: «сердитый дед» мстит тому, кто его раздевает (имеет «желанье»); слёзы проливаются от жалости к деду. Ср.: *Сидит в земле сердитый дед, / В шубу жёлтую одет. / Кто его раздевает, / Тот слёзы проливает* (лук) [Загадки народов России 1999: 75, № 103]; *Сидит дед, многим платьем одет, / кто его раздевает, / тот от желанья свово / слёзы проливает* (лук) [Рыбникова 1931: 112, № 65]; *Сидит дед, многим платьем одет. / Кто его раздевает – / От жалости слёзы проливает* (лук) [Малые жанры 1986: 307]. Важно отметить, что в более ранних сюжетах описывалась не физиологическая реакция, а чувство жалости, которое вызывал только один вид одежды в заплатках. В этих текстах по сюжету заплатки с «бабы» или «деда» не снимаются, а плачут при взгляде на них; ср.: *Сидит баба на грядах, / Вся в заплатках, / Кто ни взглянет, / Тот вслачет* (зелёный лук) ([Малые жанры 1986: 266]; *Сидит баба на грядах, / Вся в заплатках, / Кто ни взглянет – / Всяк заплачет* (лук) [Загадки народов России 1999: 75, № 102]; *Сидит бабка, / расстрапала заплатки; / кто ни глянет, / всякий заплачет* (лук) [Рыбникова 1931: 80, № 101]; *Сидит Агафиха на грядке / вся в заплатках; / кто ни взглянет, / плаче и рыдае* (лук) [Рыбникова 1931: 112, № 62]. «Заплатки» сменились «шубками», «юбками», «rizkami»; сюжет загадки получил новое направление: метафорическое описание эмоциональной реакции жалости к «нищему одеянию» луковицы заменяется подсказкой — прямым указанием на физиологическую реакцию при очищении лука. Ср.: *Сидит дед, / Во сто шуб одет. / Кто его раздевает, / Тот слёзы проливает* (лук) [Загадки народов России 1999: 75, № 100].

Осмысление плача и как физиологической реакции, и как эмоциональной реакции обнаруживаем в загадках про солнце, глядя на которое люди плачут; ср.:

Взглянешь, заплачешь, / А краше нет на свете (солнце) [Загадки народов России 1999: 18, № 202]; Сито вито, / Кругловито; / Кто ни взглянет — / Тот заплачет (солнце) [Загадки народов России 1999: 19, № 213]. В загадках концептуализируется противопоставление социальных эмоций — физиологическим реакциям; ср.: *Все его на свете любят, / Когда увидят — морщатся (солнце) [Загадки народов России 1999: 19, № 211].* Указание на чувства и эмоции могут выполнять в репрезентации признаков денотата исключительно орнаментальную и рифмо-ритмическую функции; ср.: *Голубой платок, / Алый клубок / По платку катается, / Людям улыбается (небо и солнце) [Загадки народов России 1999: 15, № 126]; Купи, денег не жалей, / Со мной ехать веселей (колокольчик) [Малые жанры 1986: 319]; К потолку подвесила, стало дома весело (электрическая лампа) [Малые жанры 1986: 333]; Привела я солнце / За своё оконце, / К потолку повесила, / Стало дома весело (то же) [Загадки народов России 1999: 44, № 35]; Не бойся — тронь, хоть внутри огонь (электрическая лампа) [Малые жанры 1986: 333].* В последней загадке личный глагол в императивной форме «не бойся» используется для выражения побудительного значения, а в контексте загадки — также уступительного значения. Эмоциональный образ вводит адресата в сюжет загадки, делает сюжет диалогичным и личным, создает связь с архетипом («огонь»).

Для украшения текста и усиления экспрессии в загадках используются формулы с двойным отрицанием: «никого не боится», «завалюсь за него, не боюсь никого», обеспечивающие рифму и ритм. Ср.: *Бел, да не сахар, / Ног нет, да идёт, / На всех садится, / Никого не боится (снег) [Загадки народов России 1999: 18, № 186]; Стучит, гремит, вертится, / Ничего не боится; / Считает наши век, / А сам не человек (часы) [Загадки народов России 1999: 63, № 30]; Стучат, / Гремят, / Вертятся, / Никого не боятся, / Сами не люди, / А считают чужие века (часы) [Малые жанры 1986: 272]; Около стенки сучок — / Это мой старичок, / за него завалюсь — / никого не боюсь (печь) [Рыбникова 1931: 85, № 203].*

Вспомогательный, неглавный признак «смеётся» в метафорическом описании загаданного денотата («кисель») возникает по аналогии с сотрясением тела человека от смеха, иначе говоря, образ строится на стереотипном представлении и разгадывается благодаря актуализации стереотипных представлений в сознании. Ср.: *Дедушка смеётся, / так что щубонька трясётся (кисель) [Рыбникова 1931: 296, № 751];* см. также использование сходной конструкции для описания подобия смеха человека и ржания лошади; на денотат указывает преувеличение интенсивности смеха и метафора «шуба» — «шкура»: *Девушка смеётся, так что шуба трясётся (лошадь) [Митрофанова 1968: 46].* В другой загадке также вспомогательный признак чувств / эмоций, приписываемых персонажу загадки («чорт боится»), интерпретируется в мифологическом «слое» культурных знаний; ср.: *Два раза родился, / ни разу крестился, / а чорт его боится (петух) [Рыбникова 1931: 261, № 370].* Тем самым, указание на чувства / эмоции, не являющиеся основным признаком загаданного денотата, может быть «ключевым словом» для разгадывания [Топоров 1994: 38]; ср. также: *С вечера заложу, / всю ночь спокойно пролежу (ворота на запоре) [Рыбникова 1931: 84, № 178].*

Действительно, в большинстве загадок признак «чувств / эмоции» яв-

ляется дополнительным и репрезентирует обозначенный более точно с помощью других признаков загаданный денотат. Ср.: *Живёт в лесу, / Ухает, как разбойник, / До мышей охотник. / Днём спит, ночью кричит, / У дороги летает, / Прохожих пугает, / Люди его боятся, / А он боится людей* (филин) [Загадки народов России 1999: 91, № 92]; *Днём спит, / Ночью летает / И прохожих пугает* (сова) [Русский фольклор 1986: 56]; *Пойдёт в баню чёрный, сердитый, / А выходит красный, вкусный, не опасный* (рак) [Рыбникова 1931: 77, № 56]; *В болоте плачет, а из болота не идёт* (кулик) [Русский фольклор 1986: 56].

Необходимость, константность и универсальность такого свойства загаданного денотата, как всегда вызывать приятные чувства, всем нравиться, подчеркивается квалификацией данных чувств с помощью форм превосходной степени («всех милее», «милее всего») и слов, имеющих генеритивное значение («всему свету миленько», «все любят», «всем людям мило»). Ср.: *Что на свете всех милее?* (деньги) [Рыбникова 1931: 124, № 239]; *Кругленько, беленько, / всему свету миленько* (деньги) [Рыбникова 1931: 124, № 240]; *Что милее всего на свете?* (сон) [Загадки народов России 1999: 26, № 82]; *Чёрненько, горяченько, / А все любят* (хлеб) [Загадки народов России 1999: 34, № 30]; *Комковато, ноздревато, / И грубо, и горбато, / И кисло, и пресно, / И вкусно, и красно, / И кругло, и легко, / И мягко, и твёрдо, / И черно, и бело, / И всем людям мило* (хлеб) [Загадки народов России 1999: 34, № 32]; *На всех зла, / а всем мила* (редька) [Рыбникова 1931: 282, № 590]; *Чёрненька, маленька, / Всему свету миленька* (черёмуха) [Загадки народов России 1999: 79, № 185].

«Отражая бытовые и повседневные явления жизни человека, загадки не вступают непосредственно в область общественных и социальных отношений людей» [Митрофанова 1968: 11]. Однако стереотипные представления о загаданном денотате складываются и описываются в загадке, главным образом, по аналогии с теми внутренними переживаниями или социально обусловленными чувствами / эмоциями, которые испытывает человек в своей жизни в разных ситуациях. Ср.: *Зимой беленький, / А летом серенький, / Никого не обижает, / А сам всех боится* (заяц) [Загадки народов России 1999: 84, № 44]; *Под полом-полом / шевелит хвостом, / в щели глядится, / вылезти боится* (мышь) [Рыбникова 1931: 253, № 273]; *Какая мать по детям не плачет, / А всё веселится и скачет?* (кукушка) [Загадки народов России 1999: 85, № 88]; *Его бьют, а он не плачет, / Веселее только скачет* (мяч) [Загадки народов России 1999: 66, № 22]. В образной семантике загадок кроме искомого денотата закодированы архетипы («любовь», «ненависть»), мифологемы («пещера» и др.), символы («сыра земля» и др.). Ср.: *Выходила турица, / Из-под каменной горицы, / Страшивала: / «Кукорей, кукорей, / Где твой Косарей?» / «Мой Косарей / Пощёл в пещеру пещеровать, / Ваших детей воевать». – /Ох, горе, горевать, / Куда малых детей девать, / Лучше в сыру землю закопать»* (крыса, петух и кот) [Малые жанры 1986: 271]; *Она его любит, / он её ищет и ненавидит* (блоха) [Рыбникова 1931: 265, № 406]; *Она его любит, но мучает, / он её ненавидит, а ищет* (блоха и человек) [Рыбникова 1931: 265, № 408]. Эталон злобы и рвения «собаки злы», возникший на основе стереотипных представлений, вкраплен в метафору загадки: *Под хрустом-хрустом капуста бела; под хрустом-хрустом вода дорога; под хрустом-хрустом собаки злы* (мёд и

пчёлы) [Малые жанры 1986: 286].

Главным образом, и сложные, и простые загадки разгадываются с опорой на знания, в том числе на стереотипы, например, что на кладбище не может быть веселья; ср.: *Стоит село невеселό, / петухи не поют, / и люди не встают* (кладбище) [Рыбникова 1931: 394, № 1829]. Стереотипное представление о том, что любовь неизбежно приводит к гибели, смерти, отраженное в мифологической картине мира [Фрейденберг 1997], лежит в основе образного описания культурно значимых концептов «огонь» и «хлеб». Ср.: *Я не сам по себе, / а сильнее всего, / и страшнее всего, / и все любят меня, / и все губят меня (огонь)* [Рыбникова 1931: 320, № 1039]; *Я не сам по себе, а сильнее всего, и все любят меня, и все губят меня (огонь)* [Малые жанры 1986: 285]; *Я не сам по себе, / Я сильнее всего, / Я страшнее всего, / И все любят меня, / И все губят меня (огонь)* [Загадки народов России 1999: 44, № 45]; *Бьют меня палками, / Жмут меня камнями, / Держат меня в огненной пещере, / Режут меня ножами. / За что меня так губят? / За то, что любят (хлеб)* [Загадки народов России 1999: 34, № 35]; *Режут меня ножами, / бьют меня лопатой. / За что меня губят? / За то, что любят (хлеб)* [Рыбникова 1931: 89, № 267]; *Бьют меня палками, / жмут меня камнями, / жгут меня огнём, / режут меня ножом. / А за то меня так губят, / что все меня любят (хлеб)* [Рыбникова 1931: 89, № 268].

Многие загадки невозможно отгадать без знаний, которые хранит в себе традиционная культура. Ср., например: Что без горя живёт? (бел-горюч камень) [Русский фольклор 1986: 63]. «Бел-горюч камень», или «Алáтырь-камень» — постоянный компонент заговоров, легенд, былин, духовных стихов. Алáтырь (калька с иран. *al-atap*, букв. «бел-горюч/горяч») — в мифологическом слое русской культуры означает «“всем камням отец” (один из основных элементов космоса), центр мира, наделяемый сакральными и целебными свойствами <...> Он находится на “синем море Окиане” <...> На нем стоит “ мировое дерево”, огненный столб, золотая церковь» [Толстая 2011: 19]. Разгадывание закодированного в вопросе особого камня, который является эталоном «необладания» горем, под силу носителям традиционной культуры и тем, кто обладает широкой лингвокультурной компетенцией.

Чувства или эмоции по отношению к загаданному денотату, обусловленные нуждами крестьянского быта и хозяйства, являются настолько стойкими, что по ним легко определить загаданный денотат; так, в основе следующих загадок лежит противопоставление подлинных ценностей для крестьянина («корова», «площадь») и антиценности, указанной в отгадке. Ср.: *Сереньку лошадку / в доме не любят / и на базаре не купят (мышь)* [Рыбникова 1931: 253, № 272]; *Конничек голубенький, / тебя дома все не любят, / и на базаре-то/ никто не купит (мышь)* [Рыбникова 1931: 109, № 31]; *Корова голуба, / Дома не любят, / На базаре не купят (мышь)* [Загадки народов России 1999: 85, № 85]; *Сивую бурёнушку и дома не любят, и на торгу не купят (мышь)* [Малые жанры 1986: 285]; *Сивую бурёнушку / И дома не любят, / На базаре не купят (мышь)* [Русский фольклор 1986: 44].

Признак «чувства / эмоции» чаще используется для дополнительной характеристизации денотата, но может служить более прицельно его идентификации.

Идентификация загаданного денотата осуществляется по обладанию (необладанию) приписываемых ему тех или иных чувств / эмоций, которым уподоблены внутренние свойства денотата; ср.: *Огня не страшусь, воды не боюсь* (горшок) [Малые жанры 1986: 301]. В загадках неодушевленный предмет часто описывается в образе одушевленного; в данной загадке основное свойство горшка — крепость — описывается путем уподобления чувствам, которые испытывает сильный, крепкий человек по отношению к главным разрушительным силам природы — огню и воде. Постоянный признак загаданного концепта, по которому он идентифицируется, может быть противопоставлен другому постоянному признаку, который также служит его идентификации. Ср.: *В воде родится, / а воды боится* (соль) [Рыбникова 1931: 82, № 148]. Идентификация денотата также осуществляется по внешнему признаку «дрожит», который уподоблен эмоциональной реакции человека («испуг»), ее проявлению; ср.: *Никто не пугает, а вся дрожит* (осина) [Митрофанова 1968: 66]. Идентификация осуществляется и по тому, какие чувства / эмоции может вызывать (не вызывать) у человека основной признак денотата; ср.: *С бородой родится, / Никто не дивится* (козёл) [Загадки народов России 1999: 84, № 54].

Особый «культурный вес» имеют загадки, в которых постоянный признак денотата трансформирован в отчужденные от денотата сущности — чувство, ощущение, эмоцию, состояние («страх» / «страсть», «тепло», «зло», «горе»). В загадках такая сущность определяется, становится именем деятеля, и это имя служит зашифрованной номинацией денотата. Константы психики «имеют тенденцию к отрыву от глагольного значения и часто функционируют как имена актантов — участников драм и мистерий <...> Названия эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство событий и даже от спровоцировавших его лиц (виновников или объектов чувств)» [Арутюнова 1998: 386]. Ср.: *Влезу на угол, / Взгляну на чисто поле: / Страсть тепло тащит* (волк и овца) [Загадки народов России 1999: 82, № 16]; *Страх тепло волочит, / А тепло «караул» кричит* (волк и овца) [Загадки народов России 1999: 82, № 17]; *Ползло зло; я зло схватил, да злу злом жизнь прекратил* (змея и ружьё) [Малые жанры 1986: 283]. В таких загадках для описания постоянного признака может использоваться отрицательная конструкция с именным сказуемым, т.е. с опущенной связкой *быть*; ср.: *Не горе, а плачешь* (чистишь лук) [Рыбникова 1931: 90, № 275]. В данных загадках описываются частые, повторяемые и самые значимые в условиях жизни и быта крестьянина стереотипные ситуации, концептуальные признаки которых осознаются как единое целое. С образами в данных загадках связаны также наиболее древние, мифологические, представления, в силу которых на прямое именование волка, медведя, змеи и т.п. когда-то налагалось табу (см., например, о «зашифрованных именах» волка и овцы в: [Свешникова 1994], про мифологему волка и эвфемизмы в: [Ковшова 2016б]). Есть загадки, в которых также могут быть использованы прямые номинации эмоций, создающие — по метонимии — предметные, вещные образы, ключевые для разгадывания; ср.: *Всё на ней ездит: и радость, и горе* (погата) [Малые жанры 1986: 298].

Не постоянный признак, но постоянная главная функция может высту-

пать в качестве единственного репрезентирующего класса; релевантная для идентификации загаданного денотата, функция выражается глаголом, а в самой отгадке выступает как название загаданного денотата: «страшит» — «пугало / чучело». Ср.: *Без рук, / Без ног / Стоит, как хлоп. / Ничего не говорит, / А птиц страшит* (огородное пугало) [Малые жанры 1986: 294]; *Без рук, без ног / Стоит, как холоп. / Ничего не говорит, / А птиц страшит* (чучело огородное) [Загадки народов России 1999: 54, № 143].

В концептуализацию чувств и эмоций в загадках вносит свою посильную лепту и грамматика. Язык загадок изучается в широком поле паремиологии в семантическом, логическом и функциональном аспектах; см., например: [Николаева 1994; Молошная 1994; Николаева 2013]. Отметим только некоторые особенности рассмотренного материала. Среди загадок с признаком «чувствама / эмоциями» встречаются простые предложения, по целевой установке вопросительные, которые открываются вопросительным местоимением или наречием; такой прием создает впечатление, что отгадка будет единственно возможной и что признак чувств / эмоций (или реакций, переосмысливаемых как эмоциональные), который приписывается денотату, является главным, основным; ср.: *Кто зимой холодной / В лесу стоит злой, голодный?* (волк) [Загадки народов России 1999: 82, № 13]; *Кого горе красит?* (рак) [Рыбникова 1931: 77, № 56]; *Кто на болоте плачет, / А с болота неидёт?* (кулик) [Загадки народов России 1999: 85, № 90]; *Что горче желчи? — Сын неблагодарный* [Митрофанова 1968: 163]; *Что слаще и что горче? — Слово человеческое* [там же]. Основным приемом синтаксической организации рассмотренных загадок является противопоставление и отрицание. С помощью этих категорий концептуализируются представления о связи между свойствами предметов и теми чувствами, которые эти свойства вызывают, теми последствиями, сопряженными с переживанием, к которым приводит незнание свойств предметов. В противопоставлении признаков могут участвовать утвердительные именные сказуемые, выраженные краткой формой прилагательного; ср.: *Долгая Мавра / жёстка, корява, / на всех зла, / а всем мила* (редька) [Рыбникова 1931: 282, № 589]; *Я мала, да зла, / Чуть-чуть свечу, / Иногда так упаду, / Что много горя принесу* (лучина) [Загадки народов России 1999: 44, № 29]. Утвердительное именное сказуемое может быть противопоставлено отрицательному именному сказуемому; впечатление усиливает звуковое подобие в противопоставленных физических и эмоциональных признаках; ср.: *Мала, а никому не мила* (мышь) [Малые жанры 1986: 300]; *Малы, / а никому не милы* (мыши) [Рыбникова 1931: 131, № 59]. Прием негации обладания у денотата объектов, явлений, действий используется для противопоставления наличию обладания другими объектами, признаками, действиями. С помощью такого приема концептуализируется внешнее сходство и противопоставление симптомов физиологических реакций — симптомам эмоциональных реакций. Такой прием обеспечивают несколько основных конструкций. Это отрицательная конструкция противопоставления с не при глаголе; ср.: *Огонь высекает, / Сыру землю зажигает, / Горя она не знает, / А горько плачет* (туча) [Загадки народов России 1999: 20, № 235]. Ср. тот же прием в вопросительном предложении: *Кто плачет, не имея слёз?* (сова) [Митрофанова 1968: 43]. Это от-

рицательная конструкция обладания с предикативом нет; ср.: *Летит орлица по синему небу. / Крылья распластала, / Солнышко застлала. / Ног нет, а идёт, глаз нет, / а плачет (туча)* [Малые жанры 1986: 337]; *Сильнее солнца, / Слабее ветра, / Ног нет, а идёт, / Глаз нет, а плачет (туча)* [Загадки народов России 1999: 20, № 236]; *Ног нет, а идёт, / Глаз нет, а плачет (туча)* [Загадки народов России 1999: 20, № 237]. Это отрицательное имплицитное сравнение, которое создает оксюморонный образ; ср.: *Живёт без тела, / Говорит без языка, / Плачет без души, / Смеётся без радости (эхо)* [Загадки народов России 1999: 20, № 248]; *Живёт без тела, / говорит без языка, / плачет без души, / смеётся без радости; / никто его не видит, / а всяк слышит (эхо)* [Рыбникова 1931: 246, № 196]; *Кричит без языка, / Поёт без горла, / Радует и бедует, / А сердце не чует (колокол)* [Малые жанры 1986: 267].

Что же можно вывести исключительно из материала загадок, не «подкрепленного» пословицами, поговорками, сказками и т.п., какие представления о чувствах и эмоциях, сложившиеся в народной ментальности, отражаются в зеркале загадок? По загадкам можно определить значимые в традиционной культуре чувства и эмоции. По данным загадок, телесный орган для чувств или эмоций — сердце; тем самым, концепт «чувств / эмоции» включает в себя такое понятие, как «часть тела». В загадках постоянно используется противопоставление чисто физиологических реакций реакциям, что вызваны эмоциями; тем самым, концепт «чувств / эмоции» включает в себя такую оппозицию, как «тело — душа». Признак «чувств / эмоции» для загаданного денотата в большинстве примеров не является достаточным, чтобы быть единственным средством его идентификации, но служит дополнительным ключом к разгадке. Образы загадок интерпретируются в пространстве культурного знания, прежде всего — стереотипных представлений о свойствах предметов и явлений, процессах, ситуациях, событиях; данные знания лежат в основе «эмоциональной метафоры» загадывания объектов материального мира. Признак «чувств / эмоции» указывает на переживания человека и социальные отношения, внешне или по функции симметричные признакам загаданных денотатов; именно это обстоятельство обусловливает персонификацию чувств и эмоций, их выведение на «авансцену» загадки. Антропоцентричные образы чувств и эмоций в народных загадках служат связующим звеном между загаданными предметами, явлениями и человеком, его внутренним и социальным миром.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Головачева А. В. К вопросу о pragматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 195—213.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В IV тт. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. I.

Даль Вл. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957.

Журинский А. Н. Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989.

Загадки народов России / сост. Т. Климова. М.: РОСМЭН, 1999.

Ковшова М. Л. К вопросу о связи загадок и поговорок // Когнитивные исследования языка. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. Сборник научных трудов. Москва: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016а. С. 470—476.

Ковшова М. Л. Образы пространства и времени в русской фразеологии и коды культуры: НИГДЕ и НИКОГДА // Prostor in čas v frazeologiji / uredile Erika Kržišnik, Nataša Jakop, Mateja Jemec Tomazin. 1. izd. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016б. С. 481—491.

Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

Левин Ю. И. Семантическая структура загадки // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 283—314.

Малые жанры русского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки / Составитель В.Н. Морохин. М.: Высшая школа, 1986.

Митрофанова В. В. Загадки. Л.: Наука, 1968.

Молошная Т. Н. Заметки по синтаксису простого предложения в загадках (сопоставительный русско-болгарский анализ) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 226—247.

Николаева Т. М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 143—177.

Николаева Т. М. Типы индоевропейского предложения, по Ю.С. Степановой, и грамматика русской паремии // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. тр. перв. науч. конф. памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М., Калуга: Институт языкознания РАН; Эйдос 2013. С. 88—101.

Русский фольклор / Сост. и примеч. В. Аникина. М.: Художественная литература, 1986.

Рыбникова М. А. Загадки. М.-Л.: Academia, 1931.

Свешникова Т. Н. Румынские загадки о волке // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994 С. 248—255.

Толстая С. М. (отв.ред.). Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Международные отношения, 2011.

Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10—117.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

¶

**Семантика слова «стыд» в португальском языке
(в сопоставлении с русским)
The Semantics of Shame in Portuguese
(in comparison with Russian)**

Аннотация

Целью данной статьи является семантический анализ предикатов эмоционального состояния стыда в португальском языке в сопоставлении с русским. Стыд является эмоциональным состоянием, замкнутым в субъекте, и обязательными параметрами ситуации стыда представляются субъект стыда, причина и собственно эмоциональное состояние стыда. Анализируются ситуации внутреннего и внешнего стыда, при которых появляется актант «обвинитель» (совесть субъекта стыда, другой наблюдатель или социум), вводимый предлогом *diante de*, русс. *перед*. В статье анализируются основные синтаксические структуры, описывающие ситуацию стыда в португальском языке, такие параметры, как манифестируемость, контролируемость, градуированность, временная ориентированность, а также языковая метафора, описывающая данное эмоциональное состояние.

The article analyses the predicates of emotional state of shame in Portuguese in comparison with Russian. Shame is an emotional state contained in the subject, and the requisite parameters of the situation of shame are the subject of shame, the cause and the emotional state of shame proper. Situations of inner and outer shame, where an actant “prosecutor” appears (conscience of the subject of shame, other people or society), introduced by the preposition *diante de*, Russian *перед* are analyzed. Main syntactic structures describing the situation of shame in Portuguese, such parameters as manifestation, controllability, degree of intensification, orientation in time, as well as language metaphor that describes this emotional state, are being treated.

Ключевые слова

Семантика стыда, предикаты эмоционального состояния, субъект, причина, обвинитель, манифестируемость, контролируемость, временная ориентированность, метафора

Semantics of shame, predicates of emotional state, subject, cause, prosecutor, manifestation, controllability, orientation in time, metaphor

1. Введение. «Человеческая» лингвистика — одно из современных направлений языкознания, изучающего, в том числе, эмотивные предикаты, то есть предикаты, описывающие эмоции. Анализу эмотивных предикатов посвящена книга Е. М. Вольф [Вольф 1996], где разработаны основные параметры, необходимые для анализа данной семантической группы: (активность / пассивность субъекта, знак эмоции, ее контролируемость, рассудочность или аффективность,

манифицируемость / неманифицируемость, временная ориентированность, ограниченность во времени /диспозициональность, ориентация на объект или замкнутость в субъекте и др.).

На шкале предикатов эмоционального состояния (ЭС), отношения и поведения в русском и романских языках ученики Е. М. Вольф исследовали предикаты безразличия и презрения [Воркачев 2006], удивления [Воркачев 2006; Петрова 2012], страха [Зализняк 2013; Иоанесян 2012; Петрова 2016], сожаления, раскаяния, обиды, совести, радости, счастья и удовольствия [Зализняк 2013], радости, любви, огорчения [Воркачев 2006] и других эмоций.

Концепт стыда ввиду его социо-этических коннотаций, истории возникновения самого понятия и семантики участников ситуации стыда вызывает особый интерес у российских лингвистов. Толкование предиката *стыдиться* в русском языке было сделано в рамках модели «Смысл—Текст» в работе Иорданской [Иорданская 1970]. Понятие «стыд» как социо-этический концепт, история возникновения понятия и внешние манифестации стыда подробно исследованы на материале русского языка в работах Н. Д. Арутюновой «О стыде и стуже» [Арутюнова 1997] и «О стыде и совести» [Арутюнова 2000]. Семантика обязательных и необязательных участников ситуации стыда анализируется в работах Анны А. Зализняк [Зализняк 2013] и Е. Р. Иоанесян [Иоанесян 2016]. Противопоставлению понятий «стыд» и «позор» посвящена работа А. Д. Шмелева А.Д. [Шмелев 2002].

Целью данной статьи является семантический анализ предикатов эмоционального состояния стыда в португальском языке в сопоставлении с русским. При работе использовались дефиниционно-компонентный, контекстуальный анализ и сравнительно-сопоставительный метод, при котором русский язык предстает также в качестве метаязыка, раскрывающего семантические различия.

В качестве иллюстративного материала (около 3 тыс. примеров) в работе используются развернутые контексты из базы данных «Corpus do Português»[Corpus do Português]. Примеры взяты из периодики, произведений португальских и бразильских авторов XIX—XXI вв., а также из интернета.

2. Определение. По определению психологов, стыд относится к числу универсальных и фундаментальных человеческих эмоций, см., например, [Изард 1980]. Это эмоциональное состояние — исключительная принадлежность человека. Толковый словарь Ушакова дает следующее определение: «Стыд — чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка». Из этого толкования следует, что эмоция стыда является эмоциональным состоянием со знаком отрицательной оценки, не направленным на объект, а замкнутым в субъекте. Основными составляющими ситуации любого ЭС являются: субъект и причина ЭС¹. Однако при дальнейшем анализе мы выявим и другие скрытые и явные актанты, которые включены в модальную рамку предикатов стыда.

3. Синтаксические структуры. Ситуация стыда описывается следующими основными синтаксическими конструкциями:

¹ Об эмоциональном и деонтическом значении конструкции «стыдно» см. [Шмелев 2002: 118—125].

1. [*A+verba sentiendi+имя ЭС*], при этом конструкция строится как с не-расчлененным (субъект *стыдится*), так и с расчлененным предикатом (субъект *испытывает стыд*). Сюда же, с определенными оговорками, можно отнести безличный оборот *мне (тебе, ему и т.д.) стыдно*, свидетельствующий о пассивности субъекта стыда и неконтролируемости эмоции, ср.: *я стыжусь — мне стыдно*. В португальском языке данная конструкция выражена оборотами: *envergonhar-se, estar envergonhado; ter / sentir / tomar / suportar vergonha; estar / ficar com vergonha, passar pela vergonha; ficar passado / passar-se da vergonha; ter pejo; acanhar-se. Rodrigo sentiu uma súbita vergonha* (Rocha: Dusá). ‘Внезапно Родриго почувствовал, что ему стыдно’.

2. [*Имя ЭС + предикат, обозначающий начало, окончание, нарастание ЭС*]. Русск. *стыд охватывает / завладевает A, проходит: O sentimento de vergonha que tomou conta de Leninha foi uma coisa intolerável* (Rodriguez: Destino). ‘Чувство стыда, завладевшее Лениньей, было невыносимым’. *Depois chegava-lhe a vergonha imensa, uma tristeza louca* (Rego: Pedra). ‘Потом ею овладевал жгучий стыд, безумная тоска’. *Uma súbita vergonha trouxe uma onda de calor às suas faces* (Cardoso: Dias). ‘Внезапно лицо его окрасилось краской стыда’ (букв. ‘внезапный стыд вызвал краску на его лице’). *Dá um pouco de vergonha, mas fecho os olhos e a vergonha passa* (Paiva: Brasil). ‘Немного стыдно, но я закрываю глаза, и стыд проходит’.

3. [*N+каузативный глагол+A+verba sentiendi + имя ЭС*]. В русском языке это: *вызывать стыд, безличный оборот стыдно; порт. dar / fazer / causar / provocar / meter vergonha, cobrir de vergonha: Dá vergonha fazer parte de uma humanidade que faz tanta bobagem* (Intrv: Web). ‘Стыдно (букв. ‘вызывает стыд’) быть частью человечества, которое творит столько глупостей!’.

4. Конструкция, не указывающая на субъект эмоции: *é uma vergonha! que vergonha!* В русском ей примерно соответствует безличный оборот *какой стыд / позор!* или безличное *стыдно!: Isto é uma vergonha!* Confesso que, às vezes, tenho pejo de dizer que sou brasileiro (Coelho: Conquista). ‘Какой стыд! Признаюсь, что иногда мне стыдно говорить, что я бразилец’.

4. История. Эмоции возникают и развиваются по определенному сценарию, в котором Ю. Д. Апресян выделяет пять фаз: 1. первопричина эмоции; 2. непосредственная причина эмоции, то есть интеллектуальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта; 3. собственно эмоция; 4. желание продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию; 5. внешнее проявление эмоции [Апресян 1995]. Как определенный сценарий рассматриваются ЭС страха и удивления в работах [Петрова 2016; 2018]. Таким образом, ситуация стыда имеет свою историю, которую мы попытаемся здесь проследить.

Принято различать внутренний стыд, т.е. стыд перед собой или перед Богом, и «внешний», социальный стыд — стыд, который испытывает субъект перед «аудиторией» [Иоанесян 2016: 240]. А. Д. Шмелев, анализируя концепты «стыд» и «позор», пишет, что ситуация позора предполагает оценку поведения субъекта со стороны общества, тогда как ситуация стыда — самооценку субъекта [Шмелев

2002: 132]. Однако так же, как в английском (*shame*) и французском (*honte*) языках, в португальском существует лишь одно слово для обозначения как внутреннего, так и внешнего стыда (*vergonha*).

Рассмотрим ситуацию внутреннего стыда, стыда перед самим собой. Для семантического анализа предикатов эмоционального состояния в структуре одного одушевленного субъекта нам необходимо выделить отдельные его составляющие: это *рациональный субъект*, отвечающий за мыслительную деятельность человека (разум); субъект эмоции, испытывающий разного рода эмоции (душа); *субъект морали* — носитель нравственно-этических норм (совесть); и *физический субъект* — тело, совершающее действия, испытывающее влияние окружающих факторов. Недаром все четыре составляющих субъекта фигурируют в определении стыда в «Толковом словаре» Ушакова [Ушаков 2014]: «Стыд — чувство смущения, раскаяния (субъект эмоции — Г.П.) от сознания (рациональный субъект — Г.П.) предосудительности (субъект морали — Г.П.) поступка (физический субъект действия — Г.П.)».

ЭС стыда можно представить как некую сцену суда, где представлены:

- 1) обвиняемый, совершивший определенный поступок (физическй субъект), ощущивший определенные эмоции (субъект эмоций), в голову которого пришли некие мысли (рациональный субъект);
- 2) обвинитель — носитель нравственно-этических норм, голос совести, осуждающий поступки (мысли, эмоции) обвиняемого;
- 3) адвокат, признавший все доводы обвинителя и согласившийся с ними — разум обвиняемого, его рациональный субъект;
- 4) потерпевший — эмоциональный субъект, испытывающий отрицательную эмоцию.

В том случае, когда обвиняемый и обвинитель совпадают (человек стыдится самого себя), все эти персонажи — разные ипостаси одного человека: *Teve vergonha de seu medo* (Rego:Fogo). ‘Ему стало стыдно за свой страх’.

История стыда, все аргументы *pro* и *contra*, весь внутренний диалог человека с самим собой воспроизводятся в романе Эсы де Кейроша «Кузен Базилиу», где в одном из эпизодов описывается состояние главной героини Луизы, изменившей мужу: *Amava-a também, não havia dúvida. Aquela certeza era a sua justificação. E como era o amor que os produzia, não se envergonhava dos alvoroços voluptuosos com que ia todas as manhãs ao “Paraíso”* (Еса:Basilio). ‘Конечно, он тоже любит ее. Эта уверенность служила ей оправданием. И так как эти безумства были вызваны любовью, она не стыдилась чувства радостного нетерпения, с которым ехала каждое утро в «Рай»’.

Совесть Луизы, «обвинитель», подсказывает, что ее поступки противоречат морали. Уверенность, что Базилиу любит Луизу, служит ей оправданием: мы видим здесь аргументы рационального «адвоката». В итоге «потерпевший», эмоциональный субъект, не чувствует стыда.

Как можно видеть, в ситуации стыда могут фигурировать аргументы, приводимые «обвинителем», чтобы убедить рациональный субъект не признавать или признавать себя виновным: *Пристыженный уликами, он молчал* [Даль]. *Não*

tens de que te envergonhar; não foges com um homem, e sim comigo, que te conservarei pura (Azevedo:Memórias). ‘Не нужно стыдиться: ты бежишь не с мужчиной, а со мной, а я сохранию твою невинность’.

Однако «обвиняемый» и «обвинитель» могут не совпадать. Совесть субъекта стыда может стать обвинителем другого лица, и экспириенсер в этом случае испытывает стыд за действия другого: *A minha falecida foi quem me apoquentou as orelhas, vergonha tinha de marido analfabeto* (Zambujal). ‘Покойница со свету меня сжигала: стыдно ей было, что муж у нее неграмотный’. *O tio tem vergonha de mim* (Comparato:Guerra). ‘Дядюшке стыдно за меня’. *Entreolharam-se, era como se um tivesse vergonha do outro* (Olinto:Tempo). ‘Они переглянулись, как будто бы стыдясь друг друга’.

При этом, как мы увидим далее, в ситуации социального стыда «обвинителем» может стать социум (*перед людьми стыдно*).

5. Субъект. Экспириенсер, как правило, является одушевленным человеческим существом или выражается словами, обозначающими коллективное множество (семья, страна, нация): *País pobre, envergonhado com a subsistência de bolsões de miséria absoluta* (SP). ‘Бедная страна, испытывающая стыд из-за проявления на совершенно мизерные выплаты’.

Семантический субъект (экспириенсер) ЭС стыда может оказаться в самых различных синтаксических позициях и выражаться не только существительным, но и прилагательным: *Tenho-lhe dito muitas vezes que é a vergonha da família* (Pena:Irmãos). ‘Я много раз говорил Вам, что он — позор семьи’; *Perde-se a conta dos brasileiros esmagados pelo salário mínimo, vergonha nacional* (Barreto:Clara). ‘Несть числа бразильцам, перебивающимся с хлеба на воду на минимальную заработную плату — национальный позор’.

Неодушевленным субъект ЭС стыда может оказаться, как правило, только в метафорических или метонимических контекстах, либо воспринимается как анахронизм: *И двери богатых стыдятся нищих* [Даль].

6. Причина. Семантика причины ЭС стыда подробно анализируется на основании работ психологов в [Иоанесян 2016: 197—198]. Это — потеря лица, чести, нарушение норм, собственная неумелость, непригодность, неадекватность и др. При этом причина сама по себе может и не нести отрицательной оценки, что вызывает ситуацию ложного стыда (см. п. 8). Ср. русск. *стыдиться похвалы*, порт. *sentir vergonha de ser brasileiro* (Intrv:ISP) — ‘стыдно быть бразильцем’.

Здесь мы рассмотрим основные синтаксические конструкции, описывающие в португальском языке причину стыда. Это:

а) пропозиция, которую вводит предлог *de* или *por* (эксплицирующий причинные отношения): *Aquela descarada não tem vergonha de aparecer assim na rua?* (Carvalho:Somos). ‘И этой нахалке не стыдно появляться в таком виде на улице?’ *Contou de seus desacertos, de seus amores sofridos, da vergonha e do medo por sentir-se um diferente* (Abreu:Santa). ‘Он рассказал ей о своих ошибках, о неудачных романах, о стыде и страхе из-за того, что он чувствовал себя другим’.

б) личный инфинитив без союза или придаточное предложение с союзом *que*, в котором обязательно употребление сослагательного наклонения, что свиде-

тельствует об особой оценочной модальности. Недаром Н. Д. Арутюнова пишет «Итак, стыдно — это вид оценки» [Арутюнова 1997: 61]. É uma *vergonha* terem vocês medo assim (Gaio:Mário). ‘И вам не стыдно так бояться!’ É uma *vergonha* que uma rapariga como tu se veja ainda na condição de escrava (Guimarães:Escrava). ‘Какой стыд, что такая девушка, как ты, все еще рабыня!’.

в) предикативное имя, вводимое предлогами *de*, *por* или *com*: *Eis-me outra vez forte para a luta, e envergonhado da minha fraqueza* (Camilo: Misterios). ‘И вот я вновь готов к борьбе и стыжусь своей слабости’. *Não tens de que te envergonhar pelo interesse que porventura te inspirou esse rapaz* (Dinis:Morgadinha). ‘Тебе не следует стыдиться интереса, который внушил тебе этот юноша’. *Envergonhada com a palavra que irreflectidamente pronunciara, retirou-se* (Fernandes). ‘Устыдившись случайно вырвавшегося у нее слова, она убежала’.

г) конкретное существительное (с предлогом *de*): *Estou com vergonha desta fotografia, desta saia curta, deste penteado*. ‘Мне стыдно за эту фотографию, за такую короткую юбку, за прическу’.

Причина может быть: (а) ретроспективной (стыд обращен в прошлое): ... *alguns escríupulos lhe restam para não conseguir fitar-me: positivamente, vergonha do descaminho que deu à sua vida. Tem muito de que se envergonhar* (Zambujal:Historias). ‘У него остались какие-то угрызения совести, и он отводит глаза: должно быть, ему стыдно за то, что он загубил свою жизнь. Ему есть чего стыдиться’; (б) пропроспективной (стыд обращен в будущее): русск: *стыдно сказать; стыдиться попросить*; порт.: *Então o polícia, para evitar vergonhas e mal-entendidos, vai à esquadra e desalista-se, entrega a farda.* (Zambujal:Historias). ‘И тогда полицейский, чтобы избежать стыда и недоразумений, идет в участок и увольняется, сдает форму’. *Tive vergonha de um escândalo, recuei e pedi desculpa.* (Rocha:Dusá). ‘Я побоялся (букв. ‘постыдился’) скандала, отступил и попросил прощения’. *Ia ter vergonha de mim mesma.* (Rodriguez:Destino). ‘Мне будет стыдно за саму себя’.

Заметим, что причина, обращенная в проспекцию, возможна не для всех ЭС. Например, в ситуации раскаяния, удивления или обиды она может быть отнесена только к прошлому или настоящему.

Валентность причины, как мы видели выше, в португальском языке вводится многозначным предлогом *de* или *por*. В русском, помимо многозначного родительного падежа (стыдиться *чего?*), она может заполняться существительным с предлогом *за*: *Рушилось то, что не только возбуждало ненависть и презрение, но и стыд, стыд за подлость и глупость старого режима, стыд за гниение его на глазах у всего мира* (Берберова: Курсив). *Ходасевич в шутку называл стыд за другого «гипертрофией чувства ответственности»* (Берберова: Курсив)

7. Обвинитель. В случае внешнего или социального стыда «обвинителем», то есть носителем морально-этических норм, являются другой человек или социум. «Стыд (чувство стыда) предполагает взгляд извне. Он возникает в условиях наружного наблюдателя — реального или воображаемого» [Арутюнова 2000: 58]. *Quero fazê-lo por cartas e não por boca. Talvez corasse de ti* (Assis). ‘Мне хотелось бы сделать это не в устной, а письменной форме. Должно быть, мне стыдно перед тобой’. *Ela também quisera agora fugir; mas bem sabia como era*

impossível. Teria vergonha de seu irmão e dos que a conheciam (Queirós:Muralha). ‘Ей тоже хотелось убежать, но она знала, что это невозможно. Ей станет стыдно перед братом и перед всеми теми, кто ее знал’.

«Обвинитель»-социум не только осуждает обвиняемого, но может манифестирувать свое осуждение, освистывая его, топая ногами, показывая на него пальцем: *Quando pus o pé na rua, as orelhas ardiam, as faces queimavam-me e parecia que os transeuntes apontavam-me como um irremissível pecador* (Barreto:Caminha). ‘Когда я вышел на улицу, уши у меня горели, щеки пылали, и мне казалось, что прохожие показывают на меня пальцем’.

Е. Р. Иоанесян пишет: «И стыдно, и совестно имеют валентность «аудитория»» [Иоанесян 2016: 204]. В терминологии Н. Д. Арутюновой, это «Другой» или «Другие» [Арутюнова 2000], в концепции А. Д. Шмелева — это «зритель» [Шмелев 2002]. Для выделения особой роли этого актанта в русском языке появляется предлог *перед*, который делает особенно наглядной сцену суда, где обвиняемый как бы располагается перед обвинителем. В португальском языке для обозначения «обвинителя», наряду с многозначным предлогом *de*, также употребляется предлог *dante de: Senhor, eu pagarei esse dinheiro logo que puder. Poupe-me tamanha vergonha dante deste cavalheiro que estimo e respeito!* (Azevedo:Capital). ‘Сеньор, я заплачу, как только смогу! Избавьте меня от подобного унижения (букв. ‘стыда’) перед этим человеком, которого я ценю и уважаю!’ *Nem eu nem Itajiba praticamos ação de que possamos nos envergonhar dante de ti* (Guimarães:Ermitão). ‘Ни я, ни Итажиба не совершили действия, из-за которых могли бы стыдиться *перед* тобой’.

Если в одном высказывании с оборотами *ter / estar com / sentir vergonha* сталкиваются два актанта — причина и обвинитель, то обвинитель вводится предлогом *de*, а причина — *por: Estou com vergonha de você pelo que fiz*. ‘Мне стыдно перед тобой за то, что я сделал’. *Estou com vergonha da minha amiga por não lhe escrever*. ‘Мне стыдно *перед* подругой *за* то, что я ей не пишу’.

Итак, «обвинитель», морально-этический субъект, в португальском языке обычно вводится предлогом *de*, реже — *dante de*, в русском — многозначным родительным падежом или же предлогом *перед*, что доказывает, что данный актант вписан в структуру предикатов стыда.

Таким образом, различные актанты рассматриваемой ситуации в русском и португальском языках выражаются при помощи следующих синтаксических средств:

в русском языке	в португальском языке
субъект: мне (стыдно), я (стыжуся)	eu estou envergonhado, tenho / sinto vergonha, envergonho-me
причина: род пад., за: <i>ему</i> <i>стыдно за свои поступки</i>	por, de: Ele sentia vergonha por não ter feito qualquer progresso. <i>Ele tem vergonha dos seus atos.</i>

обвинитель: род. пад., <i>перед</i> : <i>Он стыдится незнакомых людей. Ему стыдно <i>перед</i> учителями.</i>	<i>de, diante de:</i> <i>Tenho vergonha de ti. Tenho vergonha diante dos pais.</i>
--	---

Как можно видеть, структура ситуации стыда оказывается намного сложнее, чем ситуация других предикатов ЭС.

8. Градуированность. На шкале интенсивности ЭС стыда может сочетаться со сравнительно небольшим набором деинтенсификаторов: русск. *слегка пристыженный*, (мне) *немного стыдно*; порт. *meio envergonhado* (Cony: Piano), (букв.) наполовину пристыженный', *quase envergonhado* (Dantas: Abelhas), (букв.) 'почти пристыженный'. *Eu tinha certa vergonha de andar com Francisquinho pelas ruas do bairro* (Cony:Piano). 'Ему было немного стыдно ходить с Франсишкинью по улицам квартала'.

При этом *rouca vergonha, sem vergonha, falta de vergonha* обозначают 'бесстыдство', то есть эмоциональное поведение.

Из интенсификаторов с ЭС стыда употребляются либо самые распространенные *muito, tamanha*: *ela ficou com muita vergonha* (Cavalcante: Inimigos), 'ей стало очень стыдно', *tamanha vergonha* (Azevedo: Capital), 'такой стыд'; либо прилагательные, имеющие метафорический характер: русск. *жгучий, острый стыд*; порт. *um sentimento agudo de vergonha* (Rodriguez: Destino), 'острое чувство стыда'; или же высокая степень ЭС выражается синтаксически: *que vergonha! É uma vergonha!*, 'какой стыд!'

9. Ложный стыд. Ситуация ложного стыда еще более усложняет структуру ситуации: морально-этические нормы, по которым осуждает себя субъект стыда, не совпадают с ценностями социума или другого человека. Моральная рамка предиката стыда в этом случае включает в себя двух «обвинителей», чьи мнения расходятся. Ложный стыд — «стыд суетности, тщеславия» [Даль], когда человек стыдится по причинам, кажущимся другим несущественными: *стыдиться бедности, низкого происхождения, слабости*.

Рассмотрим пример из романа «Курсив мой» Нины Берберовой, где автор в зрелости (второй обвинитель) дает оценку своим ощущениям в детстве (первый обвинитель): *Мне было стыдно, что они целуют меня, мне было стыдно босых ног поповых дочерей, и своих собственных босых ног, и даже голых рук летом... С тех пор, как я себя помню, и лет до двенадцати-тринадцати я изнемогала от стыдливости. Стыдно было за сказанную глупость. Стыдно было за бальное платье матери, (...) стыдно было обкусанных ногтей и царапины на носу. Иногда бывало стыдно за чужую глупость, за ошибку чужого кумира... Но, конечно, больше всего было стыдно пальцев ног* (Берберова: Курсив). Порт.: *Esse cara tava morrendo de vergonha. Já viram alguém com vergonha de os pés?* (Folha). 'Этот тип умирал от стыда. Видели, чтобы кто-нибудь стыдился своих ступней?'

Таким образом, в модальной рамке предикатов стыда мы обнаружили большое количество участников: это субъект стыда (эмоциональный субъект, испытывающий эмоцию), причина стыда 1 (поступки, мысли, эмоции субъекта 1)

или причина стыда 2 (поведение субъекта 2), обвинитель 1 (субъект морали 1) и обвинитель 2 (субъект морали 2, Другой или Другие) и, наконец, аргументы, по которым субъект стыда признает себя виновным.

10. Манифицируемость. Слово «стыд» (позор, срам, чувство смущения) известно с древнерусской эпохи (с XI в.). Древнерусское *стыдъ* — заимствование из старославянского и восходит к общеславянскому **studъ* < **stydbъ*, образованному от индоевропейского корня **steu* > **stu* при помощи общеславянского суффикса **-dъ*. Первоначальное значение слова — «то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть», отсюда и однокоренные слова *студеный*, *стужа* [ЭСРЯ].

Статья Н. Д. Арутюновой «Стыд и стужа» объясняет противоречивую этимологию ЭС стыда в русском языке и сравнивает противоположные физиологические реакции на стужу и стыд, замечая, что стыд характеризуется как острая, жгучая отрицательная эмоция; в описании внешних признаков стыда появляется «огневая» лексика: субъект краснеет (до ушей, до корней волос, как рак) [Арутюнова 1997: 59—60], всыхивает, сгорает со стыда; заливается краской, у него горят щеки и уши; у него текут слезы; стыд вызывает определенные кинетические реакции: субъект прячет, отводит глаза, закрывает лицо руками, от стыда «некуда глаза девать», «никуда глаз нельзя показать» [Даль]; человек испытывает желание провалиться сквозь землю, убежать с глаз долой от «обвинителя». Из сравнения двух языков можно видеть, что эти признаки являются не конвенциональными, но универсальными.

Сравним: *Этой краской* *сказывался нестерпимый, мучительный стыд* (Достоевский. Униженные и оскорбленные); ...*com as faces ardentes de vergonha e de embaraço* (Penna: Menina), ‘... с пылающими от стыда и смущения щеками’; *A vergonha (mas de quê) queima-lhe a cara, rói-lhe a garganta* (Rodrigues: Escola). ‘От стыда (но чего стыдиться?) у него горит лицо, першит в горле’; *E quando saiu do seu delírio tapou o rosto com as mãos, toda escarlate* (Eça: Basílio). ‘Опомнившись, вся пунцовавая, она закрыла лицо руками’; *De vergonha o pai fugiu, escondeu-se em Portugal* (Abreu: Santa). ‘От стыда отец бежал, спрятался в Португалии’.

Однако португальские примеры свидетельствуют и о других манифестициях стыда. Так, у Эсы де Кейроша встречаем вызванную стыдом желтизну лица²: *Na mesa o sujeito ficara amarelo, talvez de raiva, talvez de vergonha* (Queirós: Galo). ‘За столом этот тип пожелтел, может, от ярости, а может, от стыда’. В сочетании с другими сильными эмоциями стыд может проявляться дрожью тела и рук, привычкой грызть ногти, полным параличом всего тела, дьявольской улыбкой: *O amor, a raiva, o ciúme, a vergonha, a sede de vingança, ora lhe traziam aos lábios um sorriso infernal* (Guimarães: Garimpeiro). ‘Любовь, ярость, стыд, жажда мщения вызывали дьявольскую улыбку на его устах’. *Este abaixou os olhos trêmulo e convulso de raiva e de vergonha* (Guimarães: Garimpeiro). ‘Он опустил глаза, дрожащий от ярости и стыда’. *André, ao ouvir esta acusação, abaixou o rosto, envergonhado como um criminoso, e pôs-se a roer as unhas.* (Dantas: Abelhas). ‘Андре, услышав это об-

² Ср замечание Н.Д. Арутюновой: «Стыд, осложненный чувством неуспеха, провала, отверженности, сопровождается ощущением холода, бледности, умаления» [Арутюнова 1997: 66].

винение и почувствовав себя преступником, опустил голову и принялся от стыда грызть ногти’.

11. Контроль. Контролировать ЭС стыда невозможно. Практически невозможно контролировать и внешние манифестиации стыда. С ними можно спрятаться по прошествии определенного времени, что демонстрируют глаголы *superar* и *sufocar*: *Muita gente supera rapidamente a sensação de vergonha e outras ficam absolutamente paralisadas por ela* (Enc.). ‘Многие быстро преодолевают чувство стыда, в то время как остальные оказываются совершенно парализованы им’. *E então ela sufocaria sua dor, sua raiva, sua vergonha, e talvez se sentasse junto dele* (Queirós: Muralha). ‘И тогда она задушит свою боль, ярость и стыд и, возможно, сядет рядом с ним’.

Однако можно манифестиовать стыд, на самом деле его не ощущая: *O próprio Eduardinho disparou a rir; esquecendo, por momentos, a pretendida vergonha* (Rocha: Dusá). ‘И сам Эдуардинью рассмеялся, на время забыв о своем предполагаемом стыде’.

Императив с аргументами «нужно или не нужно стыдиться чего-либо» является предостережением от определенных аморальных поступков: *Não me faça envergonhar de o ter por filho*. (Dinis: Família). ‘Не заставляй меня стыдиться того, что ты мой сын’.

При этом действия, мысли, эмоции, являющиеся причиной стыда, могут быть неконтролируемыми, случайными или невольными, что выражается наречиями *невольно, нечаянно*, оборотами *не подумав*, у него вырвалось и т.д. Тем не менее, неконтролируемость причины не меняет «приговора»,ср: *Envergonhada com a palavra que irreflectidamente pronunciara, retirou-se* (Fernandes). ‘Устыдившись **случайно вырвавшегося** у нее слова, она убежала’.

12. Метафора. Таким образом, в русском языке стыд метафорически изображается как жгучая, обжигающая субстанция: *жгучий стыд, сгореть со стыда, стыд не дым, глаз не ест*; или же как жидкость, заливающая, захлестывающая человека: *его захлестнула волна стыда, он залился краской стыда, стыдом умываемся* [Даль]; или же как тяжелое, пригибающее к земле вещество: *стыд пал на седую голову мою, стыдом покрылся* [Даль]. Так же, как и в русском, в португальском языке стыд обжигает и давит: *Ele experimentou um sentimento agudo, intolerável de remorso, de vergonha, por ter batido na velha*. (Rodriguez: Destino). ‘Он почувствовал жгучее, невыносимое чувство раскаяния и стыда из-за того, что ударил старуху’. *A vergonha queima-lhe a cara* (Rodrigues: Escola). ‘Стыд обжигает ему лицо’; *ardia de vergonha* (Portella: Hamurabi), ‘он сгорал со стыда’; *O remorso, o desgosto, a vergonha pesavam como anéis de chumbo em suas pálpebras* (Távora: Matuto). ‘Угрызения совести, отвращение и стыд, как свинцовые кольца, давили ей на веки’.

Языковые метафоры в португальском языке говорят о том, что стыд пеполняет, покрывает, ломает, уничтожает, снедает, ранит, ослепляет, распинает человека: *Era isso que a cobria de vergonha* (Rodriguez: Destino), (букв.) ‘Именно это покрывало ее стыдом’; *quebrado de tanta vergonha* (Zambujal: Historias), ‘сломленный подобным стыдом’; *aniquilada de dor e de vergonha* (Guimarães: Escrava),

(букв.) ‘уничтоженная болью и стыдом’; *tolhido de vergonha* (Taunay: Entardecer), ‘снедаемый стыдом’; *ferida de vergonha* (Rego: Fogo), (букв.) ‘раненная стыдом’; *crucificada de vergonha* (Rodriguez: Destino), (букв.) ‘распятая стыдом’. Стыд упоминается грязи, которую хочется смыть: *Como limpar a vergonha que lhe cairá na cara?* (Cabral: Margem). ‘Как смыть стыд, (букв.) упавший на его лицо?’

13. Глаголы эмоционального поведения. Переходная форма предикатов стыда: *ustydить*, *пристыдить*, *застыдить*, порт. *envergonhar* обозначают эмоциональное (как правило, вербальное) поведение (ЭП): *uma inflexão do vosso olhar, e triunfareis dos opressores, envergonhando-os* (Rui), ‘стоит только измениться выражению ваших глаз — и вы одержите победу над угнетателями, устыдив их’. Они требуют в русском языке одушевленного агента действия и такого же объекта: *Застыдили меня совсем. Пожури, да постыди его* [Даль]. Метонимически в позиции подлежащего могут выступать предикаты речи: *Его слова устыдили меня* [Даль]. Как архаизм воспринимается пример с неодушевленным подлежащим: *Одолжения вами устыдили меня* [Даль].

Однако конструкция, где в позиции подлежащего выступает неодушевленная причина стыда, частотна в португальском: *O procedimento do amigo envergonhava-o* [Aurélio]. ‘Мне стало стыдно за поведение друга’ (букв. ‘поведение друга устыдило меня’).

Неодушевленный объект при предикате ЭП часто встречается в португальском языке, но невозможен в русском. Русский язык реагирует на неодушевленный объект, заменяя в переводе «стыдить» на «опозорить», «покрыть позором»: *Da sua ciência jurídica, nada direi, para não envergonhar as paredes e os móveis deste quarto onde escrevo.* (Queirós: Conde). ‘Я ничего не скажу о его юридических знаниях, чтобы не покрывать позором (букв. ‘стыдить’) стены и мебель этой комнаты, в которой я пишу’.

14. Последствия. «История» ЭС стыда может найти свое продолжение: если ситуация стыда ретроспективна, а причина относится к внутреннему миру субъекта, то субъект чувствует раскаяние и угрызения совести, «внутреннюю краску стыда»: *Há homens desemparados, sem um amigo... mordidos pela própria consciência, finalmente a sós com a sua vergonha e o seu remorso* (Camilo:Misterios). ‘Есть обездоленные, одинокие люди... терзаемые совестью, оставшиеся один на один с чувством стыда и угрызениями совести’; <...> *de outras circunstâncias... que a faziam corar por dentro* (Eça:Basilio). ‘<...>...по другим причинам, которые заставляли ее внутренне краснеть’.

Отметим, что и в этих примерах субъект, хотя и находится в одиночестве, продолжает внутренний диалог со своей совестью, которая терзает (букв. «кусает») его, его мучают стыд и раскаяние, то есть его мир по-прежнему разделен на эмоциональную, морально-этическую и телесную сферу.

15. Заключение. Как можно видеть, различия в семантических оттенках находят свое выражение на синтаксическом уровне. Модальная рамка ситуации стыда оказывается достаточно сложной: в ней выделяется субъект стыда (эмоциональный субъект, экспириенсер), причина стыда 1 (поступки, мысли, эмоции субъекта 1) или причина стыда 2 (поведение субъекта 2), обвинитель 1 (субъект

Семантика слова «стыд» в португальском языке...

морали 1) и обвинитель 2 (субъект морали 2, «Другой» или социум), и, наконец, аргументы, по которым субъект признает себя виновным. Различные участники ситуации стыда (причина, обвинитель) могут вводиться разными предлогами как в русском, так и в португальском языке. Для описания противоречивого внутреннего мира человека оказывается необходимым выделять различные субъекты, отвечающие за разные сферы его деятельности, и анализировать их взаимодействие.

Список сокращений

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1998.

Ушаков — Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.

ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык от А до Я. М.: ЮНВЕС, 2003.

Aurélio — Dicionário Aurélio da Língua Portuguesa. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1987.

Corpus — Corpus do Português. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.corpusdoportugues.org>.

Fernandes — Fernandes, Francisco. Dicionário de sinônimos e antônimos da língua portuguesa. Rio de Janeiro: Globo, 2002.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже // Вопросы языкоznания, № 2, 1997. С. 59—70.

Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Наука, 2000. С. 54—78.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С.7—85.

Вольф Е. М. Главы из книги «Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний» // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. IN MEMORIAM Е.М. Вольф. М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкоznания, 1996. С.137—166.

Воркачев С. Г. Оценка и ценность в языке: Избранные работы по испанистике М.: Парадигма, 2006.

Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Изард, Кэррол Э. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980.

Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 7, 2015. С. 98—223 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf.

Иоанесян Е. Р. Семантика стыда // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 8, 2016. С. 196—251 //http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2016_08/5.pdf.

Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1970. Вып. 13. С.3—26.

Петрова Г. В. Семантическое поле слова «удивление» в португальском языке (в сопоставлении с русским) // Филологические науки в МГИМО, № 13 (1), 2018. С.57—67.

Петрова Г. В. Семантическое поле слова «страх» в русском и португальском языках // Древняя и новая Романия. Том 17, № 1 (17), 2016. С. 502—520.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.

**Интеграция рационального, эмоционального и
эстетического в современной научной коммуникации¹**
**Integrating the rational, the emotional, and the esthetic in
contemporary academic communication**

Аннотация

Объектом изучения в данной статье выступают два важнейших типа явлений в научной коммуникации, тесно между собой связанных. Это так называемые «авторские (научные) термины» и названия научных текстов на русском и на английском языке. Их особая значимость в научной коммуникации заключается, в первую очередь, в том, что авторские термины представляют собой личный яркий вклад ученого в развитие научной дисциплины, которой он занимается. Названия научных текстов (статей, докладов, книг, диссертаций и т.п.), в свою очередь, несут все более возрастающую содержательную и прагматическую нагрузку в современной научной коммуникации. Объединяющим их свойством выступает их способность нести дополнительный эмоциональный, экспрессивный и даже эстетически маркированный смысл. Это значительно повышает значение и «импрессивный» характер таких важных явлений, как авторские термины и названия научных статей в современной научной коммуникации.

The paper studies two most prominent and tightly interconnected phenomena in academic communication: «personally marked» terminology and paper titles in Russian and English scholarly discourse. Their particular burden in contemporary academic communication can be explained by the fact that «personally marked» terminology introduces author's personal explicit contribution into the development of the corresponding discipline, while paper titles, their form and organization, are becoming more and more pragmatically, communicatively and expressively marked. That is why they both can express some important supplementary emotional and esthetically oriented meaning and thus become especially important and «impressive» in academic discourse nowadays.

Ключевые слова

Научная коммуникация, авторский термин, название научного текста, коммуникативные инновации

Scholarly communication, «personally marked» terminology, academic paper titles, communicative innovations

Современная научная коммуникация интенсивно изменяется под воздействием целого комплекса внешних и внутренних факторов и в настоящее время

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкоznания РАН.

характеризуется рядом инновационных черт. Так, современная научная коммуникация подвергается воздействию таких факторов, как глобализация коммуникации вообще («медиа-глобализация») и глобализация и интеграция научной коммуникации – в частности, растущий цифровой характер коммуникации вообще и научной коммуникации – в частности, ориентация научной коммуникации на интернет-пространство, тенденция всех видов и форм коммуникации к демократизации и интерактивности, а также непосредственное воздействие на них со стороны общемирового тренда к гипермодализации общения (подробнее см. [Рябцева 2015; 2017б; Riabtseva 2016; 2017]).

В результате одной из наиболее ярких черт современной научной коммуникации выступает ее сближение по целому ряду параметров с обычными типами и видами коммуникации, вызванное, в первую очередь, «гипермодальным» развитием интернет-пространства. Благодаря этой тенденции происходит не только активное использование разнообразных эмоциональных и экспрессивных средств в научной коммуникации, но и осознание важности ее ориентации на определенные эстетические ценности.

Объектом изучения в данной статье выступают при этом два важнейших типа явлений в научной коммуникации, тесно между собой связанных. Это так называемые «авторские (научные) термины (и понятия)», а также названия научных текстов на русском и на английском языке. Их особая значимость в научной коммуникации заключается, в первую очередь в том, что авторские термины представляют собой личный яркий вклад ученого в развитие научной дисциплины, которой он занимается. Названия научных текстов (статей, докладов, книг, диссертаций и т.п.), в свою очередь, несут все более возрастающую содержательную и прагматическую нагрузку в современной научной коммуникации.

Так, название научной статьи, книги или доклада в свернутом виде отражает чаще всего не только их тему и содержание, но и научный стиль мышления носителя языка, а также научный стиль речи, сложившийся в данном языке [Riabtseva 2018]. По этой причине (а также по ряду других) название научного произведения, как и названия произведений других стилей и жанров, давно и постоянно привлекают внимание лингвистов разных специальностей и направлений (см., например, [Куликова, Салмина 2015; Табанакова 2016, Котюрова, Соловьева 2017] и мн. др.).

В настоящее время можно говорить о растущей значимости названий текстов всех без исключения типов, особенно в связи с постоянно возрастающим потоком информации, «интернетизацией» коммуникации, ее «прагматизацией», «гипермодализацией», ее растущей оперативностью, технологичностью, выразительностью и т.д. И именно поэтому названия становятся все более «компрессированными», сжатыми и «экспрессивно-маркованными». Более того, они становятся «конкурирующими» друг с другом объектами, вовлеченными в информационные и потому в большей или меньшей степени коммерческие проекты (ср. [Демьянков 2015: 16]).

При этом названия научных текстов на русском языке все более ориентируются на новые тенденции в научной коммуникации на английском языке, кото-

рая становится ведущим и потому глобально значимым форматом представления новых научных знаний в мире. Это «представление» (знаний), в свою очередь, показывает яркую «интернет-зависимость» и «интернет-ориентированность».

Интернет-коммуникация и названия научных текстов

Особенности интернет-коммуникации находят непосредственное отражение, в первую очередь, в заголовках интернет-сообщений средств массовой информации. Заголовок в них становится их важнейшим содержательным и структурным компонентом, вбирает в себя не только главное в содержании соответствующей публикации, но и все инновационные тенденции интернет-коммуникации, включая элементы разговорной речи, т.е. маркеры непринужденности общения и мн. др. Домinantными стилеобразующими характеристиками интернет-коммуникации при этом становятся экспрессивность, образность, эксплицитная и имплицитная аксиологичность, интертекстуальность, стилистическая маркированность, выразительность и др. (подробнее см. [Riabtseva 2016]).

«Усилителями» выразительности заголовков выступают разнообразные стилистические средства: тропы, цитаты и прецедентные выражения, бессоюзные конструкции с двоеточием (ср. стилистический прием «именительный темы») и с точкой, высказывания в виде вопроса и т.п. Так, бессоюзные конструкции с двоеточием или парцелляцией (с точкой) в заголовках интернет-сообщений усиливают их компрессию, информационную насыщенность, экспрессивность и выразительность. Примеры новостных интернет-заголовков (май 2018): «Кто может войти в новое правительство?»; «Новый недорогой кроссовер Volkswagen: тиражи будут огромными»; «Ангелы и кресты. В Нью-Йорке прошел Бал Института костюма»; «Осторожно: это сообщение «сломает» WhatsApp!» Закон средств массовой информации при этом состоит в том, что чем привлекательнее заголовок, тем больше шансов, что соответствующая статья обратит на себя внимание и будет прочитана, ср. игру слов в заголовке газеты «Коммерсантъ» от 16.05.2018: «Госдума все принимает близко к сердцу» (ср. [Дронов, Полян 2015]).

Соответствующие явления и лингвистические средства становятся характерными и для названий научных текстов. Такие заголовки получили название «аттрактивных».

«Аттрактивные заголовки» в современной научной коммуникации

Аттрактивные заголовки (ср. attention attracting titles) были изначально свойственны, как уже отмечалось, средствам массовой информации, в которых они все более широко используются не только для привлечения внимания, но и для активного воздействия на аудиторию. При этом лингвисты давно научились «вычитывать» скрытые, свернутые и «закодированные» в них смыслы: подтекст, пресуппозиции, инференции, «эмоциональные посылы», экспрессию, эстетические детерминанты и т.п. (см., например, [McCarthy, Carter 1994: 155—158; Terence 2012]).

Использование аттрактивных заголовков в средствах массовой информации значительно «интенсифицировалось» в связи и в процессе развития интерне-

та. При этом наиболее ярким и эффективным способом вербализации заголовков в средствах массовой информации как «бумажных», так и «цифровых», выступает языковая игра. По целому ряду (перечисленных выше) причин аттрактивные заголовки стали все более активно использоваться и в названиях научных текстов. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в научной речи на английском языке, которая, как известно, отличается от научной речи на русском языке по целому ряду параметров.

Отличительные особенности научной речи на английском языке

Аттрактивные заголовки имеют целый ряд преимуществ перед обычными и потому все более активно распространяются в современной научной коммуникации. Одной из ведущих причин этого выступает то, что современная научная коммуникация, все более ориентируясь на принципы научной коммуникации на английском языке, осознает важность господствующих в ней положительных коммуникативных принципов: ориентация на читателя, доступность изложения, избегание усложненных, громоздких и пространных способов изложения, непринужденность обращения к адресату, «персонифицированность» развития мысли, использование эмоционально маркированных элементов и, наконец, стремление к необычной и потому эстетически значимой форме выражения.

Так, в следующей цитате выделенные компоненты показывают, что для научной речи на английском языке характерна «ориентация на читателя» и потому прозрачность, упорядоченность и эксплицитность изложения: «*Contrastive rhetoric analyses of scientific discourse have drawn attention to the existence of differences in the level of explicitness between languages. English is usually said to lie at the higher end of the scale of explicitness of text organisation, clarity, and coherence: English readers indeed expect and require landmarks of coherence and unity as they read, and writers need to provide these transitional statements. Texts written in English thus reflect a more reader-oriented attitude: explicit statements are regarded as polite to readers and implicitness as impolite. When compared with the scientific rhetoric of Anglo-American writers, writers in other languages are much less inclined to regard explicitness as their responsibility*» [Curry, Chambers 2017: 330], cp. [Salager-Meyer 2011: 71; Pic, Furmaniak 2014].

В результате научный текст на английском языке синтаксически разворачивается преимущественно линейно, состоит из довольно коротких слов, выражений и предложений, эксплицитно соединенных ключевыми словами и логическими коннекторами, и потому достаточно легок для восприятия и понимания, и т.п., cp. [McCarthy, O'Dell 2012; Swales, Feak 2010; Wallwork 2011] и мн. др. Особенно важно учитывать это обстоятельство при переводе на английский язык научных текстов (и их названий), написанных на русском языке, которые традиционно строятся на совсем других коммуникативных принципах.

Инновации в научной коммуникации на русском языке

Для научной речи на русском языке традиционно характерно максимально развернутое изложение с использованием большого количества абстрактной и отлагольной лексики, синтаксически сложных конструкций и оборотов, доста-

точно длинных предложений с «пересекающимися» синтаксическими связями, а также достаточно «отстраненный» и «бессстрастный» способ изложения и мн. др. При этом понимание текста затрудняется, особенно в результате использования формальных средств связности: местоименных и др. грамматических показателей, создающих в научном тексте на русском языке несколько уровней связности, в том числе и «нелинейных» (см. [Котюрова 2016; 2017]).

Указанные черты научного стиля на русском языке находят свое непосредственное отражение в организации и структуре названий научных произведений на русском языке. Последние, таким образом, приобрели форму единой развернутой именной группы с большим количеством препозитивных и постпозитивных компонентов, преимущественно в виде отглагольных или абстрактных существительных и преимущественно в родительном падеже. В результате до сих пор среди названий научных текстов на русском языке можно встретить конструкции типа «Технология коучинг как метод повышения эффективности процесса обучения иностранному языку студентов ВУЗов». Ср. выделенные п/ж генитивные формы в следующих, еще типичных для научной речи на русском языке названиях научных докладов (НД) и статей: **«Разработка технологии формирования моделей реализации коммуникативных действий в разных культурах и системах»**; **«Некоторые стилистические приемы передачи юридического дискурса в текстах Ж. Сименона»** (НД, 2017); **«Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Попытка апостольские как источники перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого»**; **«Место перевода «Атласа Блау» в формировании лингвокультурологической ситуации кануна петровских реформ»** (Вестник Моск. ун-та. Филология).

Сами по себе такие названия могут и не вызывать вопросов и «стилистических» нареканий. Однако в принципиально изменившейся коммуникативной ситуации в современной науке, в первую очередь, в нашей стране, такие названия порождают множество проблем. Главная из них заключается в том, что в настоящее время почти все отечественные издания (журналы, сборники научных статей, материалы научных конференций и т.п.) требуют от авторов перевести название своей научной статьи или доклада, а также аннотации к ним, на английский язык. В подавляющем большинстве случаев такие переводы выполняются пословно. В результате появляются конструкции, совершенно неприемлемые с точки зрения стилистики английского языка вообще и научного стиля изложения на английском языке — в особенности. Ср. переведенное на английский язык (почти) пословно (довольно громоздкое) название научной статьи на русском языке: «Цветовой эксперимент как метод выявления особенностей восприятия гетерогенных составляющих полимодального текста рекламного ролика» — «Color Experiment as a Method to Detect Peculiarities of Heterogeneous Components Perception in Polymodal Text of Advertising Video» (Вопросы психолингвистики).

В противоположность приведенному названию и его переводу можно привести типичные для названий научных текстов на английском языке модели: «C. Day. Developing Teachers: the Challenges of Lifelong Learning» (Psychology

Press, 1999); «P. Howarth. Phraseology and Second Language Proficiency» (Applied Linguistics. 1998. N. 19 (1), p. 24—44) (подробнее см. [Рябцева 2018б]).

Так что в настоящее время наблюдается отказ от традиционно присущих научной речи на русском языке названий в виде развернутых единых конструкций с «нанизыванием» имен существительных в родительном падеже. Ср., тем не менее, более «официальный» характер перевода названия с английского языка на русский в журнале «Вопросы ономастики» (2017), с исходным названием на английском языке: «Несколько аргументов за и против переименования географических объектов: кросс-культурный очерк» vs. «Some **Good** Reasons for Renaming Places, and Some **not so** Good Ones: A Cross-Cultural Sketch». Здесь выделенные п/ж шрифтом оценочные фрагменты придают названию научной статьи на английском языке менее формальный и более непринужденный, «доверительный», «интерактивный» характер.

Среди целого ряда инноваций, которыми характеризуется современная научная коммуникация на русском языке, следует особо выделить следующее явление. Одним из самых ярких принципов построения названия научной статьи или доклада стало в настоящее время вопросительное предложение, которое ранее хотя спорадически и использовалось в научной коммуникации (как в русском, так и в других языках), но более всего было присуще информационным сообщениям, научно-популярным статьям и книгам, а также учебной литературе. Ср. подзаголовки в предисловии к учебному пособию «English for Writing Research Papers» (Wallwork 2011):

Who is this book for?

I have never written a paper before. Will this book help me?

I have written many papers before. Will I still learn something from this book?

What are the three most important things I will learn from this book?

И хотя использование вопросительных предложений не только в изложении содержания, в его организации и «проспективизации», но и в названии всегда было прерогативой научно-популярной литературы, в настоящее время такого рода названия становятся важным стилистическим приемом и в научной литературе [Ball 2009; Curry, Chambers 2017].

При этом становится очевидным, что прагматическая функция вопросительных предложений в научном тексте (и его названии) заключается «в организации дискурса и упорядочении изложения, а также в установлении прямого контакта с адресатом и его вовлечение в процесс рассуждения» (ср. «The pragmatic functions of questions in linguistics research articles in English and French... show their roles as engagement markers... of overtly interacting with the reader... as well as ‘framing the discourse’ and ‘organising the text’» [Curry, Chambers 2017: 328, 332]). Тем более что важнейшей когнитивной и психологически маркированной функцией вопроса является «осознание незнания» [Рябцева 2018а], что само по себе в научной коммуникации выражает некоторый дополнительный экспрессивный смысл. Ср. примеры названий научных статей на английском и русском языке в вопросительной форме:

Li J., Jurafsky D. Do multi-sense embeddings improve natural language understanding? // Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Association for Computational Linguistics, 2015, p. 1722—1732.

Mari Haneda. Why should we care about academic language? // Linguistics and Education. Volume 26. June 2014, p. 126—135.

Князев С. В. Один согласный или два? // Вестник МГУ. Филология. 2000. № 1, с. 131—139.

Тем не менее наиболее типичными моделями названий научных текстов на английском языке выступают «двусоставные» структуры.

**Типичные модели названий научных текстов на
английском языке и их влияние на организацию названий
научных текстов на русском языке**

В современной научной речи на английском языке, как уже указывалось в предыдущих публикациях (см., например, [Рябцева 2018б; Riabtseva 2018]), наиболее типичными и распространенными моделями названий выступают двусоставные структуры, содержащие двоеточие (1), точку (2), неличные формы глагола (3), сочинительные и предложные конструкции (4) и сочетающие перечисленные выше средства (5):

(1) J. Aitchison. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. Wiley, 2012.

(2) J. Cummins. Beyond language. Academic communication and student success // Linguistics and Education, Volume 26. June 2014. P. 145—154.

(3) M. McCarthy. Accessing and interpreting corpus information in the teacher education context // Language Teaching, 41. Cambridge University Press, 2008. P. 563—574.

(4) A. M. Rush, S. Chopra, and J. Weston. A neural attention model for abstractive sentence summarization // Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Association for Computational Linguistics, Lisbon, Portugal, September, 2015. P. 379—389.

(5) Kroeger P. R. Analyzing Meaning. An Introduction to Semantics and Pragmatics (Textbooks in Language Sciences 5). Berlin, Language Science Press, 2018.

Аналогичные конструкции стали активно использоваться и в русском языке, что заметно облегчает их восприятие и понимание. Так, в последнем, 34-м выпуске журнала «Русский язык в научном освещении» из помещенных в нем двенадцати статей четыре содержат в своем составе двоеточие:

М. Л. Каленчук, и др. «Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных»; Г. М. Зельдович. «Русская возвратная дативная конструкция: невыразимый субъект, дефокусирование составляющих ситуации и проблема композициональности»; Г. Саяма. «Влияние объема корпуса на определение наиболее часто употребляемых слов: анализ частотных данных из пяти корпусов»; Е. В. Урысон. «Словарь vs. текст: актантная структура союза хотя».

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время в русском языке стали активно использоваться «международно признанные» формы и способы

организации названий научных статей (а также еще целый ряд других инновационных средств оформления научных текстов, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи).

Так, в ряде исследований подчеркивается, что названия научных произведений, в том числе и на русском языке, эволюционируют и приобретают новые и даже не свойственные им ранее черты [Табанакова, 2016: 85—87]. Особым явлением в научной коммуникации, по перечисленным в начале статьи причинам, стало широкое распространение «аттрактивных» заголовков в первую очередь в английском, а затем и в русском языке.

Отличительные особенности аттрактивных заголовков в научной коммуникации

В названиях научных статей как на английском языке, так и на русском все чаще стали использоваться такие креативные стилистические приемы, как игра слов, употребление иронического или шутливого выражения или (неожиданной) цитаты, прецедентного «текста», метафорическое и т.п. переосмысление понятий, а также использование более тонких стилистических и своего рода эстетических приемов, придающих заголовку, в том числе и научному, особую «аттрактивность» [Филоненко 2008].

Так, одна из представительных конференций по прикладной лингвистике, которая проходила в США в 2015 г., называлась «коротко, ясно и остроумно»: «Applied Linguistics Applied». Ср. также «нетипичные» для научного стиля экспрессивно маркированные названия книг, статей и научных докладов (НД): Brookes I. **Painting the Forth Bridge: Coping with Obsolescence in a Monolingual English Dictionary** (2004); Crystal D. **Txtng: The Gr8 Db8.** (2008); Cameron C. L. **The Discourse Dynamics Approach to Verbal Metaphor: Model and Method;** Haque M. Ch. **Discourse Patterns in Educational Ads: (Un)social Practices;** Гусева О. А. **Коммуникативно значимый ... смех;** Кремнева А. В. **Всякий ли текст мечтает стать прецедентным?;** Перельгут Н. М., Яковишак О. Я. **Эволюция и революция в научном дискурсе?;** Федорова Е. В. **«Метафизический пластилин»,** или концептуальная интеграция как способность создавать новые смыслы в критическом дискурсе (НД 2014).

Аттрактивные заголовки в научной коммуникации отличаются целым рядом свойств и выполняют комплекс взаимосвязанных функций.

1. Аттрактивные заголовки, особенно содержащие игру слов, реминисценции, прецедентные фразы и выражения, в том числе подвергшиеся значимой **модификации**, сокращают дистанцию между автором и адресатом, придают коммуникации непринужденность, содержат и производят «де-автоматизацию» коммуникации, показывают необычность воплощения коммуникативного намерения автора и тем самым делают название научной публикации более привлекательным для читателя. Примеры:

Beun R. J. Context and form: Declarative or interrogative, **that is the question** // H. Bunt & W. Black (Eds.). **Abduction, belief and context in dialogue: Studies in computational pragmatics.** Amsterdam: John Benjamins. 2000, p. 311—326.

Spurrett D., Cowley S. J. How to do things **without** words // Language Sciences. 1994, vol. 5 (26), p. 443—466 (Cf. How to do things **with** words (J. L. Austin, 1962).

Poulin-Dubois D., Sodian B., Metz U., Tilden J., Schoeppner B. Out of Sight is Not Out of Mind: Developmental Changes in Infants' Understanding of Visual Perception During the Second Year // Journal of Cognition and Development. 2007. 8 (4), p. 401—425. doi:[10.1080/15248370701612951](https://doi.org/10.1080/15248370701612951).

2. Аттрактивные заголовки, содержащие цитацию (или «экземплификацию») материала исследования, предвосхищают обсуждаемый в научном тексте материал и тем самым интригуют читателя. Примеры:

Salager-Meyer F., Ariza M. A., & Zambrano N. **The scimitar, the dagger and the glove:** Intercultural differences in the rhetoric of criticism in Spanish, French and English medical discourse (1930—1995) // English for Specific Purposes. 2003, 22(3), p. 223—247.

3. Аттрактивные заголовки, начинающиеся с прецедентных текстов, стали характерными для отечественных публикаций не только на английском языке, но и на русском, причем даже в самых серьезных отечественных изданиях. Их важнейшее предназначение — придать названию научной публикации «художественное звучание» и «художественную направленность»; ср.:

Panchenko A. **Best of both worlds:** Making word sense embeddings interpretable // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016), 2016.

Криницын А.Б. «**В начале жизни школу помню я...**»: проблемы интерпретации одного стихотворения у А.С. Пушкина // Вестник МГУ. Филология. № 2, 1999, с. 19—29.

Бойко С. С., Зайцев В. А. «**Пока в России Пушкин длиться...**»: Булат Окуджава и поэты современники // Вестник МГУ. Филология. 1999. № 6, с. 7—18.

Такие нетривиальные заголовки привлекают внимание не только своей особой, «нестандартной» формой, но и экспрессивностью, а также эстетической значимостью, характерной для содержащихся в них поэтических и фразеологических «вкраплений» и фрагментов.

Таким образом, в изучении научного языка, стиля и мышления, а также научного познания и его осмыслиения важную роль играет выявление интеграции рационального, эмоционального и эстетического в интерпретации получаемых новых научных знаний, особенно в виде нетривиальных названий научных текстов, а также в форме особо экспрессивных понятий и терминов.

Сочетание рационального, эмоционального и эстетического в научной терминологии

Сочетание рационального и эмоционального в научной терминологии прослеживается как в традиционно приводимых в целях его демонстрации примерах из физики, астрономии и др. точных наук, ср. «звезда-карлик», «заторможенная частица», так и во множестве новых научных понятий и терминов, особенно в науке сегодняшнего дня, чувствующей свою связь не только с созданием или обнаружением нового, но и с творчеством, культурой, эмоциональной сферой и эстетикой. Равно как и **творчество** стало осмыслять себя как особый эстетиче-

ский язык: «Современное искусство стало базировать свои принципы на языковых играх и лингвистических постулатах» [Фещенко 2016: 62; Рябцева 2018б].

Например, целый ряд современных лингвистических терминов носит явно выраженный экспрессивный характер, содержит в своем значении неявно присутствующие эмоционально значимые и эмоционально-образные компоненты, а также аксиологически маркированные элементы (ср. [Котюрова, Соловьева 2017: 33]). Особенно ярко интеграция рационального, эмоционального и эстетического, их синкетичное выражение, воплощается в **авторских** номинациях, понятиях и терминах [Табанакова 2016: 89], которые часто используются и в названиях научных статей. Примеры:

«Портрет лексемы *вообще*» (Вестник МГУ. Филология); **«Круговорот литературы в истории, или Были ли просветители модернистами»** (Вестник МГУ. Филология); **«Немецкие «языковые острова» в Алтайском крае»**; **«Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего»**; **«Ироническая грамматика: средний род в игровой неологии»** (Вопросы языкоznания).

Так, новые авторские термины и понятия «терминологический диссонанс» (конфликт формы и концептуального содержания термина), **«должноориентирующие термины-фантомы»** (имеющие размытое концептуальное содержание), **«ономастический миф»**, **«мифоэпоним»**, **«метод кросспрофессионального анкетирования»**, **«терминологические ловушки»** и др. были не только введены в соответствующих научных публикациях, но и использованы в их названиях: **«Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования»** [Васильева, Тритенко 2017]; **«Терминологические ловушки и терминообразование»** [Васильева 2015а] и др.

Важно, что такие яркие, прозрачные, системопорождающие понятия, как **антропонимический микротекст**, **антропонимическая самоидентификация**, **прагматический мониторинг формулы имени (собственного)**, **ономастическая рефлексия**, **имя (собственное) как конструктор идентичности**, **проприальная сфера языка и культуры**, **ономастические имплекатуры**, **ономастическая амфибolia**, **ономастическое зеркало** (и др.) позволяют представить полученные научные результаты в свернутом, лингвистически корректном и креативном виде. Включенные в названия научных публикаций, они придают им индивидуальность, творческое звучание, экспрессивность и эстетическую значимость. Ср. **«Антропонимическая самоидентификация в двух лингвокультурах»**; **«Прагматический потенциал русской формулы имени»**; **«Ономастические имплекатуры текста»**; **«Ономастическая амфибolia как прием»**; **«Персонажи-двойники в ономастическом зеркале»** [Васильева 2014а; 2014б; 2015б; 2017а; 2017б].

К авторским «терминам-экспрессивам» относятся также выделенные п/ж шрифтом элементы в следующих названиях научных статей на русском языке: Иткин И. Б. Об одном **невероятном инфинитиве** и о склонении некоторых русских существительных (Русский язык в научном освещении, № 34, 2017); Рязанова В. А. **Мутантные** аббревиатурно-композитные **группы** в словообразовательной системе языка (Вестник МГУ. Филология); Верина У. Ю. **Венок сонетологов и сонетистов**: Альманах 7-го симпозиума Международного научно-творческого

семинара «Школа сонета» (там же). Ср. также использование авторского термина *Zero Tolerance Approach* в названии книги, содержащем еще и аллюзию: Truss Lynn. **Eats, Shoots and Leaves. The Zero Tolerance Approach to Punctuation** (Profile Books, 2005).

В целом можно сказать, что в мировой, особенно «англоязычной» науке, при организации названия научной публикации широко используются средства, методы и приемы привлечения внимания адресата, характерные еще не так давно только для журналистики и средств массовой информации. Их основным приемом всегда было «обертывание» происходящего и сообщаемого в яркие, поражающие воображение и экспрессивно насыщенные «обертки». В настоящее время все более часто встречаются и названия научных произведений (докладов, статей, книг, рецензий и т.п.), активно использующих такие действенные средства создания эффектного и одновременно эффективного названия, как цитация, аллюзия, аллитерация, эвфония, фразеология и идиоматика, игра слов или обыгрывание известных фраз, выражений и названий, а также организация «ритма» и даже рифмы в названии, дупликация звуковой формы, анафора и т.п., т.е. в целом — привлечение самых разнообразных не только стилистических, но и риторических приемов.

Кроме того, широко употребляются при этом такие стилистически маркированные средства, как метафора, метонимия, противопоставление / антитеза, повтор, хиазм, (обратный) параллелизм, гипербола, каламбур, создающие, в том числе, юмористический эффект, порождающие иронию, «provocation» и т.д. [Филоненко 2008: 292]. Благодаря этому общение между автором и адресатом приобретает непринужденность, открытость и легкость. Само название становится остроумным и изящным, характеризуется «искусностью выражения» коммуникативного смысла, придающей названию диалогическую направленность. Название при этом не только воплощает эстетически ценные лингвистические свойства и «достоинства» проведенного исследования, но и соответствует тенденциям в мировой науке нового времени. Примеры:

“Why Dictionaries are no Better Than They are — and no Worse” (Robert Ilson // Proceedings of the XVII EURALEX International Congress: Lexicography and Linguistic Diversity. 6 — 10 September, 2016. Tbilisi. Edited by Tinatin Margalitadze, George Meladze. P. 49—60); “In Praise of Lexicography, and Lexicographers” (Geoffrey Williams // Ibid. P. 77—91); «Коннектом и когнитом: заполнение разрыва между мозгом и разумом» (К. В. Анохин. НИЦ «Курчатовский институт», МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт нормальной физиологии им. П. К. Анохина (Москва) // Материалы конференции по когнитивной психологии. Светлогорск, 2016, с. 18—19); «Многозадачность (гонка за двумя и тремя зайцами)» (Е. З. Мейлихов, Р. М. Фарзетдинова. НИЦ «Курчатовский институт» (Москва) // Там же, с. 421—423).

Следует добавить, что в современных исследованиях, в том числе когнитивных, подчеркивается возрастающая роль эстетического компонента во всех типах и видах коммуникации, включая научную, в частности, в связи с возрастающими возможностями цифровых технологий в представлении раз-

нообразной информации, особенно в виде ярких, наглядных и выразительных изображений, таблиц, графиков, диаграмм, шрифтов и семиотических средств (подробнее см. [Рябцева 2016б; 2017б]). Кроме того, связь научного творчества со смежными креативными областями деятельности человека, а именно, с культурой и искусством, делает использование эстетически значимых приемов в оформлении получаемых научных знаний в виде новых понятий, терминов и названий научных произведений вполне естественной и одновременно инновационной, новаторской, «повышающей градус» осмысления научной деятельности и ее значимости.

Таким образом, экспрессивно и эстетически маркированные компоненты научной речи, особенно вводимые автором новые научные понятия и термины, а также включающие их названия научных текстов придают современной научной речи, в том числе и на русском языке, персонифицированный характер, маркируют ее эмоциональные и эстетически значимые компоненты и в целом делают современную научную коммуникацию менее формальной, более непринужденной, «дружественной» для адресата и даже в некотором роде развивают ее «стилистически значимые инновации».

Одной из самых последних и, как представляется, довольно неожиданных инноваций в организации названий научных публикаций стало появление новой модели, которая, тем не менее, начинает органично вписываться в научную коммуникацию в глобальном масштабе.

Инновационная модель названия научной публикации

Принципиально новая модель названия научного текста появилась, как и следовало ожидать, в англоязычной научной литературе. Она представляет собой цельное, законченное, содержательно предельно значимое и информационно насыщенное сообщение. Последнее чаще всего выражает основной результат или вывод проведенного научного исследования, его главный принцип, установку и т.д. Примеры:

Scalar Structure Underlies Telicity in «Degree Echievelements» (Hay J., Kennedy C., Levin B. // SALT IX. CLC Publications, Ithaca, 1999. P. 127—144);

Not all ambiguous words are created equal: An EEG investigation of homonymy and polysemy (Klepousniotou E., Pike G. B., Steinhauer K., & Gracco V. // Brain and Language. 2012, 123 (1). P. 11—21);

‘I don’t believe in word senses’ (Kilgarriff A. // Computers and the Humanities, 1997).

Такого рода названия стали появляться и в научной коммуникации на русском языке, например: «Связывание слуховых признаков проявляется на предварительной стадии сенсорной обработки» (Д. В. Брызгалов, Б. В. Чернышев, И. Е. Лазарев, А. С. Антоненко. Высшая школа экономики, МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт медикобиологических проблем РАН (Москва) // Материалы конференции по когнитивной психологии. Светлогорск, 2016. С. 172—173).

Экспрессивность подобных названий заключается в том, что они в явном виде не содержат эмоционально маркированных элементов. Напротив, они как бы намеренно «очищают» от всех впечатлений декларируемый тезис или полу-

чаемый результат. Сам факт оформления названия научного текста подобным образом привлекает к нему внимание, показывает сущность проведенного исследования или подчеркивает главное в нем в совершенно непривычной для научной коммуникации форме.

Такой тип заголовка, что самое показательное, почти полностью соответствует заголовкам сообщений, которые все более активно вытесняют заголовки всех других типов в интернет-средствах массовой информации. Примеры названия интернет-сообщений (май 2018 г.): «*Apple с середины апреля блокирует обновление Telegram по всему миру*»; «*Яндекс выпустил «колонку» для дома, с которой можно разговаривать*»; «*Сегодня выйдет более доступная версия смартфона Xiaomi Mi 6X*».

Подобную модель заголовка можно условно назвать (по предложению Н. В. Васильевой) «презентатив текущего момента». Такие названия, ставшие нормой в интернет-СМИ, представляют собой законченные, синтаксически целостные и завершенные высказывания, чаще в виде простого предложения повествовательного типа с прямым порядком слов. Подобные «сообщения» — (не всегда) короткие, но выразительные, информационно насыщенные, — представляют собой предельно сжатый, редуцированный и свернутый текст, независимый и самостоятельно ценный, задающий смысловую целостность и композиционную завершенность вводимого им текста. Такой заголовок берет на себя задачу формирования целостного представления о содержании сообщения. Он напоминает информационную «бегущую строку» или «заголовок–хронику», «заголовок–аннотацию» и т.п., по выразительности и насыщенности почти не уступающий короткому информационному сообщению.

Подобное «воздействие» можно назвать «импрессивностью». В научной коммуникации импрессивность — это «неявное воздействие», в частности, посредством концентрированно выраженной главной информации, скатого до одного предложения нового научного знания, яркий тезис-вывод, который обосновывается и иллюстрируется в вводимом таким образом тексте. «Предельно де-экспрессированная», «констатирующая» форма выражения соответствующего содержания как бы свидетельствует о том, что «результат говорит сам за себя и не может не произвести впечатления».

По этой причине в современной научной коммуникации, в том числе на русском языке, и появилась эта яркая инновация — названия научных текстов в виде (не всегда) короткого, насыщенного, точного и выразительного предложения, передающего главную идею или результат проведенного научного исследования. Еще один пример:

«Во время дневного сна подпороговая электрокожная стимуляция с частотой 1 Гц ускоряет наступление парадоксальной фазы сна» (А. А. Полищук, Ю. В. Украинцева, Е. А. Лукьянова, В. Б. Дорохов. Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН // Материалы конференции по когнитивной психологии. Светлогорск, 2016. Р. 497).

Таким образом, если традиционно заголовок газетного, научного и т.п. текста выражает его тему, то принципиально новый тип заголовка научной ста-

тьи — цельное законченное предложение — выражает главный результат про-веденного исследования. Так, в соответствии с новой тенденцией в организации названий научных статей в современной научной коммуникации название данной статьи могло бы иметь следующую форму: «*В современной научной коммуникации наблюдается тенденция к интеграции рационального, эмоционального и эстетического*». Не исключено, что в ближайшем будущем такие названия будут востребованы, например, со стороны какой-то новой информационной системы. Уже хотя бы потому, что они становятся «сжатым текстом в тексте» или «свернутым текстом о тексте», который представляет собой самостоятельную и «законченную» информационную единицу, обладающую «композиционной завершенностью» и смысловой целостностью (ср. [Костомаров 2005]).

Заключение

Название научной статьи представляет собой важнейший коммуникативно значимый компонент структурной организации научной статьи и имеет свои особенные функциональные, стилистические и прагматические характеристики. При этом явления глобализации и интеграции мирового научного сообщества влекут за собой не только более интенсивный научно-информационный обмен, но и заимствование положительно маркированных тенденций в развитии научной коммуникации в мире.

Одной из наиболее значимых и ярких из них выступает эволюция названий научных текстов, их все более прагматически ориентированный характер. Он заключается, в первую очередь, в интеграции рационального, эмоционального и эстетического в названии научного текста, в использовании разнообразных стилистических средств, способствующих повышению привлекательности и экспрессивности названия, или, напротив, в его эволюции ко все более отражающему основные результаты излагаемого исследования и потому — к его «импрессивности». И в том, и в другом случае могут использоваться экспрессивно маркированные «авторские понятия и термины». Они также отражают яркую индивидуальность автора научного текста, смысл проведенного им исследования и несут важную коммуникативную нагрузку — передать «небезразличное» отношение субъекта научной деятельности к объекту изучения.

В заключение следует отметить, что, используя «доминантные», как сейчас говорят, модели названий научных статей не только на английском языке, но и на русском, участник международной научной коммуникации, в том числе и носитель русского языка, имеет возможность названием своей научной работы привлечь внимание своих коллег (из других стран) и вызвать их интерес к про-веденному исследованию. Придавая названию своей статьи определенную экспрессивность, «эстетическую маркированность» или «импрессивность», он будет не только правильно понятым, но и по достоинству оцененным.

В качестве теоретической интерпретации изложенных здесь соображений можно сказать, что обсуждаемая проблема имеет непосредственное отноше-ние как к когнитивной лингвистике, «коммуникативистике» и «интегративному переведоведению», так и к целому ряду прикладных проблем, связанных с пре-подаванием английского языка вообще и предмета «научная речь на английском

языке», в частности [Рябцева 2017а]. Она заключается в изучении отражения в стиле мышления структуры языка, с одной стороны, и в установлении связи между устройством языка и его культурными коммуникативными моделями, которые обязательно должны учитываться в процессе перевода с языка на язык, с другой, а также в выявлении новых тенденций в межкультурной коммуникации и их отражении в преподавании соответствующих дисциплин, ср. [Болдырев 2016; Полякарпов 2017, Рябцева 2018б]. Не менее перспективной представляется изучение интеграции рационального, эмоционального, эстетического и «импрессивного» в современной коммуникации в целом (ср. [Riabtseva 2010; Рябцева 2014; Рябцева 2016а]).

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 25—32.

Васильева Н. В. Ономастические импликатуры текста // Лингвистика ХХI века: Сб. науч. ст. к 65-летнему юбилею проф. В. А. Масловой. М: Флинта—Наука, 2014а. С. 93—99.

Васильева Н. В. Персонажи-двойники в ономастическом зеркале // Ономастика Поволжья. Материалы XIV Международной научной конференции. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014б. С. 57—58.

Васильева Н. В. Терминологические ловушки и терминообразование // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015а. С. 18—20.

Васильева Н. В. Ономастическая амфиболия как прием // Понимание в коммуникации: материалы седьмой международной междисциплинарной научной конференции. Московский государственный областной социально-гуманитарный институт. Коломна: МГОСГИ, 2015б. С. 120—122.

Васильева Н. В. Антропонимическая самоидентификация в двух лингвокультурах // Жизнь языка в культуре и социуме — 6. Материалы конференции. М., 26—27 мая 2017 г. М.: «Канцлер», 2017а. С. 46—47.

Васильева Н. В. Прагматический потенциал русской формулы имени // Ономастика Поволжья: Материалы XVI Международной научной конференции. Т. 1. УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2017б. С. 33—38.

Васильева Н. В., Тритенко Т. В. Мифоэпонимы в зеркале кроссспрофессионального анкетирования // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации: материалы VI Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 43—48.

Демьянков В. З. Предисловие // Когнитивные исследования языка. Вып. XX III. Лингвистические технологии в гуманитарных науках. Отв. ред. В. З. Демьянков. М.: ИЯз РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 15—16.

Дронов П. С., Полян А. Л. Пространственная концептуализация ментального и эмоционального воздействия: модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 6 (38), 2015. С. 5—18.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.

Котюрова М. П. Об эталонном научном тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Пермский гос. университет, 2016. Выпуск 20. С. 63—71.

Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь: Пермский гос. ун-т, 2017. 204 с.

Куликова И. С., Салмина Д. В. Заголовок научной статьи как речевой жанр // Международный научный институт «Educatio». № III (10), 2015. С. 41—44.

Поликарпов А. М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник ВолгГУ. Серия 2, Языкоzнание. Т. 16, № 3, 2017. С. 6—17.

Рябцева Н. К. Количество и качество в описании состояний сознания // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: URSS, 2014. С. 474—487.

Рябцева Н. К. Гипермодальность социальной коммуникации в интернет-пространстве: Приоритеты и перспективы // Вестник МГЛУ. Вып. 717, сер. Филологические науки: «Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы». 2015. С. 513—520.

Рябцева Н. К. Состояния сознания в языке и речи: Когнитивный аспект // Сборник статей по итогам международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака». М.: МПГУ, 2016а. С. 144—147.

Рябцева Н. К. «Космических масштабов индивидуал»: Человек в современном виртуальном пространстве // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2016б. С. 298—312.

Рябцева Н. К. Иностранный язык для академических целей: Интегральное представление лингвистической информации // Магия ИННО: Новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Материалы III международной научно-практической конференции. В 2 т. М. МГИМО–Университет, 2017а. Т. 2. С. 243—250.

Рябцева Н. К. Отличительные особенности интернет-коммуникации в металингвистическом и прикладном аспекте // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 9, 2017б. С. 387—429 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/14.pdf

Рябцева Н. К. Язык и метазнание: когнитивно-дискурсивный аспект // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е. С. Кубряковой. Отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: ИЯз РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018а. С. 110—117.

Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкоzнание. 2018б. Т.17, № 2. С. 33—43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.4>.

Табанакова В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2013.

Табанакова В. Д. Предикативный потенциал заголовка научного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2016. Выпуск 20. С. 85—93.

Фещенко В. В. Искусство как язык, язык как искусство: терминологический и концептуальный трансфер // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. 7, 2016. С. 49—69.

Филоненко Т. А. Аттрактивные заголовки в научной речи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. «Педагогика и психология». «Филология и искусствоведение», № 2, 2008. С. 290—296.

Ball R. Scholarly communication in transition: The use of question marks in the titles of scientific articles in medicine, life sciences and physics 1966—2005 // Scientometrics. 79(3), 2009. P. 667—679.

Curry N., Chambers A. Questions in English and French Research Articles in Linguistics: A Corpus-Based Contrastive Analysis // Corpus Pragmatics. № 1, 2017. P. 327—350.

McCarthy M., Carter R. Language and Discourse: Perspectives for Language Teaching. Addison Wesley Publishing Company, 1994.

McCarthy M., O'Dell F. Academic Vocabulary in Use. Cambridge University Press, 2012.

Swales J. M., Feak Ch. B. English in Today's Research World. A Writing Guide. Michigan: The University of Michigan Press, 2010.

Wallwork A. English for Writing Research Papers. New York, Dordrecht, Heidelberg, London: Springer, 2011.

Pic E., Furmaniak G. Questioning certainty in research articles and popular science articles. A case-study of modalized wh-interrogatives // A. Zuczkowski, R. Bongelli (Eds.). Communicating certainty and uncertainty in medical, supportive and scientific contexts. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 371—389.

Riabtseva N. K. States of Consciousness According to Linguistic Data: A Cognitive Perspective // Cognitive Modeling in Linguistics. Proceedings of the XII-th International Conference. September 7—14, 2010. Croatia, Dubrovnik, 2010. P. 239—242.

Riabtseva N. K. Internet communication: a linguistic and cognitive perspective // Russian Linguistic Bulletin. V. 4 (8), 2016. P. 70—73.

Riabtseva N. K. Contemporary digital technologies and innovations in human intelligence // Russian linguistic bulletin. V. 3 (11), 2017. P. 7—16.

Riabtseva N. K. Across languages and academic cultures // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции 14—16 февраля 2018 г. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. С. 245—247.

Salager-Meyer F. Scientific discourse and contrastive linguistics: Explicitness and the concept of reader/writer responsible languages // European Science Editing. № 37(3), 2011. P. 71—72.

Terence O. Language Transfer. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

¶

**Конвенциональные и авторские метафоры ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ
и ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО в произведениях русских писателей
последней трети XX — начала XXI века**

**Lexicalized and novel metaphorical expressions of ANGER IS AN
ILLNESS and ANGER IS A LIVING BEING in works by Russian authors (from
the last third of the XX century to the beginning of the XXI century)**

Аннотация

В статье на материале данных Национального корпуса русского языка рассматриваются отношения между языковыми и авторскими метафорическими выражениями, принадлежащими концептуальным метафорам ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ И ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, в произведениях русских писателей последней трети XX — начала XXI века. Анализу подвергаются системы метафорических проекций и механизмы создания новых метафорических выражений.

The article investigates the relations between conventional and novel metaphorical expressions belonging to ANGER IS AN ILLNESS and ANGER IS A LIVING BEING conceptual metaphors as represented in Russian literary works of the last fifty years included in the Russian National Corpus. We analyze the conceptual mappings within these metaphors and the techniques of creating new metaphorical expressions employed by modern Russian writers.

Ключевые слова

Концептуальная метафора, авторская метафора, метафоры эмоций
Conceptual metaphor, novel metaphor, metaphors of emotions

Исследование метафор при описании эмоций имеет давнюю и плодотворную историю. Интерес к ним объясняется важностью исследования концептуализации эмоциональной сферы человека как одной из основных составляющих сознания. Н. Д. Арутюнова в работе «Метафора в языке чувств» замечает: «Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире [психическом мире человека] и описывают, и в то же время непосредственно создают его. Их изучение поэтому проливает свет не только на процесс формирования несвободной сочетаемости слов, но и на структуру и свойства человеческой психики» [Арутюнова 1999: 387]. Огромный вклад в исследование семантики и метафорики слов, обозначающих эмоции, внесен отечественными учеными: Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяном, В. Ю. Апресян, Анной А. Зализняк, Е. Р. Иоанесян, А. Д. Шмелевым, И. Б. Левонтиной, А. Н. Бараповым, Д. О. Добровольским, Г. В. Петровой, Е. В. Урысон, В. А. Успенским и другими. Значительные успехи достигнуты и в зарубежной лингвистике (назовем, прежде всего, работы А. Вежбицкой, Д. Герартса и С. Гронделарса, З. Кевечеша, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, К. Мацуки, М. Тернера, Нинг Ю). Однако широкого освещения в языковедческой литературе пока не получи-

ла проблема отношений между языковыми и авторскими метафорами эмоций. В настоящей статье мы хотели бы проанализировать особенности представления двух метафор гнева в языке и художественной речи, применяя методы корпусной лингвистики.

Вопрос о соотношении авторской и языковой метафор решается учеными по-разному. Так, Г. Н. Скляревская считает, что авторская метафора — феномен принципиально отличный от языковой метафоры и потому не может рассматриваться в одном ряду с ней [Скляревская 1993: 33—39]. Однако другие авторы, в частности, В. Н. Телия [Телия 1981: 12], полагают, что между этими явлениями нет непреодолимых границ. Того же мнения придерживаются и Дж. Лакофф и М. Тернер [Lakoff, Turner 1989: xi–xii], отмечая, что устоявшаяся система метафор оказывает огромное влияние на создание и интерпретацию новых, авторских метафорических выражений.

В своей книге «More than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor» Дж. Лакофф и М. Тернер выделяют три основных механизма создания новых метафор: 1) использование родовых метафор (*generic level metaphors*); 2) создание метафор-образов; 3) операции с конвенциональными метафорами: их расширение (*extension*), уточнение (*elaboration*), комбинация и постановка под сомнение (*questioning*). Метафоры родового уровня (например, СОБЫТИЯ — ЭТО ДЕЙСТВИЯ) не предполагают детальной проекции с одной понятийной области на другую, но накладывают ряд ограничений на возможные реализации проекций на более конкретном уровне в силу Принципа инвариантности, который подразумевает соблюдение соответствия между структурами домена-источника и домена-цели. Тот же принцип направляет создание метафор-образов (*image metaphors*), порождаемых проецированием друг на друга не понятийных областей, а конвенциональных образов. Отличительными чертами таких метафор, вытекающими из свойственной им высокой степени конкретности и нередко детализированности, являются их единичность, употребление в контекстах с повышенной эстетической нагрузкой и, следовательно, редкое использование их в разговорной речи. Однако такие метафоры вполне могут взаимодействовать с концептуальной метафорической системой, представленной устоявшимися в языке выражениями.

Наконец, многие авторские метафоры появляются в результате обращения к базовым конвенциональным метафорам и их переосмыслиния. Этот процесс может подразумевать: 1) расширение исходной метафоры за счет проецирования новых слов (элементов ситуации) со сферы-источника на сферу-цель; 2) уточнение исходной метафоры за счет нестандартного заполнения уже имеющихся слов; 3) комбинацию нескольких метафор в рамках одного контекста; 4) указания на ограниченность традиционной метафоры и предложение альтернативы ей.

Э. Семино [Semino 2008: 52] подчеркивает, что необходимо учитывать не только концептуальный, но и языковой аспект новаторских метафорических выражений, те лексические и грамматические их особенности, которые создают эффект оригинальности даже при отсутствии новой метафорической проекции.

В данной статье мы проанализировали 115 контекстов употребления лексемы *гнев* в рамках метафор ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ и ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ

СУЩЕСТВО в подкорпусе художественных текстов Национального корпуса русского языка за последние 50 лет (с 1968 года). Нашей целью было описание системы проекций, соответствующих этим метафорам, и анализ отношений конвенциональных и авторских метафорических выражений внутри них.

Метафора ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ представлена в нашем корпусе 36 контекстами, из которых 25 приходятся на сочетания *приступ / припадок гнева*. Они представляют переживание гнева как дискретную ситуацию, имеющую начало и конец. В соответствии с наличием компонента ‘повторяющееся событие’ в семантике слов *припадок* и *приступ*, частотны сочетания с множественным числом этих существительных: *приступы / припадки гнева* (8 из 25). Возникновение смысла ‘неоднократность’ может обеспечиваться не только употреблением формы множественного числа, но и использованием прилагательных *новый, очередной* (*приступ*). Следовательно, одной из важных черт этой метафоры является возможность изображения переживания гнева как повторяющегося события.

Семантические различия между исходными значениями слов *приступ* и *припадок* не акцентируются словарями, а переносные значения и вовсе кажутся идентичными. Так, в СОШ переносное значение слова *приступ* трактуется через отсылку к слову *припадок* («Приступ <...> 4. перен. То же, что припадок (во 2 знач.). П. гнева, раздражения»), которое, в свою очередь, определяется как ‘сильное и резкое проявление какого-либо чувства’. Однаковые толкования для переносных значений слов *приступ* и *припадок* находим и в словаре Т. В. Ефремовой [Ефремова]: оба определяются как ‘резкое проявление какого-либо душевного состояния’, хотя для слова *приступ* это значение помечено как оттенок прямого значения — ‘момент обострения, усиления болезни, болезненного состояния’, а для слова *припадок* приводится отдельным пунктом и помечено как переносное.

Однако слово *припадок* в буквальном значении обычно применяется к нервным расстройствам, в особенности эпилепсии, которая, как известно, сопровождается резкими видимыми проявлениями (тогда как приступы ряда болезней могут внешне не проявляться). Корпусные данные свидетельствуют, что и в переносном значении между этими словами сохраняется некоторая разница. Среди контекстов с выражением *приступ гнева* встречаются такие, которые не указывают на непосредственные проявления эмоции: *Он почувствовал сильный приступ гнева: даже в вышине нет покоя от случайных прохожих* [Евгений Велтистов. Победитель невозможного (1975)]. *Приступ гнева* может поддаваться контролю со стороны субъекта: *Олег замолчал, ожидая, когда Рюрик справится с приступом гнева* [Борис Васильев. Вещий Олег (1996)] (отметим, что и в этом примере более широкий контекст фиксирует только ярость в глазах и дрожание шеи как проявления эмоции). И первое свойство (необходимость внешних проявлений), и второе (контролируемость) неверно для *припадков гнева*: это выражение сопровождается описанием разрушительных действий экспериенсера или словесной агрессии, и *припадки гнева* решительно невозможно контролировать. Следовательно, метафорические значения слов *приступ* и *припадок* сохраняют исходные семантические различия.

Интересно, что словосочетания *приступ / припадок гнева* часто употребляются в контексте реального физического или ментального заболевания, ср.: *Говоря о болезни Галины и вызванных ею внезапных приступах гнева <...>* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]; *Алкоголик с припадками гнева?* [Валериан Скворцов. Каникулы вне закона (2001)]; *И когда с нашей кузиной случился очередной припадок гнева, Джози схватила её и стала крепко-крепко держать* [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]. В последнем примере действия Джози, на первый взгляд, усиливают параллель между приступом гнева и эпилептическим припадком. При рассмотрении более широкого контекста мы обнаруживаем, что героиня (сестра главного героя романа «Над пропастью во ржи» Холдена Коффилда, с которой он делится своей мечтой о спасении детей на краю обрыва) во время припадка гнева у кузины, страдающей аутизмом, буквально воплощает слова брата в жизнь: *Потому что ей казалось: стоит ей разжать объятия хоть на минуту — и девочка полетит в пропасть. Как ни странно, объятие помогло — девочка скоро успокоилась.* Позднее, став врачом, девушка подобным образом помогает и другим детям с аутизмом: *По сути, Джози досталась именно такая работа, о которой я мечтал: ловить детей на краю пропасти одиночества* [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]. Так образ ловца во ржи совершает «путешествие в реальность», воплощаясь в физических действиях, и затем трансформируется в метафору.

Приступ гнева может быть вызван не только болезнью экспериенсера, но и нездоровым состоянием окружающих, как в следующем примере: *Нечто омерзительное, оголенное, как звериный оскал безумства, проглядывало в этом остеклененном, мечущемся взгляде Меженина, в этом полуумном его бормотании, и Никитин, опаленный приступом отвращения и гнева, изо всей силы оттолкнул его от кровати <...>* [Юрий Бондарев. Берег (1975)]. В случае полной инверсии причинно-следственных отношений гнев вызывает болезнь: *В такие минуты Кузя боялась больше всего, что с ним случится какой-нибудь приступ или припадок: таким болезненно-страшным выглядел он в своем гневе* [Екатерина Маркова. Чужой звонок (1990—2000)].

Авторские метафорические выражения, использующие метафору ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ, в основном порождаются ее конкретизацией — проецированием ситуации эпилептического припадка на переживание гнева: *<...> начальствующий писатель забился в падучей гнева <...>* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)]; *Начальник Канцелярии принял слова Данилова на свой счет, бился в ужасном гневе <...>* [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)]. Только в одном случае зафиксировано расширение метафорической проекции за счет включения новых элементов ситуации: *<...> оборвал Никитин, заражаясь гневом и непримиримостью, грубо переходя на «ты»* [Юрий Бондарев. Берег (1975)].

Персонифицирующая концептуальная метафора ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО характеризуется детальной и разветвленной проекцией сферы-источника на сферу-цель и большим количеством метафорических сочетаний, закрепленных в языке (в нашем подкорпусе встретилось 79 употреблений). Нами отмечено и немало авторских выражений, использующих чаще всего стратегию

уточнения исходной метафоры или ее комбинации с другими метафорами. Рассмотрим систему конвенциональных метафорических выражений и их соотношение с авторскими.

Прежде всего, можно выделить группу выражений, метафорически представляющих различные этапы развития гнева. Возникновение эмоции описывается как рождение живого существа — словосочетаниями *гнев родился* (1), *рождение гнева* (1) — или как его пробуждение: *гнев просыпался* (1), *пробуждение гнева* (1).

Поддержание переживания гнева описывается выражением *питать гнев*, которое, по-видимому, устаревает: в XX веке оно встречается в корпусе лишь один раз, тогда как в XIX веке — десять. В найденном современном примере это словосочетание осложнено метафорой ГНЕВ — ЭТО ГОРЮЧЕЕ / ВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО, представленной причастием *вспыхнувший*: *Вспыхнувший гнев его услугливо питала сразу проснувшаяся застарелая неприязнь — армейского кавалериста к кавалергардам* [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995—1996)]. Кроме того, в современном подкорпусе был найден пример близкого выражения извлечь пищу для своего гнева: *Подойдя близко к футболисту и беседующим с ним землякам, он враждебно прислушивался к тому, что они говорят, стараясь извлечь пищу для своего гнева из самого содержания их разговора* [Фазиль Искандер. Школьный вальс, или Энергия стыда // «Знамя», 1987].

Наличие гнева в рамках данной метафоры может быть описано сочетанием *гнев жил*, которое в единственном найденном в художественном корпусе примере сочетается с метафорой ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ, выраженной в однородном сказуемом: *Я даже удивилась тому гневу, который жил во мне и сейчас буквально клокотал, вселяя в стареньющую учительницу ужас* [Екатерина Маркова. Отречение (1990—2000)]. Такое же сочетание метафор ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ отмечено и в двух следующих примерах, первый из которых дополнительно осложнен сравнением: *Но именно сейчас, когда по дури плеснувший гнев, шипя, отполз, как побитая собака, я дохожу своим свороченным умом, что все вышеперечисленное гроша ломаного не стоит по сравнению с нами* [Галина Щербакова. Lovestoria (1996)]. *Пришлое напрячется, собрать всю волю и укротить недоброе клокотание гнева* [Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амирана Амилахвари) (1971—1977)].

В том же значении ‘существовать’ употреблен в следующем примере более конкретный, нежели жить, глагол *гнездиться*: *<...> по большому счету и пост и обжорство, и гнев и любовь, и грех и добро гнездятся внутри человека...* [Михаил Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко (2006) // «Нева», 2008].

Уменьшение интенсивности гнева представляется как успокоение живого существа — *гнев унялся* (1) — или как движение его вниз: *гнев уляжется* (3).

Полное исчезновение гнева описывается метафорическими выражениями, представляющими гнев как движущееся существо: *гнев прошел / пройдет* (4). Наряду с этим узуально закрепленным словосочетанием в корпусе отмечена

развернутая метафора: *Гнев не ушел, а отступил и колыхался черным телом, давая дорогу чувствам другого порядка*. Когда же все примочки в первоначальном смысле этого слова были сделаны, гнев отпихнул суетящееся милосердие и стащил с Ольги шелковые французские штанишки, дабы она наконец поняла, кто он, зачем пришел и почему останется [Галина Щербакова. Армия любовников (1997)]. В этом контексте первым средством актуализации олицетворения служит замена глагола *прошел* на необычный в данном значении *ушел*. Персонификация поддерживается как предикацией существительному *гнев* глаголов *отступил*, *отпихнул*, *стащил*, деепричастия *давая дорогу*, так и приписыванием ему атрибута живого существа — тела (*колыхался черным телом*).

Для указания на возможное скорое возникновение эмоции используется сочетание *подступающий гнев* (2), также реализующее метафору движущегося существа. Интересно, что эта метафора в общем случае не используется для описания непосредственно возникновения эмоции (например, **гнев вошел / пришел*), чем объясняется необычность следующей авторской метафоры: *Вскоре в сердце Наследника вступил разозненно и гулко — как вступает на плац не весьма исправный полк — великий гнев: русской простонародности не дают ходу!* [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010]. В этом контексте метафора поддерживается сравнением (*как вступает на плац не весьма исправный полк*) и обстоятельствами образа действия (*разозненно и гулко*).

Ко второй группе можно отнести выражения, описывающие обретение экспериенсером контроля над эмоцией, наличие такого контроля и его потерю. Заметим, что идея взаимодействия с гневом с точки зрения его контроля представлена исключительно словосочетаниями, реализующими метафору ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Значение ‘начать контролировать гнев’ реализуют разнообразные выражения: *обуздать гнев* (4), *усмирить / смирить гнев* (4), *согладить с гневом* (1), *унять гнев* (1), *побороть гнев* (1), *пересилить гнев* (1). Они указывают также на уменьшение интенсивности гнева в результате сознательных усилий экспериенсера. В следующем примере присутствует авторское выражение *укротить яростный свой припадок*, представляющее совмещение метафор ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ: *Встать, негодяй! — рявкнул командир роты и с разгона раз-другой пнул доходягу, распаленный гневом, не мог уже остановиться, укротить яростный свой припадок* [Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995)]. Отметим, что в этой фразе присутствует и метафора ГНЕВ — ЭТО ОГОНЬ (*распаленный гневом*). В корпусе отмечены и другие примеры сочетания метафор ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ: *Олег долго молчал, ожидая, когда уляжется яростный приступ гнева* [Борис Васильев. Ольга, королева русов (2002)].

Попытка обретения контроля над эмоцией описывается сочетанием *бороться с гневом* (1). Способность контролировать гнев вербализуется выражением *быть хозяином своему гневу* (1). Наиболее многочисленны примеры выражений, указывающих на потерю контроля над гневом, прежде всего, *давать волю (своему) гневу* (6), а также редкие выражения *давать растя гневу* (1) и *выпустить гнев* (2): *Я отпустил, выпустил наконец-то мою зажатую боль и мой гнев, но вместо*

ярости (ожидаемой) высвободилось некое неопределенное и, увы, вялое чувство [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996—1997)]. В следующем контексте отмечено авторское выражение, представляющее гнев как закованное и освобождаемое существо: *Да многие в Вавилоне видели, как идет Нергал, освобождение гневу их из тесных оков* [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца (2004)].

Отсутствие контроля над гневом передается сочетаниями *гнев овладел / владел / владевший* (3), представляющими гнев как человека, обладающего властью над экспериенсером. Ту же метафору представляет и высокочастотное выражение *гнев охватил кого-л.* (11); для глагола *охватить* первым в словарях приводится отсылка к значению близкого глагола *обхватить* ‘обнимать кого-либо или что-либо руками’. Невозможность контролировать гнев выражается и в сочетаниях с прилагательными: *необузданный / неодолимый гнев*.

В корпусе были отмечены примеры возводимых к метафоре ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО метафорических выражений, отражающих взаимодействие гнева со страхом: *Сколько у меня истребителей? — закричал он, трясясь от гнева, который даже пересиливал страх* [Г. Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)]; *Это было так страшно, что даже собственный его гнев испугался: не выдал себя, не высунулся из черной норы кипящего сердца* [Андрей Волос. Сирийские розы // «Новый Мир», 1999]. В последнем контексте происходит расширение метафорической проекции — гнев, представленный как животное, находится в сердце-норе.

Помимо идеи воздействия субъекта на эмоцию, метафорические выражения отражают и влияние гнева на человека, его испытывающего. Наиболее частотны выражения *гнев душил / душит / душивший* (13); в корпусе отмечен пример авторской метафоры с глаголом *придушить*: «*Придушили меня гнев и возмущение*», — признавалась она потом, оправдываясь, что не сумела, как ей советовали, переубедить подчиненную [Б. Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова (1980)]. В следующих предложениях значение ‘вызывать болезненное затруднение дыхания’, присущее глаголу *душить*, конкретизируется при помощи употребления других глагольных лексем: *Гнев сжимал горло* [Ю. В. Трифонов. Нетерпение (1973)]; *Он заговорил, с трудом пропихивая слова сквозь перехваченное гневом горло* [Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)]. Во втором предложении второго примера реализована также метафора СЛОВО — ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, актуализирующая мысль о физическом сужении горла из-за гнева.

В контексте *Видно было, что гнев распирал, душил его* [Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998—2007)] конвенциональное метафорическое выражение *гнев душит* осмыслено автором как восходящее к метафоре ГНЕВ — ЭТО СУБСТАНЦИЯ, которая, находясь внутри субъекта и расширяясь, препятствует его нормальному дыханию. Затруднение дыхания, вызываемое гневом, отражает и частотное неметафорическое сочетание *задохнуться / задыхаться от гнева* (8).

Негативное влияние гнева на способность экспериенсера к здравому размышлению обычно описывается метафорическими выражениями *ослепляющий гнев* (2), *гнев слепит* (1), *ослепленный гневом* (4) (включающими также метафору

ПОНИМАТЬ — ЗНАЧИТ ВИДЕТЬ). Данные выражения нельзя с полной уверенностью отнести к реализующим метафору ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, поскольку глагол *ослепляет* сочетается как с именами деятеля, так и с названиями субстанций или процессов (*свет / вспышка / снег ослепляет*); глагол *слепит* сочетается только со словами, называющими субстанции или процессы. С другой стороны, сочетание *слепой гнев* (2), близкое к указанным выше сочетаниям, может быть интерпретировано либо как основанное на метафоре ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, либо как результат метонимического переноса с носителя свойства на свойство (*слепой от гнева — слепой гнев*), которому, однако, предшествует метафорическое переосмысление негативного влияния гнева на способность к рациональному мышлению как ослепление. Как и для предыдущей группы выражений (*гнев душит*), в корпусе отмечен ряд неметафорических выражений, связывающих гнев и зрение, которое в этом случае не переосмыслено как мышление: *Он молча повернулся и, не видя ничего перед собой от гнева, пошел к выходу* [Владимир Железников. Последний парад (1985)]; *И вдруг Нейман почувствовал дуновение приближающегося бешенства. В такие минуты ему становилось горячо: предметы начинали косо прыгать перед глазами, а голос дрожал и становился мурлыкающим* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)].

В корпусе отмечена единичная авторская метафора, сопоставляющая гневу действия «прийти» и «грызть»: *Наверное, раскаяние, гнев на свою недальновидность, на отсутствие тонкости в наблюдательности придут позже, обязательно придут и будут грызть его безжалостно, мучительно* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга первая (1968)]. Представляется, что она связана со специфическим характером эмоции в данном случае: гнев на свою недальновидность направлен на самого субъекта и с этой точки зрения близок к раскаянию, чем можно объяснить употребление нехарактерного для описания гнева глагола *грызть*, более обычного в сочетании с существительными типа *раскаяние и тоска*.

Две авторские метафоры в корпусе представляют гнев как часть тела, мыслительную или перцептивную способность человека: *Узнав имя похитителя, оскорбленные слабели гневом и в конце концов забывали обо всем* [Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011]; *Сколько ни напрягалась она гневом в угоду фавориту, но не могла устоять перед чудесами, порожденными щедрой фантазией кабинет-министра* [Ю. М. Нагибин. Остров любви (1972—1979)]. Для глагола *слабеть* наиболее частотно сочетание *слабеть духом*, распространены также сочетания *слабеть умом / телом / глазами / ушами* (последние два в значении ‘зрение’ и ‘слух’). Глагол *напрягаться*, напротив, чаще употребляется со словом *тело*, много реже со словами *ум, мысль* (*напрягаться телом / умом / мыслью*). Как показал дополнительный поиск, употребление глагола *напрягаться* с названиями эмоций характерно для индивидуально-авторского стиля Ю. М. Нагибина: *Незамеченный и непредставленный, Баярд напрягался гневной обидой* [Тroe и одна и еще один (1972—1979)]; *Надежда Филаретовна овладела собой, лишь голос чуть напрягался обузданым волнением* [Как был куплен лес (1972—1977)].

Наибольшим художественным эффектом обладают авторские метафоры, в которых концептуальная метафора ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО конкретизируется. Один из самых ярких и неожиданных примеров — развернутая метафора ГНЕВ — ЭТО ЦЫПЛЕНOK: *Верно сказано, что человеческое терпение имеет границы. Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев. И вот лопнула скорлупа терпения, и страшный цыпленок гнева выскоичил на свет и кинулся клевать дошкольника* [Юрий Коваль. Недопесок (1975)]. Заметим, что отправной точкой для развития авторской метафоры служит метаязыковой комментарий *верно сказано, что человеческое терпение имеет границы*. Заложенная в нем метафора ТЕРПЕНИЕ — ЭТО ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО актуализируется в следующем предложении при помощи сравнения *оно похоже на яичную скорлупу*; в придаточном при слове *гнев* употреблено сказуемое *зреть*, знаменующее переход от сравнения к метафоре. Последнее предложение содержит только метафоры; интересно, что сквозь авторское употребление глагола *клевать* как сказуемого при сочетании *цыпленок гнева* просвечивает закрепленное в языке значение этого глагола ‘бранить, нападать на кого-либо’. Таким образом, авторская метафора как бы окружена, закольцована метафорой языковой. Представление гнева как цыпленка в высшей степени необычно (этот образ может связываться со страхом, ср. *цыплячья душа*, но никак не с гневом) и создает юмористический эффект в контексте повести о детях.

Еще одна оригинальная метафора представлена в следующем примере, где гнев уподобляется либо палачу, либо топору: *Генерал говорил отрывисто, а глуховатый голос напоминал удары баскетбольного мяча, Шевцову же казалось, что это перекатываются по кабинету полковничьи головы, срубленные генеральским гневом* [Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007)].

Итак, рассмотренные примеры показывают, что в большинстве случаев авторское новаторство в создании метафорических выражений с лексемой *гнев*, восходящих к метафорам ГНЕВ — ЭТО БОЛЕЗНЬ и ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, заключается в совмещении этих концептуальных метафор с другими, а также в их уточнении. Однако обновление метафоры может достигаться не только за счет изменения образности, но и чисто языковыми средствами, путем нарушения в эстетических целях языковой нормы (например, замена в конвенциональном выражении глагола однокоренным, но обычно в этом сочетании не использующимся: *гнев придушил* вместо *гнев душил*, *гнев ушел* вместо *гнев прошел*). Немаловажную роль играет и контекст употребления метафорических выражений, который может актуализировать их образный компонент.

Список сокращений

СОШ — Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. М.: ИТИ технологии, 2005.

Ефремова — Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов / Т. В. Ефремова. Т. 2: М — П. М.: АСТ: Астрель, 2006.

Корпусы текстов

Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.

Литература

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН (электронное научное издание). Вып. 7, 2015. С. 98—223 // http://www.iiling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf.

Иоанесян Е. Р. Предикаты эмоционального состояния:proto-типический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72), 2016. С. 160—166.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богу-славская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.

Петрова Г. В. Семантическое поле слова «страх» в русском и португальском языках // Древняя и новая Романия. № 1 (17), 2016. С. 502—520 // [http://www.elibrary.ru/item.asp?id=4514000](https://elibrary.ru/item.asp?id=4514000).

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.

Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Успенский В. А. О вещественных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 2. С. 146—153.

Averill J. R., Kövecses Z. The concept of emotion: Further metaphors // Z. Kövecses. Emotion concepts. P. 160—181. New York: Springer-Verlag, 1990.

Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

Geeraerts D., Grondelaers S. Looking back at anger: Cultural traditions and metaphorical patterns // J. Taylor and R. MacLaury (Eds.). Language and the cognitive construal of the world. P. 153—179). Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.

- Kövecses Z. Metaphors of anger, pride, and love: A lexical approach to the structure of concepts. Amsterdam: John Benjamins, 1986.
- Kövecses Z. Emotion concepts. New York: Springer—Verlag, 1990.
- Lakoff G., Kövecses Z. The Cognitive Model of Anger Inherent in American English. Berkeley: University of California at Berkeley, 1983.
- Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Matsuki K. Metaphors of anger in Japanese // J. Taylor and R. E. MacLaury (Eds.). Language and the cognitive construal of the world. P. 137—151). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Semino E. Metaphor in Discourse. Cambridge, New York: Cam-bridge University Press, 2008.
- Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge University Press, 1999.
- Yu N. Metaphorical expressions of anger and happiness in English and Chinese // Metaphor and Symbolic Activity, 10(2), 1995. P. 59—92.

¶

Русское заимствование *дух* в языке армянской революции
The Russian loanword *dux* in the speech
of Armenian revolution

Аннотация

Родственная пара лексем со значениями ‘душа’ и ‘дух’ существует в армянском языке (*hnqʰ* — *nqʰl*: [hokhí] — [vokhí]); эти слова не являются устаревшими и продолжают использоваться в соответствующих контекстах. Однако существует и недавнее заимствование из русского языка — слово *дух* *դուխ* [dux], уже прочно вошедшее в разговорное употребление. Особенно широко распространялось оно в идиоматичной форме творительного падежа *դուխով* [dúkhóv] с трудно переводимым значением, примерно соответствующим ‘смелее’, ‘с воодушевлением’ (букв. ‘с духом’), имеющим характер призыва. Именно эта форма стала девизом армянской революции апреля-мая 2018 г. — народного движения, сплотившегося вокруг Никола Пашиняна. Эта форма звучит и в составе лозунгов, и самостоятельно как девиз, повторяется в песнях, печатается на бейсболках и значках как знак времени. Интересен сам факт использования заимствованной формы как экспрессивно более сильной, чем привычное слово родного языка. Само слово *դուխ* используется в речи и в других формах.

В статье рассмотрены контексты употребления в армянском языке слов *дух* *դուխ* / *դուխով* и армянских синонимов, сделана попытка объяснить причины распространения нового заимствования, показать семантические и стилистические сдвиги в его значении и употреблении.

A pair of related lexemes with the meanings corresponding to those of Russian *duša* and *dux* exists in the Armenian language (*hnqʰ* — *nqʰl*: [hokhí] — [vokhí]); these words are not obsolete and are still used in relevant contexts. However, there also exists a recent Russian borrowing, the word *դուխ* [dux], already entrenched in the vernacular. It is most widely spread in the idiomatic form of the instrumental case *դուխով* [dúkhóv] used as a call to action or slogan that can roughly be translated as ‘bolder’ or ‘enthusiastically’ (lit. ‘with the spirit’). It was this form that became the motto of the Armenian revolution of April-May 2018, the popular movement unified by Nikol Pashinyan. This form sounds as part of the slogans, and independently as a motto, it is repeated in songs, printed on baseball caps and badges as a sign of the times. The fact demonstrates using a borrowed form as an expressively stronger one than its regular native counterpart. The word *դուխ* is also used in speech in other grammatical forms.

The paper analyses the contexts and occurrences of *դուխ* / *դուխով*, as well as those of its Armenian synonyms. An attempt is made to explain the widespread use of the borrowed items with the semantic and stylistic driving.

Ключевые слова

Заимствования, армянский язык, эмоциональная оценка, семантическое развитие, стилистическое расширение

Loanwords, the Armenian language, emotive value, semantic and stylistic drive

Армянское слово *դիլիով* [duxóv] звучит в сегодняшней Армении из многих источников, печатается на бейсболках, значках и майках. Это слово стало своего рода сплачивающим лозунгом народной революции апреля-мая 2018 г. На русский язык его переводят по-разному: ‘смелее’, ‘с воодушевлением’, иногда ‘единодушно’, при этом армянских информантов удивляет сам вопрос о русском переводе. Интересно то, что слово *դիլիով*, получившее всеобщее распространение, является формой творительного падежа единственного числа существительного *դիլ* [dux] ‘дух’, заимствованного из русского языка в своем основном значении (‘моральная сила’). Возможны его употребления в двух синтаксических функциях: в качестве определения к существительному и в функции наречия.

Весьма устойчиво *դիլիով* в функции определения к словам *տղ* [tya] ‘мальчик, парень’, *մարդ* [mard] ‘человек, мужчина’: получается что-то вроде русского *крутой парень* — оценочная характеристика разговорного, даже жаргонно-просторечного стиля, как отмечают носители языка:

«Քեզանից էլ պակաս դիլիով տղ չեմ»: (Ալլօմ, 2003.07.31) ‘Я крутой парень, не хуже тебя’. (Арапот, 2003.07.31. Примеры по корпусу ВАНК, переводы наши. — *ЛФ*).

Такое определение может иметь и спортивная команда: «դիլիով թիմ ‘крутая, сильная команда’ ([thim], очевидно, английское заимствованное *team*).

В качестве наречия слово характеризует образ действия, как и творительный падеж в русском языке: можно *что-то делать диллиов*, например, *идти, говорить*, но обычно это побуждение, призыв к действию: «*лети диллиов*», «*беги диллиов*», «*сделай шаг диллиов*»; по смыслу это что-то вроде ‘соберись с духом и сделай’.

В функции наречия слово также используется в сниженном или даже просторечном стиле:

Օպերացիա սկզբանցիա: դիլիով, դիլիով գալիք (OPD 205-1 2008) ‘Операция-шмоперация. Смелей, смелей давай’ (Пример из устного подкорпуса ВАНК).

Интересно, что в этом примере мы переводили только *դիլիով*; остальные слова даны в транслитерации, в том числе русское *давай*. *Операция-шмоперация* — характерное для народно-разговорной речи парное слово; подобный прием удвоения отмечает Вяч. Вс. Иванов для многих языков мира, особенно для языков, распространенных на Кавказе. Второе слово в такой структуре может начинаться с *m-*, иногда с *shm-*, как в идиш; здесь как раз второй случай. Этот прием «обычно используется в живой речи для образования оборотов с сильно выраженной эмоциональной (иногда негативной) или иронической окраской»

[Иванов 2004: 142] (подробнее о парных словах см. также в [Федорова 2013]). Важно, что такое употребление подчеркивает разговорность, сниженность стиля и эмоциональный характер высказывания.

Вообще армянский язык известен как язык-пурист, мало заимствующий из других языков, однако русские заимствования, особенно советского периода, в нем присутствуют; например *булки*, *поликлиника*, *округ*, *Дума* (скорее как историзм), через русский — *футбол*, *опера*, *оптика* (при том, что аптека называется буквально ‘дом лекарств’) и др. В основном это конкретные номинации; позднее появляются *беспредел*, *коррупция*. В то же время в разговорной речи, под влиянием активных армяно-русских языковых контактов, русские вкрапления нередки.

Восточноармянский национальный корпус (ВАНК) фиксирует распространение слова *դիլով* в первой декаде XXI в. (корпус охватывает данные до 2009 г.), примеры (их 59 в 50 текстах, из которых 3 более ранних передают русскую фамилию *Духов*) в основном из прессы (40) и из устной речи (14). Но отмечен один характерный пример в художественной литературе (1980—1989, без точной даты):

«... Դուր կամք՝ չի լսվում և կամք կապահեք Անի լեստորանի մոտ: Ես կզամ, կեանդիպեմ, երևում է դիլով տղա ես, կիսուեմ»: — Ողջունում եմ, Շեռլոկ, աշխատիր անպայման գնալ ժամադրության: (Մի գիշեր «ուսկե աշունից» տպաք: Յուզուլյան Սամվելը). ‘Вы скажете: «Не слышно», — и пойдете ждать у ресторана «Ани». Я приду, встретимся, похоже ты крутой парень, потолкуем. — Приветствуя, Шерлок, постарайся непременно встретиться’ (Самвел Цуцулян. Одна ночь перед «золотой осенью». ВАНК).

Автор текста — С. Цуцулян (р. 1927 г), известный армянский следователь по уголовным делам и писатель, которого в Армении называли «армянским Шерлоком Холмсом». Он использует оборот *դիլով տղ* в прямой речи, ориентированной на жаргон преступного мира. Современный антрополог Левон Абрамян свидетельствует, что выражение *դիլով տղ* (и синонимичное *դիլովավիկ* [duxavík]) действительно существует в жаргонном употреблении уже лет пятьдесят в значении ‘крутой пацан, крутой парень’.

Все примеры из прессы относятся к XXI в.; в них могут быть ссылки на устную речь (иногда слово приводится в кавычках):

Եղ այդ բախման մեջ, բնականարար, հաղորդմ է նա, ով առավել քաշ է եւ վեռական: Աերժ Սարգսյանի բանապաշտության տակ դիլով: (Հայկական Ժամանակ, 2004.02.18). ‘И в этой ситуации, естественно, побеждает тот, кто более смел и решителен. Говоря словами Серจя Саргсяна, более крут’ (Айкакан жаманак, 2004.02.18. ВАНК).

«Դիլով՝ Գնազեք ԲՈՒԺՎԵԼՈՒ» (Ալիտոս, 2006.02.10) ‘Смелее идите лечиться!’ (Арапот, 2006.02.10. ВАНК; заголовок газетной статьи).

Из недавних свидетельств: когда Карен Карапетян стал премьером, он сказал в парламенте (2016): «Духоб ашхатенк» (‘Будем работать духоб!?’). Симптоматично, что характеристика *դիլով* отмечается в ссылках на речь высших

представителей власти (Саргсяна, Кочаряна, Карапетяна), что показывает их стремление подчеркнуть близость к народу, говорить на языке, понятном молодежи.

И все же зачем понадобилось подобное заимствование, когда в языке достаточно своих оценочных средств? То, что оценочные слова могут утрачивать экспрессивность, остроту и сменяться более сильными выражениями, это естественное явление. Известно, чем слово проще, тем оно точнее, сильнее (по мысли М. Горького). При этом как более сильные могут расцениваться и заимствованные слова: «чужое слово слаще», как отметил В. Айрапетян, трактуя причины распространения слова *типич*. Размышляя о «чужом слове», он приводит и высказывание Лидии Гинзбург: «<...> Свои слова никогда не могут удовлетворить; требования, к ним предъявляемые, равны бесконечности. Чужие слова всегда находка — их берут такими, какие они есть; их все равно нельзя улучшить или переделать. Чужие слова, хотя бы отдаленно и неточно выраждающие нашу мысль, действуют как откровение или как давно искомая и обретенная формула» [Айрапетян 2011: 300]. Чужое слово, освоенное в родном языке, — это выбор целого народа как «мирового человека». С другой стороны, крепкие выражения из русского языка нередко используются как вкрапления в иноязычной речи, поскольку ощущается их сила, но теряется ощущение этического запрета.

Нередко экспрессивные выражения приходят из молодежного жаргона, который более восприимчив к иноязычным влияниям, склонен к сильным оценочным выражениям и быстро пополняется. Неспроста одно из наиболее частых употреблений *типич* — в выражении типа *крутой парень*.

Можно сравнить развитие оценочного значения у того же русского слова *крутой*, которое иногда считают калькой с английского *tough*. Говоря об этом, Л. П. Крысин [Крысин 1996: 161] ссылается на статью [Земская, Розина 1994]; это мнение, впрочем, он позднее оспаривает, считая, что *крутой* могло развить оценочные значения агрессивного характера на русской основе (*крутые меры*, *крутой нрав*), а наличие положительного компонента значения скорее соотносит это слово с английским *cool*. Тогда надо допустить, что *крутой* является семантической калькой одновременно двух слов: и *tough*, и *cool*, что вряд ли возможно [Крысин 2004: 221; Горбов 2015: 89—90]. Впрочем, уже в словаре общего жаргона его авторы высказывают более осторожные мнения о происхождении жаргонного *крутой*, возводя его к литературному источнику, но допуская влияние американских сленговых значений *tough* и *cool* [Ермакова, Земская, Розина 1999: 87]. Нельзя не отметить, что выражение *крутой нрав* широко используется в русской классической литературе еще с конца XVIII — начала XIX в. у Фонвизина («Бригадир»), Пушкина (о Сильвио), Гоголя (об Иване Никифоровиче); а *крутой парень* появляется в 80-е гг. XX в. (единичное употребление у Фурманова в 1924 г.) в основном в детективных сюжетах об уголовном мире; встречаются *крутыми парнями* — *tough guys* — и в боевиках (так, у В. Познера *крутыми парнями* названы герои Шварценеггера и Сталлone). Так что есть основания усматривать

влияние американского сленга. Что касается разделения на отрицательный и положительный компоненты значения, то для носителей жаргона агрессивность определения *крутоj* всегда имела именно положительный смысл. Как считает Горбов, сейчас и жаргонное значение слова *крутоj* становится литературным благодаря СМИ [Горбов, 2015: 91]. Эта параллель может показывать определенную роль иноязычных влияний, усиливающих эмоциональную окраску жаргонного слова.

Для полноты картины необходимо отметить тот факт, что использование косвенной формы *դուխով* опирается на освоенность самой лексемы *դուխ* [dux] ‘дух’ в армянском языке.

Это слово имеет в корпусе ВАНК порядка 150 вхождений в разных формах: в нейтральной словарной (им. п. ед. ч.) и в посессивных, с определенным артиклем, с падежными флексиями (исключая форму тв. п.). Подавляющее большинство примеров — также в устных текстах и текстах прессы. Разговорным является устойчивый оборот *դուխ տալ* [dux tal] ‘придать чему-то силу, живость; поднять дух; ободрить кого-то’. Выражение *դուխ է տալիս* [dux e talis], обычно в просторечной форме *դուխ ա տալիս* [dux a talis] буквально ‘дух дает / придает’, часто встречается в речи — так, по словам информанта-филолога Гаянэ Ахвердян, говорят про человека, который способен воодушевить, вдохновить, оживить беседу, дело и проч.

Հիւելք, որ ինկին ոչ ո՛վ չի հարգում», — իր թիմին «դուխ» տվեց համբառապետական փարզապետը: (Հայկական Ժամանակական, 2003.05.22) ‘Помните, что жалкого человека никто не уважает, — подзадоривал свою команду республиканский премьер-министр’ (Айакан жаманак, 2003.05.22. ВАНК).

«*Մի՛ վախի, չի՛ կծի», — ամեն վայլափոխին վախեցած վաղաբացիներին հորդորում ու «դուխ» են տալիս հպարտ ու ինքնավատան շնատերերը:* (Առաջօն, 2002.09.14) ‘Не бойся, не укусит, — на каждом шагу убеждали и подбадривали пугавшихся горожан владельцы собак’ (Арапот, 2002.09.14. ВАНК).

Другая распространенная модель — *դուխ ունենալ* [dux unenal], буквально ‘иметь дух’, т.е. ‘иметь мужество, смель’:

Ու եղրակացրեց՝ ողի չուներ, դուխ չուներ, դրա համար չէր կրակում: (Առաջօն, 2008.09.20) ‘И заключил: духу не хватило, смелости не хватило, потому не стрелял’ (Арапот, 2008.09.20. ВАНК).

Устойчивый оборот близкого значения с посессивной формой: *դուխով տեղի ա* [duxs teyn a] ‘у меня дух на месте’ или *իմ դուխով տեղի ա*: [im duxə teyŋ a] ‘мой дух на месте’, т.е. ‘я не теряю присутствия духа’ (в грамматически просторечном варианте — с глагольной связкой *ա* вместо литературного *է*).

Все эти примеры показывают распространенность заимствованного слова скорее в разговорном и просторечном стилях языка, чем в литературно-книжном: даже примеры из текстов СМИ часто передают прямую речь.

В литературном же языке есть исконное слово для понятия ‘дух’ — *ողի* [vokhí] со словарными значениями: 1) дух, душа, 2) дыхание, 3) привидение, 4) (зап.-арм.) спирт [APC]. Словари упоминают сказочное *տիտիպի ողի* ‘лесной дух’.

В примерах корпуса ВАНК встречаются *սուրբ ոգի* [surph vokhí] ‘святой дух’, *չար ոգի* [char vokhí] ‘злой дух’, *բանակային արօցի ոգի* [banakajin arroyc vokhí] ‘воинский / армейский здоровый дух’ (2002, газетный текст).

Դու երամեց էլ էլոր հայի ոգի գրել, եւ դա կատաղեցիում էր ինձ: (Թալին: Ավագյան Նվազը) ‘Ты и в него вложил дух армянина, и это бесило меня’ (Нвард Авакян. Талио. ВАНК).

В примере выше *ոգի չուներ*, *գուխ չուներ* ‘духу не хватило, смелости не хватило’ дух назван сначала армянским словом, потом русским заимствованием как более сильным.

Армянское слово *ոգի* использовано и в переводе стихотворения А. Битова:
Видно все же подкосила
меня жизненная сила,
видно духу не хватило —
меня ждут... — ... երի չզորեց ոգիս...

(«Лестница» (1982), перевод Шанта Мкртчяна, книга «Дерево» издана в 2010 г.)

В предисловии переводчик вспоминает о своем впечатлении от прочтения Битовым этого стихотворения: «Я слушал и думал, что это молитва... Слово к Господу. <...> Я искал дорогу к Богу... <...> Как и в прозе, так и в поэзии у него властвует дух». И перевод выполнен высоким слогом, хотя и сохраняет легкую, без патетики, интонацию, присущую Битову.

Армянский ‘дух’, как и русский, сопоставлен и противопоставлен ‘душе’: *ոգի* — *հոգի* [vokhí — hokhí]. Этимологический словарь Р. Ачаряна в статье *հոգի* отмечает их как пару, имеющую общее происхождение: «Вторая форма этого корня — vogi, используемое в тех же значениях». [ՀԱԲ-III, 1977: 107]. По-видимому, и общее поначалу значение разделилось по вариантам корня. В каких-то случаях в ранних текстах значения оказываются близки, см., например:

Աղաւել զանափախելի մերթին ամենազր Հոգուց հզորի... ‘Молю о неизменном и всемогущем покровительстве Твоего могучего Духа’ (Григор Нарекаци, X в.).

В XIX в. Хачатур Абоян использует *հոգի* в значении ‘душа’:

*Ծունչք տուր, հոգից, բայց ու հոյրենիք
Մի՛ տար քենամյաց, ու անշեխտիկիլ
Հնկնիլ սարե տար, լինիլ չարաշար
Ծառ օտարաց, կամ գերի անշար:*

Отдай дыхание свое (жизнь свою), душу свою, но свою родину
Не отдавай врагам, (чтобы не пришлось) неприкаянно
бродить по горам, быть несчастным
слугой чужакам или жалким пленником.

Двуязычные словари и сейчас отмечают для *հոգի* значения ‘душа’ и ‘дух’ [APC], [РА-APC]; так, приводятся примеры *հոգով արի* и *ոգով արի* с переводом ‘сильные духом’. Но в то же время именно для *հոգի* характерны употребления,

относящиеся к человеку: в разговорном обращении *hnq̪hi*, *hnq̪jhi* ‘душа моя, душенька’, в оценке *hnq̪i m̪irč* (լ) ‘(он) душа-человек’, в обороте *m̪i hnq̪i չկ* ‘нет ни души’. Наиболее частое употребление слова *hnq̪i* — в контексте количества людей: *10 hnq̪i* — ‘10 человек’ (ср. русское устар. *десять душ*). Идиоматика *hnq̪i* сопоставима с русской: *вложить душу, отдать душу, отогреть душу, тело и душа*. В некоторых случаях для русского *душа* выбирается соответствие *սիրտ* ‘сердце’ (*душа болит, не по душе* и др.) [РА-АРС].

Таким образом, литературный армянский язык располагает собственными богатыми средствами для передачи понятий ‘дух’, ‘душа’. Но в разговорной стихии все громче и отчетливей звучат наполненные живой экспрессией, принятые армянским языком слова *дух*, *духóв*, развивая на новой почве особые значения. Так, в сложившейся и ставшей популярной в дни революции песне «*Духов*» (букв. ‘с духом’) *духóв* звучит рефреном:

Քայլ տրш — ձեռք վերի,
Բոլոնց տրш — դուխով
Մեմ եմ տերը մեր երկրի,
Հայեր քան, դուխով:
Ես ու դու միասին
Հայրելու եմ ուստով
Ազտի, տեղիսի ժողովուրդ
Հայեր քան, դուխով:
Հայեր քան, դուխով:

Сделай шаг, подними руку,
Сожми в кулак — с духом!
Мы — хозяева своей страны,
Дорогие армяне — с духом!
Я и ты вместе
Скоро победим.
Свободный, независимый народ,
Дорогие армяне — с духом!
Дорогие армяне — с духом!

В этом тексте обыгрываются слова другой песни на стихи Н. Пашиняна «Я делаю свой шаг» с идиоматичным *сделать шаг* в значении ‘выступить вперед, решиться’; вместе со словом-лозунгом *духóв* передаются и характерные жесты солидарности: поднятая рука, вытянутый кулак, которые сплачивают народ. Жест поднятия ладони вместе с характерным возгласом [ho], в унисон повторенным многотысячной толпой, является зажигом к гимну «Гордый народ» — переводу песни чилийского поэта Серхио Ортеги с известными словами “El pueblo unido jamás será vencido!” (“Объединенный народ никогда не будет побежден!”) (1973). Общий дух победы воплощается в многоустом возгласе-дыхании, которое несет в себе мощный эмоциональный заряд, производя особое, едва ли не магическое, воздействие.

Так рождается новый смысл у слова-лозунга *духόв*: смысл единодушия, сплочения и решимости, который хорошо передается русскими *сильные духом* и *единодушино*. Этот семантический сдвиг — от характеристики конкретного действия или человека к передаче общей эмоции, духа решимости, разделенного всем народом, — сопровождается и расширением стилистических границ этого слова.

Заимствование, появившееся как острое жаргонное словцо, было поднято в ранг общенародного и вошло в современный армянский язык как знак эпохи.

В заключение автор хотел бы выразить благодарность всем армянским друзьям и коллегам, поделившимся своими мнениями и размышлениями по поводу этого нового явления.

Источники, Корпусы текстов и словари

АРС — Армяно-русский словарь / Ред. Е. Г. Галстян. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984.

АР-ПАС — П. С. Бедирян, Д. Е. Амегикян, Дж. А. Гарибян. Русско-армянский, армяно-русский словарь. Ереван: Айастан, 1988.

ВАНК — Восточноармянский национальный корпус. Ред. З, 2007—2009 // http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru. (18.09.2018)

Жемчужины армянской поэзии. В 3 томах (На армянском языке). Ереван: Айастан, 1974.

Առաջին — Аравот ('Утро'). Ежедневная общественная политическая газета. Издается с 1994 г. // <http://www.aravot.am>. (18.09.2018)

ՀԱԲ — Հր. Անդրյան. Հայերեն արմատական բառարան. I—IV հատորներ. Երևան, 1971—1979. Гр. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка. В 4 томах. Ереван, 1971—1979. (Дата обращения 18.09.2018)

Հայկական ժամանակ «Այսօն» — «Айсекан жаманак» ('Армянское время'). Независимая ежедневная газета // <http://armtimes.com/ru/News>. (18.09.2018)

Литература

Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. В двух частях. Часть I. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011.

Битов А. Дерево. Անդրեյ Բիստրիչյան: Ծանոթագրություն / Ред. Шант Мкртчян. Ереван, 2010.

Горбов А. А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX—XXI веков // Вопросы языкоznания. 2015, №1. С. 87—101.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми все мы встречались. Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / Под общим руководством Р. И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999.

Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // Русистика. 1994. № 1—2. С. 96—112.

Русское заимствование *дух* в языке армянской революции

Иванов Вяч. Вс. Парные слова с начальным губным носовым // Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 142—143.

Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Земская Е. А. (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142—161.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Федорова Л. Л. Гуси-лебеди, сороки-вороны, цветы и птицы: заметки о парных словах // Лингвистический беспредел-2. Сб. научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / Общ. ред. А. Е. Кибрик. М.: МГУ, 2013. С. 318—333.

¶

**О концептуализации эмоций
(на примере глаголов и предикатных выражений,
описывающих эмоциональные состояния)**
**On the conceptualization of emotions
(on the example of verbs and predicate expressions
describing emotional states)**

Аннотация

В статье анализируется семантика и употребление глаголов *довести / доводить, достать / доставать, задолбать / задалбивать*, а также идиоматического выражения *вынести / выносить мозг*, описывающих перемену эмоционального состояния. Можно выделить два типа причин, приводящих к перемене эмоционального состояния: ситуации верbalного общения и ситуации восприятия объектов и явлений внеязыковой действительности. Глаголы *довести / доводить, достать / доставать, задолбать / задалбивать* способны описывать только перемену эмоционального состояния субъекта от нейтрального к негативному. Идиома *вынести / выносить мозг* способна выражать разновекторные перемены эмоционального состояния, а также образует отглагольный дериват *вынос мозга* с теми же семантическими возможностями.

The article analyzes the semantics and use of the verbs *довести / доводить, достать / доставать, задолбать / задалбивать*, as well as the idiomatic expression *вынести / выносить мозг*, describing the change in emotional state (namely, irritation or annoyance). There are two types of reasons that lead to a change in the emotional state: the situation of verbal communication and the situation of perception of objects and the extralinguistic phenomena. The verbs *довести / доводить, достать / доставать, задолбать / задалбивать* are able to describe only the change in the emotional state of the subject from neutral to negative. The idiom *вынести / выносить мозг* is able to express a variety of changes in the emotional state, and also forms a noun derivation of the *вынос мозга* with the same semantic possibilities.

Ключевые слова

Эмоциональное состояние, ситуация речевой коммуникации, ситуация восприятия, причина изменения эмоционального состояния, потеря контроля, возвратное местоимение, конструкция с отглагольным существительным

Emotional state, situation of speech communication, perception situation, cause of emotional state change, loss of control, return pronoun, construct with verbal noun

Психологи связывают эмоциональную сферу человека с биологическими и когнитивными процессами [Рубинштейн 2002; Изард 2007]. «Человек <...> переживает то, что с ним происходит и им совершается; он относится определенным образом к тому, что его окружает. Переживание этого отношения человека

к окружающему составляет сферу чувств или эмоций. *Чувство* человека — это *отношение* его к миру, к тому, что он испытывает и делает, в форме непосредственного *переживания* [Рубинштейн 2002: 513]. Эмоции играют важную роль и в развитии человека [Выготский 1984]. Интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх и стыд получают более высокий статус и названы базовыми эмоциями [Изард 2007: 49].

В антропогенезе эмоции выражаются в мимике, а позже в речи и языке [Изард 2007; Психология эмоций 2004; Рубинштейн 2002; Апресян 1995; Эмоции в языке и речи 2005]. В качестве активаторов эмоций выступают перцептивно-когнитивные процессы оценки и атрибуции [Изард 2007: 50]. Психологи и лингвисты согласны в том, что эмоции связаны с оценкой объекта внеязыковой действительности или собеседника и, прежде всего, выражаются в звучащей речи [Изард 2007; Вольф 1989; Вольф 1996; Кобозева 2000]. Эмоции находят выражение также в стилистике и семантике. «Коннотации, связанные с выражением в речи чувств говорящего (адресанта) и с воздействием речи на чувства адресата, составляют эмоционально-экспрессивную стилистическую окраску языковых единиц» [Крылова 2006: 73]. В семантике на одном полюсе находятся полнозначные слова, описывающие эмоциональное состояние, а на другом — междометия, выраждающие его (см. [Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. 1993; Апресян В.Ю. 2005; Бабенко 1989; Борисова 2005; Шаронов 2004; Шаронов 2008; Шаронов 2009; Шаховский 2008а; Шаховский 2008б]).

Мы намереваемся рассмотреть средства выражения эмоциональной перегрузки, которую испытывает субъект, выраженные в языке глаголами с различной стилистической окраской *довести / доводить, достать / доставать, задолбать / задалбывать*, а также идиоматичным предикатным выражением *выносить / вынести мозг*.

Обращение к толковым словарям дает такую картину: две видовые пары *довести / доводить и достать / доставать*, описывающие эмоциональное состояние, представлены в «Большом толковом словаре русского языка» с пометой *разговорное. Довести*: «5. *кого-что (до чего)*. Привести в какое-л. состояние. *Довести приятеля до слез, до сильного раздражения. Довести кого-л. до безумия. Довести страну до кризиса || кого*. Разг. Рассердить, вызвать раздражение. *Ты решил меня сегодня довести? Зачем ты опять его довел? Он злой бывает, когда его доведут*» [БТС 2002: 265]; *достать*: «5. *Разг. кого. Довести кого-л. до крайне раздражённого состояния; сильно надоест. Достал ты меня, приятель!*» [БТС 2002: 279]. Приставочный глагол *задолбать* не включен в словарь БТС, а подобное значение эмоционального раздражения не отмечено и у глаголов видовой пары *долбать / долбить*.

Глагол *задолбать* включен в «Толковый словарь русской разговорной речи» и в «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» и сопровождается такими толкованиями: «*Жарг. Утомить, надоесть длительными разговорами, постоянными повторами и т.п.*» [БСРРЭР 2004: 205]; «*утомить кого-л., надоесть кому-л. длительными разговорами, настойчивыми просьбами и т.п.*» [TCPPPP 1: 591].

Все три видовые пары близки по семантике и объединяются маркированностью вызываемых стимулом негативных эмоциональных состояний.

В БТС *довести* в значении ‘рассердить, вызвать раздражение’ описывается не как самостоятельное значение, а как оттенок. Употребление пятого значения ‘привести в какое-л. состояние’ требует зависимого существительного в родительном падеже с предлогом до, поскольку характер состояния может быть различным: *довести до слез, до истерического смеха, до депрессии*. В оттенке значения «положительные» состояния уже невозможны, как правило, в этом случае зависимое существительное с предлогом до не употребляется. Различия в семантике и употреблении видны на примерах (1), (2), (3).

(1) *Помню, ты долго расставлял свое освещение, тщательно примеривался и — командовал мною, чем довел меня до смеха...* (Николай Климонтович. Фотографирование и прочие Игры (1988—1990)) [НКРЯ].

(2) *Два года ему мозги песочили, довели и теперь лезут...* (Роман Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009) [НКРЯ].

(3) — *Она не виновата. Это папаша ее довел... «Папа тут ни при чем», — хотела возразить Поля, но промолчала почему-то* (Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)) [НКРЯ].

В отличие от примера (1), где описывается положительное эмоциональное состояние, в примерах (2) и (3) зависимая именная группа с предлогом до не употребляется, и не вызывает сомнения негативный характер эмоции.

В толкованиях обоих глаголов *довести* и *достать* в БТС не упоминается причина наступления неприятного эмоционального состояния, между тем управление данных глаголов требует не только личного или собирательного объекта в винительном падеже, но и участника ситуации, выраженного существительным с пропозитивным значением в творительном падеже или предложением.

(4) *Может, ты ее действительно достал своим занудством?* (Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)) [НКРЯ].

Примеры из НКРЯ с глаголом *достать* свидетельствуют о том, что причина наступления отрицательно маркированного эмоционального состояния является либо результатом вербальной коммуникации с партнером, либо воздействием на субъекта явлений и событий внеязыковой действительности.

(5) *Слушай! Ты достал. Что ты заладил «не умею, не умею!»* (Запись LiveJournal (2004)) [НКРЯ].

(6) *Но разбросанные вещи меня просто достали, особенно когда я вижу как брюки, футболки и трусы валяются на полу, меня просто дергает* (Наши дети: Подростки (2004)) [НКРЯ].

(7) *Власть «делом» занимается // «Олигархи всех достали»* (Иосиф Гальперин. Власть «делом» занимается (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09). [НКРЯ].

Сопоставление примеров показывает, что привести в состояние раздражения может общение (5), собственные наблюдения (6) и информация о чем-л., что субъекту неприятно (7).

О концептуализации эмоций...

Эксперимент с заменой глагола *довести* на *достать* показывает, что не всегда такая замена возможна: во-первых, глагол *довести* требует заполненной позиции стимула-причины; во-вторых, легче всего такая замена проходит при личных актантах: *ты довел (меня); разбросанные вещи меня просто довели; олигархи всех довели*. При этом не вызывают сомнений в своей уместности фразы *ты достал меня, разбросанные вещи меня просто достали, олигархи всех достали*.

У третьей видовой пары *задолбать / задалбивать* мы должны отметить некоторую стилистическую сниженность. В речи встречаются оба глагола, хотя в НКРЯ на 59 употреблений глагола СВ обнаружилось только 2 примера НСВ. В толковании впервые появляется описание причины наступления отрицательного эмоционального состояния: длительные разговоры и повторы. Можно предположить, что эмоция является следствием коммуникации, некомфортной для одного из участников. Об этом свидетельствуют примеры (8) и (9).

(8) *Он немедленно брал управление съемочной площадкой, задолбывал группу лекциями, похеривал режиссерский замысел, лично чертил, кому где стоять и куда двигатьсяся, наконец, хватал штагу и вгонял в ужас несчастного актера* (Михаил Веллер. Оружейник Тарасюк (1983-1997)) [НКРЯ].

(9) *Валентина, та и вовсе задолбала своими шуточками и намеками* (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)) [НКРЯ].

Во многом причины наступления отрицательного эмоционального состояния совпадают с теми, которые наблюдаются у глагола *достать*: 1) неприятная, настойчиво повторяемая информация (10), 2) наблюдения отрицательно оцениваемых действий или состояний стимула, как в примерах (11), (12).

(10) [Лилия Рэйман, nick] ... реально они его уже *задолбали*, то Куршавелем, то еще чем-нибудь (коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010—2011)) [НКРЯ].

(11) — Слушай, сядь уже, не маячь, *задолбал* своей ходьбой, — сварливо проговорил один из сокамерников (Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)) [НКРЯ].

(12) [sonqka, nick] Своих племянников знаю хорошо они кого угодно *задолбают* своей «ленью» (Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)) [НКРЯ].

Причина может «заключаться» в личном участнике ситуации, но может иметь сверхличностный характер, как в примерах (13) и (14). В примере (13) в качестве субъекта выступает существительное, называющее большое количество людей, в примере (14) — метеорологическое явление. Субъект не может контролировать таких участников, и речь идет даже не о воздействии, а о восприятии экстралингвистических ситуаций, которые считаются тягостными, утомительными, превышающими пределы терпения.

(13) *Как же задолбал меня этот народ-богоносец* (Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013) [НКРЯ].

(14) *Задолбал земной климат? Хочется больше тепла и солнца?* (Саша Грибоедова. Там всегда тепло и солнечно (2003) // «Хулиган», 2003.12.15) [НКРЯ].

Наконец, пример (15) описывает реакцию на неудобство манипуляций самого субъекта с автомобилем. Особенность данного примера в том, что предикат подчиняет себе инфинитив; кроме того, субъект действий, вызывающих негативную оценку и раздражение, и субъект оценки (и раздражения) совпадают.

(15) *<...> задолбало рукой держать крышку, а другой ковыряться, или же пытаться запаску вытащить (лифтбЭк)...* (коллективный. Форум: Реставрация и изготовление агрегатов подвески. ЧП Чулков (2011—2013)) [НКРЯ].

Фразеологизированный предикат *вынести / выносить мозг* сближается в функционировании с проанализированными выше глаголами. Однако он является более универсальным, поскольку допускает и отрицательные, и положительные эмоции.

Авторы «Академического словаря русской фразеологии» [АСРФ 2015] семантизируют эту идиому так: «Выносит мозг *жарг.* 1. (кто-л. кому-л.) Кто-л. бессмысленными долгими, нудными или бессмысленными рассказами, претензиями, нравоучениями, враньем и т.п. приводит субъекта в негативное психическое состояние, характеризующееся заторможенностью и затруднительностью мышления, отрицательными эмоциями и т.п., что осмысляется как изъятие у человека органа, отвечающего за рациональное мышление; 2. (кто-л / что-л. кому-л.) Кто-л. или что-л. приводит субъекта в такое неустойчивое состояние, когда он, не очень контролируя свое поведение, выражает отрицательное отношение к кому-л. или чему-л., причем потеря контроля осмысляется как изъятие у человека органа, отвечающего за рациональное мышление; 3. (что-л. кому-л.) Что-л. приводит к тому, что субъект теряет способность думать и нормально рассуждать, что осмысляется как изъятие у человека органа, отвечающего за рациональное мышление; 4. (что-л. кому-л.) Что-л. доставляет субъекту большое эмоциональное удовольствие что осмысляется как изъятие у человека органа, отвечающего за рациональное мышление, способствующее высвобождению эмоций» [АСРФ 2015: 482—483]. В отличие от АСРФ, Викисловарь описывает только три значения: «1. разг. донимать бессмысленными разговорами, надоедать. 2. разг. навязчиво критиковать, читать нотацию. 3. разг. вводить в транс, изменять сознание, поражать [Викисловарь].

В АСРФ так же, как и в предыдущих толкованиях, не обозначен актант, выраженный существительным в творительном падеже, называющий причину наступления эмоционального состояния. Однако в толковании показано, что грамматическим субъектом может быть одушевленное и личное существительное в первом значении, а также неодушевленное пропозитивное существительное в 2-4 значениях.

Следует отметить, что наличие в конструкции существительного *мозг* важно, поскольку именно он осуществляет контроль субъекта над своим поведением в той или иной ситуации и над ситуацией в целом. Когда же мозг не может осуществлять свою функцию, субъект вынужден подчиняться обстоятельствам, а не направлять их развитие. Достоинством толкования АСРФ является описание коммуникативного и перцептивного типов ситуаций, когда причиной изменения эмоционального состояния является участие в вербальной коммуникации (16) или же восприятие какой-либо ситуации.

О концептуализации эмоций...

(16) *Папа, конечно, вынесет мозг своими нравоучениями, позлится, отберет машину, но это все цветочки по сравнению с перспективой провести здесь еще неделю* (Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)) [НКРЯ].

Пример (17) показывает чувствительность значения к структуре описываемой ситуации. Личный актант может поменять эмоциональное состояние только в негативную сторону, поэтому говорящий добавляет маркер *в хорошем смысле*, чтобы быть правильно понятой.

(17) [Maria Pekarsh, жен] *Вчера привела в свою свежескупленную квартиру дизайнера-архитектора, за 15 мин она мне в хорошем смысле этого слова вынесла весь мозг. Столько идей начала набрасывать, я сама бы и близко ничего подобного не смогла бы родить в своей нетворческой голове* (коллективный. Форум: Нужно ли нанимать дизайнера для ремонта квартиры (2013))[НКРЯ].

Предикат, выраженный идиомой *вынести / выносить мозг* может употребляться в контексте возвратного местоимения, когда субъект и объект совпадают (примеры (18) и (19)). В примере (18) описывается вынужденная ситуация, фразеологизированный предикат употреблен с глаголом *приходиться*, в примере (19) — с модальным глаголом *желать*.

(18) [fenrirka, ник] *В универсе этот пункт даже завуалирован не был, но приходилось сессионными временами так выносить себе мозг, что реально хотелось все послать нафик* (коллективный. Форум: Школа или универ где легче?) (2006)) [НКРЯ].

(19) [chainik, муж] *Я не хочу к этому возвращаться, но и сидеть выносить себе мозг очередной депрессухой и приступами самобичевания, я тоже категорически не желаю* (коллективный. «Веселуха» на 11 тысяч знаков (2015.03.14)) [НКРЯ].

Идиома *вынести / выносить мозг* выделяется из анализируемой нами группы не только тем, что она способна описывать перемену эмоционального состояния от нейтрального к негативному и к позитивному, но и тем, что данное выражение способно образовывать пропозитивный дериват *вынос мозга*, как в примерах (20) и (21). В примере (20) выражена отрицательная, а в примере (21) — положительная оценка стимула.

(20) [zabiiaka, жен] <...> *я разговаривала с мамами девочек, они говорят, что утром начинается вынос мозгов — «я то не одену, одену это...»* (коллективный. Форум: Школьная форма. За и против (2007—2010)) [НКРЯ].

(21) [Bee Tard, ник] <...> *то самое мальчишечье чувство, которое возникало в детстве при просмотре кино и мультов на тему хайтека, роботов, экзоскелетов, механизированных доспехов, да и самого ЖЧ (хотя мультсериал слабоват был). Просто вынос мозга. Всем фанатам Exo Squad, WarHammer40k, самого Iron Man и НФ-технологий вообще* (коллективный. Форум: Железный Человек, Iron Man (2008)) [НКРЯ].

Подведем итоги. В семантике глаголов *довести / доводить, достать / доставать, задолбать / задалбливать*, а также фразеологизированного предиката *вынести / выносить мозг* присутствует сема ‘приведение субъекта в негативное эмоциональное состояние’. Можно выделить три типа причин, приводящих к

перемене эмоционального состояния: ситуации вербальной коммуникации, ситуации восприятия объектов и явлений внеязыковой действительности, а также реакция на полученную информацию. Все глаголы и предикатное выражение способны описывать ситуацию вербальной коммуникации, в которой субъект чувствует себя некомфортно. Глаголы *достать / доставать, задолбать / задалбливать*, а также *вынести / выносить мозг* могут отражать также оценочную реакцию субъекта, связанную с его восприятием действительности. Идиома *вынести / выносить мозг* чувствительна к характеру причины-стимула перемены эмоционального состояния и может выражать и положительную, и отрицательную оценку. Эта же идиома демонстрирует уникальные возможности концептуализации эмоций, поскольку способна образовывать идиоматичный дериват *вынос мозга*, который описывает как перемену эмоционального состояния субъекта от нейтрального к отрицательному, так и к положительному.

Словари

АСРФ 2015 — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. Изд-е 2-ое. М.: ЛЕКСРУС, 2015.

БСРРЭР — Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб: Норинт, 2004.

БТС 2002 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.

Викисловарь // <https://ru.wiktionary.org>.

TCPPPP — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Литература

Апресян В. Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи: сб. ст. / Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Издат. центр РГГУ, 2005. С. 9—30.

Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций// Вопросы языкознания, 1993. №. 3. С. 27—35.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка// Апресян Ю. Д. Избр. Труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 348—388.

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1989.

Борисова Е. Г. О метаязыке для описания эмотивного компонента значения // Эмоции в языке и речи: сборник статей. М.: Издат. центр РГГУ, 2005. С. 119—127.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1996.

Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55—75.

О концептуализации эмоций...

Выготский Л. С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // Выготский Л. С. Собр. Соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1982—984. Т. 6. С. 91—318.

Изард К. Эмоции человека. СПб.: Питер, 2007.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000.

Крылова О. А. Лингвистическая стилистика. Кн. 1. М.: Высшая школа, 2006.

Психология эмоций: Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Московского университета, 1984.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-ое изд. М.: Питер, 2002.

Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М. 2008.

Шаронов И. А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Шаронов И. А. Назад к междометиям // Труды международного семинара «Диалог 2004» по компьютерной лингвистике и её приложениям. М., 2004. С. 600—665.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. (а)

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гно-зис, 2008. (б)

Эмоции в языке и речи: сб. ст. / Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Издат. центр РГГУ, 2005.

Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru/>.

Sajnos и kár, или о выражении сожаления в современном венгерском языке¹

Sajnos and kár: on the expression of regret in the modern Hungarian language

Аннотация

Цель статьи — рассмотрение употребления двух лексических единиц современного венгерского языка, относящихся к семантическому полю РАЗОЧАРОВАНИЕ И СОЖАЛЕНИЕ — *sajnos* ‘к сожалению’ и *kár* ‘жалъ’, сферу их употребления, образуемые с ними устойчивые выражения, сходства и различия в использовании, возможность замещения друг другом.

The aim of this article is to analyse the usage of two lexical items of the modern Hungarian language belonging to the semantic field DISAPPOINTMENT AND REGRET — *sajnos* ‘unfortunately’ and *kár* ‘what a pity’, the ways of their use and collocations, similarities and differences in their usage, as well as possibility of substitution between these two units.

Ключевые слова

Семантика, сочетаемость лексических единиц, эмоции, венгерский язык
Semantics, lexical compatibility, emotions, the Hungarian language

В современном венгерском языке для выражения разочарования, сожаления, недостачи (равно как и ненужного избытка) чего-либо, влекущей плачевное положение лица или предмета, используются нейтральные в стилевом отношении, но тяготеющие к литературной норме лексемы — *sajnos* и *kár*. *Sajnos* переводится на русский язык как ‘к сожалению’ [Венгерско-русский словарь… 1987: 652], ‘к несчастью’, а при сопровождении восклицательным знаком (*Sajnos!*) и как ‘жалъ!’ [Кахана 1959: 608]. Таким образом, лексема *sajnos* способна самостоятельно оформлять эмоционально окрашенное предложение. Слово *kár* переводится на русский язык как ‘ущерб’, ‘убыток’ [Кахана 1959: 326], ‘вред’, а в функции сказуемого — как ‘жалъ, жалю’ [Венгерско-русский словарь… 1987: 349]. Нормативные словари не приводят примера использования *kár* в качестве восклицательного предложения способом, аналогичным *sajnos*, то есть без использования таких бы то ни было сопровождающих его лексем в предложении (**Kár!*).

Таким образом, при самом поверхностном анализе становится видно, что лексемы *sajnos* и *kár* проявляют заметную разницу в употреблении. Разница эта, однако, не разрывает семантической и стилистической общности. Общность их (*sajnos* и *kár*) обусловлена в немалой степени узусом. Они являются, пожалуй, наиболее универсальными средствами выражения отрицательной семантики при сохранении столь важной в венгерском языке *вежливости 3-го лица* (при использовании личных местоимений *ön*, *önök* и *maga*, *maguk*, направленных на собесед-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-012-00736а) в Институте языкоznания РАН.

ника, но грамматически относящихся к 3-му лицу единственного (*ön, maga*) или множественного (*önök, maguk*) числа). Сообщение прискорбных известий, вежливое запрещение, отказ от вещи или поступка, выражение непонимания или неизвестности — всё это можно выразить, прибегая к лексеме *sajnos* или однокоренным ей единицам. При этом говорящий не проявит к собеседнику ни обидного высокомерия, ни вызывающей фамильярности.

Обратимся теперь к возникновению данных лексических единиц: их этимологии и первым свидетельствам появления в истории венгерского языка.

Слово *sajnos* появляется в 1750 году в форме *sajnosan*, обладая сходной семантикой [Benkő 1993: 1298]. Под 1820 годом значится появление более разговорной [Zaicz 2006: 635] формы *sajna* [Benkő 1993: 1298]. Этимологически связано с глаголами *sajnál* и *sajdít, sajdul* с неясной этимологией [Benkő 1993: 1297].

Лексема *kár* появляется в письменном языке очень рано, к XIV в. относятся достоверные случаи использования однокоренного имени прилагательного или наречия, оформленного аффиксом *-is* (современное венгерское *-os*): *Karus*, около 1370 года, и как существительного с падежными аффиксами: *kart* около 1372 г. и далее: *kaarth* (1527 г.) и *karrnekkel* около 1552 г. В документе 1522 г. упоминается использование однокоренного глагола *károsít*, а в документе 1750 г. — наречная форма *károsul*.

Происхождение корня *kár* в венгерском языке связывают с заимствованием из западной ветви южнославянских языков (сербохорватских или словенских диалектов;ср.: хорв., серб. *kvar*; словен. *kvar* со схожей семантикой). Но и в словацких диалектах встречается слово *kár* [Benkő 1993: 692].

Как видно, обе лексемы и связанные с ними однокоренные слова, невзирая на неясное происхождение *sajnos* и заимствование корня *kár* у славяноязычных соседей (?), хорошо освоены венгерским литературным языком и являются полноправными частями лексического минимума современной нормы, что подтверждается их включением в учебные курсы с самого начального уровня (см. [Somos 2000: 133] и др.).

Рассмотрим наиболее часто упоминаемые в лексикографических источниках сочетания с обеими рассматриваемыми лексемами. В качестве образца функционирования лексемы *sajnos* приводится высказывание, в котором говорящий выражает сожаление об отсутствии у него времени на что-либо: *Sajnos, nincs időm* (букв. ‘к сожалению, нет времени моего’). [Венгерско-русский словарь… 1987: 652].

Примером использования *kár* служат выражения: *Milyen kár!, Be kár!* (встречается также *De kár!*) ‘как жаль!’. Эти случаи показательны как примеры употребления лексемы *kár* в качестве сказуемого, при этом слово употреблено в именительном падеже. Кроме того, *kár* часто используется в сопровождении дополнения, оформленного аффиксом причинно-целевого падежа (-ért): *Kár a fáradtságért* ‘не стоит, жаль усилий’, *Kár a munkáért* ‘жаль хлопот, не стоит труда’. Встречается и передача отношения к человеку, вещи: *Kár érte* ‘жаль его’ [Кахана 1959: 326]. Таким образом, при употреблении *kár* в именительном падеже мы имеем дело с выражением сожаления (как правило, это выражение получившего новость адресата речи, оформленной, к примеру, с *sajnos*). В использовании с лексемами, оформленными -ért, речь идет уже о суждении-выводе с философской

оценкой той или иной стороны деятельности, либо об отношении к состоянию лица или предмета (Ср. русское: *Не нужно было...*, *Зря ты...*, однако венгерские эквиваленты звучат менее просторечно, особенно в сравнении со вторым примером). В целом, выражения с использованием *kár* сходны по семантике с ответными выражениями сожаления в славянских и балтийских языках (Ср. рус. *какая жалость*, латыш. *loti žēl*).

Наконец, коснёмся употребления рассматриваемых лексем в ситуативно сниженном узусе — просторечии, жаргоне, ругани.

Kár, среди прочего, передаёт значение *большой стоимости*: *Mennyi a kár? Sok?* [Kövecs 2010: 146] Буквальный перевод этого выражения — ‘Сколько эта жаль? Много?’; с учётом узуса его можно перевести примерно как ‘Скока стоит? Жуть, как много’. *Kár* в данном случае отображает тяжесть совершения предстоящей покупки или вес отдаваемых за неё средств.

Используется *kár* и в положительно-насмешливых высказываниях с оттенком иронии: *Nem kár, hogy valaki elment* ‘не беда, что кто-то вышел’ (ср.: *меньше народу, больше кислороду*); *Saját kárára* ‘на свою беду’ [Феньвеши 2001: 573].

Что касается *sajnos*, то в разговорной речи употребляется однокоренное слово *sajnlákozás*, в сочетании *sajnlákozás kifejezése* (букв. ‘жали выражение’), адекватное русским эвфемистическим крепким выражениям [Феньвеши 2001: 610].

Существует гораздо большее количество устойчивых эмоционально-окрашенных словосочетаний с лексемами *sajnos* и *kár*, а также с их производными и однокоренными. Их исследованию, а также сравнению их с употреблением единиц сходной семантики в других уральских, а также славянских (в первую очередь — словацком и чешском) и балтийских языках будет посвящена наша дальнейшая работа.

Литература

Венгерско-русский словарь: 40 000 слов. 2-е изд., стереотип. Под общей ред. Л. Гальди. М.—Будапешт: Русский язык, Издательство Академии наук Венгрии, 1987.

Гальди Л. Русско-венгерский словарь. Седьмое издание. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987.

Кахана М. Г. Венгерско-русский словарь. Издание третье, переработанное и дополненное; под редакцией проф. К. Е. Майтинской; 35 000 слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959.

Феньвеши И. Русско-венгерский и венгерско-русский словарь сленга. Будапешт: SYCA Kiadó, 2001.

Benkő L. Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Band I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.

Kövecs Z. Magyar szlengszótár. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Változatlan utánnyomás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2010.

Somos B. 1000 szó magyarul. Magyar nyelvkönyv kezdőknek. Második kiadás. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2000.

Zaicz G. Etimológiai szótár. Magyar szavak és toldalékok eredete. Budapest: TINTA Könyvkiadó, 2006.

**Коммуникация
в эмоциональной сфере человека:
экологический и эмоциональный интеллект**
**Communication in the emotional sphere of the person: ecological and
emotional intelligence**

Падение человека влечёт за собой падение языка.

Ральф У. Эмерсон

Падение языка влечёт за собой падение человека.

Иосиф Бродский

Аннотация

Показывается доминирование эмоций и негативной коммуникации в современном социуме. Проведён краткий экскурс в историю лингвистики эмоций. Подчёркивается большое место эмоционального резонирования во всех видах современной коммуникации всех типов, видов и форм. Расшифровывается понятие эмотивной лингвоэкологии как новой научной парадигмы. Раскрывается содержание экологического и эмоционального интеллекта и их роль в успешности современного человека во всех видах его деятельности. Затрагивается проблема энергетики эмоций, разрушающей как язык, так и его пользователя. Ставится задача воспитания у коммуникантов навыков самомознания, саморегуляции, самомотивации и сдерживания своих импульсов для адекватного общения. Подчёркивается общая эмоционализация и экспрессивизация глобального общения. Указывается на необходимость применения новых знаний, полученных лингвистикой эмоций и эмотивной лингвоэкологией, в коммуникативной практике.

The dominance of emotions and negative communication in the modern society is shown. A short excursion into the history of linguistics of emotions is made. Emphasis is put on the place of emotional resonance in all types of modern communication of all forms. The concept of emotional linguecology as a new scientific paradigm is deciphered. The content of ecological and emotional intelligence and their role in the success of modern man in all types of his activity is revealed. The destructive emotion energy problem and its influence, which destroys both the language and its user, are touched upon. The goal to educate the *Homo loquens* by communicative skills of self-knowledge, self-control, self-motivation and containment of their impulses for adequate communication is put forward. The general emotionalization and expressivisation of global communication are stressed on. Pointed out the necessity to apply new knowledge, obtained by linguistics of emotions and emotional linguecology, into communicative practice.

Ключевые слова

Мода на эмоции, дискурсивность эмоции, доминирование негативной коммуникации, эмоциональное резонирование, экологичный / эмоциональный интеллект, коммуникология, лингвистика эмоций, эмотивная лингвоэкология, адаптирующая функция языка (тьюнинг), эмотивный экстрем, эколого-эмотивная компетенция.

Emotions as the order of the day, discursiveness of emotion, dominance of negative communication, emotional resonance, ecological / emotional intelligence, communicology, linguistics of emotions, emotive linguoecology, adaptive function of language (tuning), emotive extreme, ecologo-emotive competence.

Эмоции сегодня в моде. Они охватили все коммуникативное пространство *Homo loquens*: СМИ, политику, бытовое и художественное общение, в том числе подростковое и молодежное. Эмоции явно стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре.

Это объясняется бурными, глобальными событиями в мире, широкими открытыми контактами между народами и все усиливающейся тенденцией к агрессивности в отношениях внутри одной страны и между разными странами: Украина vs. Россия, Россия и Ирак vs. ИГИЛ, и др. и между отдельными людьми и группами людей [Шаронов 2004; Волкова 2014].

Кроме этого, беспрерывное проявление эмоций объясняется и общим, глобальным эмоциональным раскрепощением человека, который перестал бояться открыто проявлять свои эмоции в обществе. Достаточно назвать интернет-информацию А. Навального «Он нам не Димон», протестные акции 6 мая «Он нам не Царь», а также довольно откровенно оппозиционные передачи «Эхо Москвы», «Дождь», «Медуза», статьи в таких печатных СМИ, как «Независимая газета», «РБК», «Советская Россия» и др., протесты подмосковных жителей против мусорных полигонов и мусорных баронов.

Теперь уже является общепризнанным такой вид коммуникации, как эмоциональная коммуникация, и такие речевые акты, как эмотивные.

Остававшееся долгое время авторитетным мнение Э. Сепира о том, что эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики (поскольку они не являются составляющими семантики слова и потому не присущи самому слову) и что лингвисты отказываются терпеть эмоции в своих исследованиях [Sapir 1921: 39—42], сегодня является устаревшим, так как не соответствуют действительному состоянию науки о языке. Уже не оспаривается тот факт, что эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения. Фактически *Homo loquens* является *Homo sentiens*, так как люди в своем общении друг с другом не могут обойтись без эмоций. Коммуникативный успех, счастье, радость возможны только при условии адекватного общения людей друг с другом. Именно этим объясняется тот факт, что в многочисленных научных исследованиях специально или попутно затрагиваются вопросы теории и семиотики эмоций, их

концептуализации и вербализации, а в последние годы по причине психолого-социального дискомфорта в обществе и девербализации общения [Клушина 2014].

Ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестиации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Какие знания являются достоянием современной эмотиологии? Определенная эмоция всегда вызывается какой-нибудь специфичной и абстрактной ситуацией, которую мы называем типовой ситуацией (категориальной). Например, эмоция страха обусловлена предвосхищением какого-либо зла (часто неопределенного, но часто заранее известного и ожидаемого), так как эта эмоция может причинить горе или разрушение. А эмоциональная категориальная ситуация (далее — КЭС) тревоги связана с неопределенным злом и непредвиденными ожиданиями опасности, которые нельзя просчитать. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, любая несправедливость вызывает гнев, предательство может вызвать ярость и т. д. Каждый это знает и может ожидать вслед за своим поступком соответствующую эмоцию.

Все КЭС градуированы, и знание теории эмоций [Шаховский 2004; 2006, 2009] позволяет говорящему манипулировать (моделировать топосы своей вербалики) и снижать или усиливать силу моделированной или вызываемой эмоции, так как это знание позволяет говорящему предвидеть эмоциональную реакцию своего партнера.

Лингводидакты также должны знать, что любая речевая интерпретация изначально имеет явный или скрытый эмоциональный заряд, который основан на эмоции интереса (выгодно / невыгодно; удобно / неудобно; нравственно / безнравственно). Эмоции *Homo loquens* выполняют функцию катализатора его креативной способности. Эти способности зависят от эмоционального состояния человека, которые обусловливают его эмоциональный резонанс (резонирование) на различные события, происходящие с ним или другими представителями социума, и мотивируют порождение эмотивных знаков для вербализации многочисленных новых контекстуальных понятий: *ампутация совести, лжепатриоты, лица в масках, положить лицом на асфальт, говорящие головы, оранжевая революция, розовая революция, печальный груз, ходячие удобрения, СМИисители* и др. Создание таких понятий начинается с восстановления эмоциональных следов памяти языковой личности, связанных с ее предыдущим индивидуальным и/или видовым эмоциональным опытом. Эти следы восстанавливаются в виде образов, хранящихся в эмоциональной памяти, и открывают новые эмоциональные валентности языковых единиц, согласующиеся с новой эмоциональной ситуацией при перенесении в нее прошлого опыта. При этом

автоматический поиск эмоционального резонанса, который отбирает и распределяет в эмоциональной памяти различные образы, не переходит определенных универсальных порогов распознавания, благодаря чему вербализация и понимание эмоционального резонирования адекватно для всех коммуникантов данного языкового сообщества. Отсюда — огромная роль ассоциации и коннотации хранящихся в эмоциональной памяти социума и его индивидуумов: «Курск», «Норд-Ост», «Беслан» — семиотические знаки, межпоколенно транслируемые через ассоциации и коннотации как «Кривое горе» [Эткинд 2018]. Эти события прошлого резонируют и воспроизводятся снова и снова через такие провокативные события как гибель русских парней в Луганске и Донецке, в Сирии, в авиакатастрофах с военным ансаблем песни и пляски имени Александрова, с гибелюю детей в «Хромой Лошади», «Зимней Вишне», в гибели людей при череде пожаров в детских домах и домах престарелых. Эта череда несчастий как причина некомпетентности и безответственности чиновников-управленцев всех уровней власти.

Такие события и их жертвы не могут не вызывать возмущения, негодования, ненависть (не зря журналисты всё время пишут об *атмосфере ненависти*, которая формируется в их Доме бытия). Отсюда и их резонирование в акциях протesta — вербальных, акциональных (реальных) и виртуальных, т.е. через интернет: его блоги, посты/репосты, твиты/ретвиты, сайты, баттлы, чаты, мессенджеры/киссенджеры, социальные сети, форумы, на которых пользователи посылают свои самые откровенные, ничем не сдерживаемые, зачастую абсценные комментарии, которые являются одной из форм эмоционального резонирования, т.е. реакции на различные события, факты, высказывания.

Не зря интернет ориентировано с 2007 по 2015 гг. сформировался как специфическое СМИ и получил официальное признание. Особое место среди резонирующих средств интернет-коммуникации занимают так называемые непечатные СМИ, которых становится всё больше и больше, и не только по политическим, но и по экономическим причинам. Так, например, «Комсомольская правда» и «Дилетант» с недавних пор выпускаются преимущественно в электронном виде.

Приведу конкретный образец креативного журналистского словотворчества, как пример эмоционального резонирования конкретного неприятного для всего социума события. Так, восприятие слова *ампутация* основывается на рациональном видовом знании, которое первоначально возникает в сознании человека, но затем (в случае имеющегося личностного опыта) сопровождается эмоциональным знанием / опытом / переживанием. События в Челябинском курсантском училище и их воспроизведение в памяти российских рядовых коммуникантов являются основой для адекватного восприятия ими авторского сочетания *ампутация совести*: при сочетании слова *ампутация* (ног у курсанта Сычова) со словом *совесть* (*ампутация совести*) возникает новое контекстуальное эмоционально окрашенное понятие армейской действительности. Эмоциональный резонанс, вызываемый таким словосочетанием и выраженным в нем понятием, оказывается шокирующим: из двух нейтральных слов, соединенных в один композит благодаря

вскрывшимся эмоциональным валентностям и особому дискурсу создано новое эмоциональное понятие и новый эмоциональный образ — эндосепт, который еще долго будет выполнять роль эмоционального резонатора в русском коммуникативном пространстве. И оно всегда будет иметь вполне определенный и денотат и референт — ответственные по закону за этот инцидент, но оставшиеся безответственными, благодаря денотату-дискурсу существующих в армейском социуме норм.

Со временем интенсивность эмоционального резонирования может затухать и стираться в памяти *Homo sentiens*, но время от времени этот эндосепт будет активироваться одновременно с активацией этого концепта. Эндосепт посыпает активирующую волну, которая имеет подсознательную природу и не управляема *ratio* человека. Эта активирующая волна может войти в резонанс с эмоционально близкими ему эндосептами: «*Курск*», «*Норд-ост*», *дедовщина, ракета в огороде, осиротельные родители* и др.

Французский лингвист К. Муширу (C. Mouchiroud) выдвигает гипотезу о том, что активирующая волна эндосептов распространяется глобально, но по заранее предусмотренным маршрутам ассоциативных и когнитивных сетей, уже имеющихся в опыте человека, а иногда и *a priori* (доопытно) по семантическому типу [Mouchiroud 2000]. По мнению К. Кербрат-Ореккьони (C. Kerbrat-Orecchioni), место эмоций в лингвистике XX—XXI вв. минимально, т. к. проблема выражения эмоций не является основной [Kerbrat-Orecchioni 2000]. Да, этот автор прав, что язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для их межпоколенной трансляции. Но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями, и потому не могут не учитываться лингвистикой. Вышеприведенный автор, видимо, опирается на давно устаревшее мнение Э. Сепира, который считал язык инстинктивным средством. По Э. Сепиру, «образование идеи для языка имеет большее значение, чем проявление воли и эмоции». Мы не можем согласиться с этим мнением, поскольку в человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональное. Об этом же писали в свое время и Ш. Балли, и Э. Станкевич, и Д. Гоулман, и Э. Стивенсон, да и сам Э. Сепир в своих работах попутно признает, что эмоции могут быть выражены языком. К. Кербрат-Ореккьони признает, что эмоции могут быть выражены и телом, и в этом можно согласиться с автором, как и в том, что эмоции субъективны и «подкрашивают» действительность [Kerbrat-Orecchioni 2000]. Но, по мнению данного исследователя, и эмоции, и язык, и тело являются неизменными формами демонстрации всего лишь инстинктов, присущих животным, поэтому они не могут быть рассмотрены как культурный концепт языка. С этим мнением современная лингвистика, в частности лингвокультурология и психолингвистика, согласиться уже не может. В том, что эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения, уже мало кто сомневается. Именно поэтому успешно разрабатываются проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной/эмотивной лакунарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

Признавая, что большинство слов во всех языках имеет эмоциональную составляющую, которая является результатом удовольствия или боли, некоторые французские лингвисты продолжают, однако, утверждать, что эта составляющая не входит в семантику слова, а представляет собой нарости, ассоциацию, входящую в концептуальное ядро. Это мнение противоречит достижению отечественных психолингвистов, по мнению которых деление словарного состава языка на эмоциональный и нейтральный неоправданно, поскольку любое слово дискурсивно и может быть эмоционально заряженным. Напомню так же уже всеми *a priori* признаваемый факт, что мы говорим и чувствуем одновременно, а также приведу мнение Ф. Данеша о том, что «emotions and cognition go hand in hand» [Daneš 1987].

С 80-х гг. прошлого столетия в мировой лингвистике активно развивается эмотиология (лингвистика эмоций): написаны сотни монографий и диссертаций об эмотивности языка, о роли эмоций в языковом поведении человека, об эмоциональной языковой личности — *Homo sentiens*, об эмоциональных концептах см. [Ионова 2013; Красавский 2001; Солодовникова 2008; Сребрянская 2008; Штеба 2012] и др.

Еще Ш. Балли интересовал вопрос, откуда возникла эмоция. Исходит ли она из слов и оборотов или идет от личности, которая произносит фразы, в самом языке существует эмоция или в сознании говорящего, зависит ли от обстоятельств произнесения речи, от ситуации? По мнению Ш. Балли, эмоциональные компоненты существуют на всех этих уровнях, что подтверждается современной лингвистикой эмоций.

Чрезвычайно интересным для современной лингвистики эмоций является утверждение о том, что чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет [Балли 1961: 81]. Это мнение Ш. Балли нетрудно оспорить с позиции современной коммуникативистики. В эмоциональном типе коммуникации в эмотивных речевых актах эмоциональные знаки несут (выражают) вершинные смыслы именно потому, что они остаются лингвистическими (см., например, междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные, восклицания, инвективы и т.п. — *wow*, *hype*, и др. модные современники). Заявление Ш. Балли: «Чем больше знак лингвистичен, тем больше эмоциональности он теряет», — требует экспериментальной проверки, поскольку все зависит от дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов. Если Ш. Балли имел в виду дискурсивное и индивидуальное употребление лингвистического языкового знака, то можно с ним согласиться. Однако его противопоставление лингвистичности и эмоциональности языковых знаков с позиции современной психолингвистики представляется ошибочным. Повторю: с точки зрения психолингвистики семантика всех слов ингерентно или адгерентно всегда эмоционально нагружена.

Напомню, что аналогичные противопоставления делал и Р. Якобсон, выделяя знаки, выполняющие экспрессивную (междометия) и, в противопоставлении, репрезентативную функции [Якобсон 1975]. Как

отдельные функции языка эти две функции действительно имеют место. Но в речевой деятельности, особенно в художественной, репрезентативные знаки могут выполнять экспрессивную функцию, поэтому такое деление с позиции лингвистики эмоций является условным.

Лингвистика эмоций своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов (М. Бреаль, К. Бюлер, Джоас, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли, В.А. Звягинцев, Л. Блумфилд и др.) о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. Все ученые расходились в решении этого вопроса. Часть из них считала, что доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали эмоциональную компоненту из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) выражение эмоций считала центральной функцией языка. Современно звучит мысль М. Бреяля о том, что речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых рассуждений, а для того, чтобы выражать желание, делать предписания, а все это не может быть произведено без эмоционального сопровождения [Bréal 1897] (ср. с вышеприведенным мнением Р. Якобсона).

Сегодня практически определено содержание термина «коннотация» [Телия 1986], под которой понимаются все дополнительные к значению оценки, и установлено, что эмоциональные коннотации являются частью этих оценок. Стало общепризнанным положение о том, что любое слово может быть нагружено эмоциональными коннотациями, и собственные исследования автора многократно подтверждают этот факт. По нашему мнению, эмотивность может быть коннотативной, а под «коннотацией» наряду с поликомпонентностью можно понимать и монокомпонентность, т. е. коннотация и есть только эмотивность [Шаховский 2008а]. Эмоции представляют собой разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика и грамматика также пронизаны эмоциональностью. Так, фонетика эмоций включает эмоциональную интонацию, которая имеет не только коммуникативную, но и эмоциональную функцию. Известно, что интонация культурноносна и эксплицирует образованность и воспитанность говорящих. Она выражает все оттенки настроений и эмоциональных состояний. Интонация является носителем коммуникативных смыслов и средством психологического воздействия на человека. С ее помощью возможно создание образов. Не вызывает никакого сомнения, что идентификация нации происходит через язык и через национальные интонации (ср. интонацию китайской и русской речи, испанскую и грузинскую, украинскую и итальянскую интонации). Аргументом этого тезиса являются и меняющиеся интонации российских телеведущих под влиянием, например, американской речевой нормы (интонационной и произносительной, а также скорость и громкость их говорения значительно увеличены).

В этом же смысле (наряду с лексикой эмоций и эмоциональной интонацией) следует говорить о грамматике эмоций. Под грамматикой эмоций понимается эмоциональный синтаксис и эмоциональная морфология (аффиксация,

грамматические формы слов в тексте, а также специфические синтаксические структуры).

Эмоции пронизывают всю коммуникативную и поведенческую деятельность человека с момента его рождения до ухода из жизни: эмотивность языка охватывает пространство от первого неосознаваемого крика ребенка до разных видов сознательного использования эмоций в речи взрослого человека, она касается выражения эмоций, их описания и обозначения в языке и речи.

Вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает все типовые КЭС, вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека (а также девербализацию эмоций), способы, средства и типы коммуникации эмоций. В ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования (резонирования). Л. Н. Толстой считал, что основной функцией беллетристики является эмоциональное воспитание читателей [Жданов 1993]. А У. Эко утверждал, что именно благодаря эмоциональному содержанию художественного произведения оно провоцирует соответствующие эмоции у читателя [Eco 1979: 19—20; 133—140; 208]. Эмоции читателя, комбинируясь с эмоциями автора произведения и всех его персонажей, формируют суммативное единое эмоциональное поле. С этих позиций каждый читатель является индивидуальным и совокупным соавтором данного художественного произведения, а суммативное эмоциональное поле является креативным фактором с огромной силой эмоционального притяжения, которому трудно сопротивляться.

Аналогично, эмоциональное пространство человека как члена определенного социума, который так же проецирует свои эмоции на конкретного индивида и на других его индивидов, формирует единое социально-эмоциональное поле, внутри которого всё же возможна эмоциональная борьба в виде эмоционального резонирования, сопротивляющегося другим резонированием. Что мы и наблюдаем в настоящее время в эмоциональной интернет-коммуникации, а также между правительственными и неправительственными печатными и непечатными СМИ.

В этом плане вся художественная литература является бесценным учебником по воспитанию культуры эмоционального общения *Homo sentiens*. Результатом такого обучения является совершенствование эмоциональной/эмотивной компетенции, воспитание эмоциональной толерантности в межличностном, групповом и межкультурном общении, а также адекватное следование социализированным ритуалам эмоционального общения. Примером такого ритуала являются, например, формы вежливости в разных национальных культурах (ср.: английскую вежливость (*Sorry! Excuse me!*) с американской облигаторной социальной улыбкой, политкорректностью и с японской улыбкой на похоронах). Проблема вежливости как аспекта эмоционального поведения уже давно успешно разрабатывается [Ларина 2009]; с недавних пор лингвистику, и в первую очередь экологическую, стали интересовать проблемы невежливой коммуникации [Леонтьев 2016].

В этом смысле проблематичен вопрос, являются ли сконфуженность и стыдливость компонентами вежливости. Есть мнение, что вежливость и эмоциональность — две противоположные категории, что вызывает сомнение и требует специального исследования. Аргументом в пользу последнего является то, что вежливость противоестественна, а эмоция скорее естественна. Мнение о том, что вежливость является социальным, а значит принудительным, ритуалом, не вызывает никакого сомнения. Другое дело — в разных социумах этот ритуал может иметь разную семиотику, разную степень воспитанности и автоматизма, неконтролируемости. Поэтому в современной лингвистике и в эмотивной лингвоэкологии эмоции рассматриваются в аспекте семиотики и коммуникации, т. е. как опыт не отдельно взятого субъекта, а межсубъектный опыт, введенный в процесс коммуникации и маркируемый специальными вербальными / невербальными знаками [Эмотивная лингвоэкология... 2013].

Работы по коммуникативистике сегодня уже не обходятся без обсуждения вопроса о значении эмоций в речи, потому что выражение эмоций означает адаптацию к психологическому образу собеседника и к коммуникативной ситуации вообще [Матяш, Погольша, Казаринова, Биби, Зарицкая 2011]. Данная коллективная монография фактически является новейшей энциклопедией всей совокупности современных знаний у различных типов коммуникации, включая эмоциональную. В многочисленных работах А. Вежбицкой впервые было проведено изучение и описание разноцветной палитры одних и тех же эмоций в разных национальных культурах, различие которых всегда приводит к значительным помехам в межкультурной коммуникации (как в естественной, так и в художественной, т.е. при чтении оригинальной литературы) [Wierzbicka 1999]. Как уже неоднократно отмечалось в литературе по цветным эмоциям, цвет стекла (культуры), сквозь призму которого та или иная эмоция рассматривается, влияет не только на интерпретации чувств исследователя, но и на непосредственное качество их восприятия. Отсюда возникает чрезвычайно актуальная для коммуникации эмоций проблема изучения и картирования эмотиологии конкретной лингвокультуры. Мы уверены, что это будет одной из проблем футурологической лингвистики. Тенденция в современной коммуникативистике уже подтверждает этот прогноз. Так, например, стало известно, во-первых, что различные сообщества пользуются не одним и тем же набором знаков для выражения своих эмоций; во-вторых, что эти знаки маркируют различные «коммуникативные жанры». Нормы эмоциональной экспрессивности варьируются в разных культурах и в зависимости от ситуации (ср.: приватная / душевная / интимная) беседа и публичное выступление).

Все большее количество теоретиков языка, обращаясь к проблемам эмоциональной коммуникации, сходятся в едином мнении о том, что эмоции ставят перед лингвистикой важные проблемы и своим «скользким» характером бросают ей серьезный вызов. Действительно, в сфере этой проблемы много неопределенного: расплывчатые категории, полиморфные понятия и неопределенные маркеры. До сих пор не определено понятие поля аффективности, а, следовательно, и понятие аффектива. Отмечается фантастическое разнообразие средств, которыми

обладает эмоциональная речь, что позволяет говорить о полистатусном характере категории эмотивности языка. Нет строгого разграничения между *ratio* и *emotio*. В литературе уже отмечалось, что цифры заставляют рассуждать, и они же разбивают сердца. Любое высказывание вызывает у нас определенные эмоции, а это значит, что эмоции проникают во все уровни и стили системы языка, однако пока невозможно установить точного соответствия между эмотивными высказываниями и их интерпретациями, дифференцировать эмоциогенный и эмотивный тексты. Получается, что границы эмоциональной сферы человека неопределенны, так как безграничны. Они сравнимы с горизонтом, который никогда не достичим. А, следовательно, и эмоции как объект изучения тоже не имеют пределов и знания о них бесконечны. Но, учитывая их наиважнейшую роль в течение всей жизни человека и всего человечества, наука должна их познавать, т.к. они являются самой важной средой обитания человека.

Одной из проблем коммуникации эмоций, до сих пор не получавшей должного внимания ни в лингвистике, ни в филологической герменевтике, является проблема эмоционального понимания и понимания эмоционального. До сих пор недостаточно изучено соотношение между когнитивным, психологическим и лингвистическим уровнями эмоциональности говорящего. Известно, что взъятованная речь не обязательно волнует, и наоборот, неэмоциональная речь может сильно волновать слушателя; что выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают. Их асимметрия имеет разные варианты:

- а) эмоцию можно испытывать, но не выражать;
- б) можно выражать эмоцию, не испытывая ее;
- в) можно выражать эмоцию, отличную от той, которую испытывают.

Некоторые способы аргументации также являются знаками выражаемой эмоции, т. е. можно говорить об эмоциональном типе аргументации или об эмоциях как форме/способе аргументации. Это тоже часть лингвистики и семиотики эмоций, которая требует самостоятельного исследования на материале разных языков.

И это далеко не все, что еще следует исследовать лингвистике эмоций в эмоциональной сфере человека. Лингвисты давно уже ушли от начала разработки концепции эмоций, но не пришли еще к созданию единой и непротиворечивой теории, хотя для этого отечественными и зарубежными лингвистами делается очень много (см., например, один из вариантов Лингвистической теории эмоций: [Шаховский 2008а]). Полагаем, что коммуникативная парадигма современной лингвистики позволит ускорить разработку такой теории.

Повторим: единство семиотики, теории и этики эмоций (трех систем) и их реализация в конкретной КЭС позволяют всем коммуникантам однозначно интерпретировать переживаемую и выражаемую эмоции. Знание этого единства вооружает речевых партнеров знаниями механизмов порождения/выражения/вызываания эмоций, опознания их соматики. В условиях социума эмоциональные процессы между людьми имеют коммуникативную функцию, они имеют движущее начало: соматическое, ментальное, вербальное, поведенческое. Большую коммуникативную эффективность имеют эмотивные маркеры:

междометия, уменьшительно-ласкательные суффиксы и усиливательные обороты в речи и в эмоциональном дискурсе, важные для правильного восприятия эмоций в реальной и художественной коммуникации и составляющие основу семиотики эмоций. При этом определяющее значение приобретает умение ориентироваться в КЭС, знание топосов, вызывающих определенные эмоции, которое составляет существенную часть теории эмоций. Одно поведение вызывает такую реакцию, а иное — другую и всё это множится на многообразии индивидуальностей коммуникативных партнёров. Бывают неожиданные, непредвиденные реакции на определенные ситуации, знание и прогнозирование их тоже входит в теорию эмоций.

Вопросы лингвистики эмоций согласуются с информационной теорией эмоций П. М. Симонова [Симонов 1970], согласно которой неизвестность, отсутствие соответствующей информации о предстоящем событии и его последствиях всегда вызывает у человека страх, беспокойство или даже ужас. Получение ожидаемой информации, даже если она отрицательная, снижает интенсивность этих эмоций, что отражается и в вербальном поведении человека, и тогда можно говорить о взаимодействии теории и семиотики эмоций. Именно семиотика кинетических и соматических эмоций позволяет коммуникантам однозначно считывать, например, страх или радость «с лица друг друга» так же, как и однозначно семантизировать вербальные знаки эмоций (аффективы и коннотативы). Каждой эмоции соответствует своя теловая семиотика. Эти симптомы типичны (и потому семиотичны) и одинаково понимаются всеми, даже в случае, когда они индивидуальны. Именно лингвистическое выражение эмоции делает ее эксплицитной, внешне доступной для понимания. Окончательный вывод о выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации. Поэтому можно утверждать, что все эмоции дискурсивны, и с этой точки зрения — говорить о дискурсивном эмоциональном мышлении. Вербалика + невербалика + ситуация, как правило, делают понятной выражаемую эмоцию для наблюдателя и для партнера по коммуникации.

Эмоциональная сфера современного человека по сути дела является средой его обитания с ежедневным и многократным эмоциональным травмированием всех его рецепторов. Справедливости ради отмечу, что, конечно же, есть и позитивные новости, но их значительно меньше. Невозможно забыть ни днем, ни ночью: «Курск»; «Норд-Ост»; Беслан; «Хромая лошадь»; «Зимняя вишня»; сбитый «боинг»; Донецк; Луганск; Крым (*«Крымнаши»*); война в Сирии; убийства журналистов, чекистов, дипломатов; заказные убийства и серийные убийства; зелёнка (в лицо); моча (в музее, в пробирке, в трусах спортсменки); мельдоний; пожары в детских домах, домах инвалидов; расстрелы в школах; издевательства над учителями, домашними животными; жестокость малолетних школьниц; харассмент; драки в Думе, на тв-программах; мат Жириновского; ложь чиновников всех уровней; сцены жестокости и насилия в кинофильмах, ТВ, на театральных подмостках; домашнее насилие... и мн. др. Перечисление эксцедентов и инцидентов можно продолжать бесконечно. И весь этот негатив не может не воздействовать на чувственную сферу человека и не вызывать ответные реакции — их резониро-

вание в различных формах: вербальных, авербальных, акциональных. Зачастую резонирование этих событий обывателем происходит в грубой, вульгарной форме, что может приводить к падению нравственности человека, а также к осквернению (падению) языка: падение человека неизменно связано с падением языка.

Такое резонирование я называю неэкологичным, что в свою очередь вызывает ответное неэкологичное резонирование и так до дурной бесконечности, приводящей иногда к убийствам. Подобное реагирование *Homo sapiens*, которая деформируется как языковая личность, объясняется отсутствием всяческой воспитательной работы на всех периодах жизни человека и отсутствием соответствующего нравственного камертонов в сегодняшнем социуме, опущением всех этических шлюзов, казнокрадством, взяточничеством, обязательной ненаказуемостью и безответственностью чиновников (не зря большинство сегодняшних выпускников школ хотят, согласно опросам социологов, быть чиновниками). Нигде, ни в каких институтах власти, всерьёз не ставится вопрос об экологическом сознании / мышлении / интеллекте / поведении. Никто не говорит об экологичности этики / вежливости / невежливости, кроме отдельных лингвистов, а процессы экологизации общения людей напрямую связаны с адаптивной функцией языка. А между тем, экологическая компонента является неотъемлемой частью коммуникативной компетентности [Шаховский 2018: 54–79].

Среди различных функций языка эмоций его адаптирующая функция является наиболее коммуникативно значимой.

Когда люди общаются, они транслируют друг на друга своё миропонимание в образах и картинках и индуцируют соответствующие образы-картинки у своих коммуникативных партнеров. Естественно, что эти образы-картинки эмоционально окрашены. Их эмоциональность более голограммична, чем эмоциональность слов. Следует иметь ввиду и такой фактор как индивидуальные инообразы, без понимания которого общение очень затруднительно и может быть провальным. Степень аппроксимации образных голограмм речевых партнёров также влияет на успешность верbalной и авербальной коммуникации. Адаптирующая роль языка в общении соотносится с его тьюнинг-функцией. Приспособление (настройка/тьюнинг) речевых партнеров друг к другу в pragматических целях приводит к взаимному коммуникативному успеху, поскольку их языковая адаптация к коммуникативному стилю друг друга формирует у них общий эмоционально-координационный центр и делает их общение гармоничным. Адаптация и тьюнинг соответствуют принципу кооперативности эмоционального общения. Нередко такая настройка/адаптация/тьюнинг начинается на коммуникативном уровне, на котором происходит «снятие эмоциональных проб» речевых партнеров друг с друга.

В эмоциональной коммуникации особенно релевантным является осознание различия между эмоциональной прагматикой говорящего (инициальная интенция) и эмоциональной прагматикой слушающего (терминальная интенция).

Практика эмоциональной коммуникации, как реальной, так и художественной, показывает, что адаптация (тьюнинг) практически невозможна

в условиях эмотивной экстремальности: адресат не успевает рационально среагировать, инстинктивно включает защитные механизмы, в том числе, речевые и телесные, и поэтому зачастую реагирует неадекватно. В таком общении наблюдаются истерики, срыва, бурная «канализация» эмоций с использованием инвективов. Такой вид общения происходит в категориальных эмоциональных ситуациях конфликтного типа, когда агрессия обоих коммуникантов (или больших групп / народов) не подчиняется разуму, интеллекту и осуществляется только на инстинктивном уровне самозащиты или мести. Такое общение является деструктивным, включающим и коммуникативный садизм [Волкова 2014].

Нередко такое общение называют виндиктивным дискурсом, для которого характерны следующие эмоциональные маркеры: отчаяние, ненависть, отвращение, ужас, страх, бешенство, ярость. Эмотивный экстремизм реализуется с помощью языка. Его причиной является ответная психическая реакция на сильный эмоциональный раздражитель социума или конкретного коммуниканта.

В разных языковых культурах существуют различные правила социального подавления эмотивного экстремизма, однако можно назвать и наиболее универсальные способы егонейтрализации. В эмоциональной коммуникации исключительно важно знание коммуникативного правила «психологического айкидо» — сознательного эмоционального отступления, тактического согласия даже с оскорбительным высказыванием. Применение такого правила в эмоциональной ситуации укорачивает или снимает её конфликтность. Не менее эффективными являются правила снятия эмоционального экстремизма при помощи вежливых, эвфемистических, смягчительных громоотводов — средств митигации: скромность, вежливость, толерантность, искренность и др.

Во всех формах межкультурного внутриязыкового общения важное место занимает эмоциональный хронотоп: место и время эмотивного экстремума, и его интенсивность корректируются фактором адресата. В частности, это может корректироваться эмоциональным индексом и эмоциональным интеллектом человека говорящего (*Homo sentiens*) или их отсутствием (в случае эмоциональной тупости адресата или сознательной эмоциональной интенции «стоять на смерть и не поддаваться», как это показано на примере Стриклена — персонажа романа С.Моэма «Луна и грош»). Хронотопно маркировано и то, как говорят о своих / чужих эмоциях разные языковые личности, принадлежащие к одной или разным языковым культурам. Примером может служить особое использование инвектив опричниками Ивана Грозного и роль современных инвектив в речи «новых и новейших русских», некоторых телеведущих и российских политиков всех эшелонов власти как средства выдвижения их эмоционального состояния на публику; примеры см. в [Шаховский 2016].

Хотя лингвисты утверждают, что люди общаются не словами, а картинками, однако картинки они создают друг у друга всё-таки с помощью слов и их сплетений. Эти сплетения сопровождаются в различных видах общения эмоциональностью различной яркости. На уровне простого наблюдения эти различия очевидны, общезвестно, что к своим собственным переживаниям мы более чувственны, чем к чужим, и вербализуем их более дифференцированно,

красочно и болезненно. Психологами установлено, что вербальная коммуникация эмоций (выброс эмоций через вербалику) снижает эмоциональное напряжение коммуниканта или смягчает его. Такой выброс может менять эмоциональный вектор коммуниканта даже на противоположный.

Всё это говорит о громадном прагматическом потенциале самого процесса коммуникации эмоций и о тяге *Homo loquens* к эмоциональному общению.

Противоположным примером является нижеизложенный: в эмоциональной ситуации фашистского концлагеря находятся отец и его маленький сын. Отца ожидает неминуемая смерть, но он скрывает это от своего сына, скрывает всю серьёзность ситуации. Он придумал игру, для того чтобы пощадить чувства своего мальчика, и изображает перед ним большую радость и счастье от того, что они попали в такое чудесное место на земле. Отец был всегда в присутствии мальчика весел, жизнерадостен, счастлив и превратил их нахождение в концлагере в веселую, увлекательную игру. Имитирование радостных эмоций отцом было настолько искусно-естественно на протяжении длительного времени, что мальчик уверовал в их прекрасную жизнь. В эту свою игру отец включал веселые, теплые, радостные слова, такую же интонацию, мимику и жестикуляцию, и этим включил своего сына в радостную перспективу их жизни в концлагере, создав особую лингвистическую реальность (видеофильм «Жизнь прекрасна»).

Адекватное вербальное и невербальное поведение человека, умеющего завуалировать собственные эмоции и переживания и сымитировать те, которые являются более прагматичными в данной ситуации по отношению к данному адресату, свидетельствует о его высокой эмотивной / эмоциональной компетенции [Гоулман 2013], об умении менять вектор эмоции в конкретном дискурсе. Эта компетенция отчасти дана человеку от рождения, на инстинктивном уровне, но большая ее доля формируется вместе с опытом эмоционального общения в социальной эмоциональной сфере: как подражание эмоциям персонажей художественной литературы, как закрепление опыта поведения в эмоциональных ситуациях реальной коммуникации, как навыки, которые можно получить в обучающей коммуникации в виде правил и приемов эмоционального взаимодействия и, прежде всего, правильное пользование адаптирующей функцией языка.

Ниже приведу основные компоненты, составляющие эмоциональный интеллект человека. Но прежде напомню открытие Д. Гоулмана о том, что IQ недостаточен для успешности человека в жизни. Для этого необходим эмоциональный интеллект(EQ): даже при высоком IQ, но при отсутствии EQ, человек менее успешен, чем при высоком EQ. Исходя из этого открытия, во всех образовательных учреждениях необходимо соответствующее тестирование и проведение соответствующей воспитательной работы по повышению EQ каждого человека, который хочет быть успешным в жизни. Это возможно через научающую коммуникацию и через специальный тренинг: здесь как нигде необходимо единство когниции и эмоции.

Согласно Д. Гоулману основными компонентами, составляющими EQ человека, являются:

1. *Самосознание* — способность человека распознать своё чувство, как оно действительно происходит. Так, например, по Д. Гоулману человек может не сразу заметить своё собственное раздражение и очень удивится, когда ему об этом скажут. Осознав своё раздражение, человек может его изменить, если он знает, как это сделать. Эмоциональное самосознание это способность избавиться от плохого настроения.

2. *Самоуправление* своим настроением. Часто люди себя плохо контролируют и не скрывают своё плохое / хорошее настроение. Имеются специальные психологические исследования по самоизменению стратегии плохого настроения. Самое сложное качество плохого настроения — ярость, от которого избавиться бывает невозможно, и именно в состоянии ярости люди теряют контроль над собой и совершают серьёзные преступления. В своей монографии автор даёт много ценных рекомендаций по самоуправлению своими бурными негативными эмоциями, их регуляции.

3. *Самомотивация*. Положительная мотивация — смесь энтузиазма, усердия и уверенности — является первостепенной для успеха. Пессимист отличается от оптимиста тем, что пессимист склонен интерпретировать отказ, имея в виду «Я неудачник». Оптимисты же говорят себе «Надо найти правильный подход». И, как правило, они его обязательно находят, так как они себя правильно смотивировали. Главным для самомотивации оптимиста является уверенность в том, что в его неудаче виноват не он, а ситуация, которую надо менять и всё получится. Надо научиться ловить свои плохие мысли, пересматривать их в менее катастрофическом аспекте (во всём плохом есть много хорошего, на котором и надо делать акцент).

4. *Контроль импульса*. Д. Гоулман считает, что сущностью эмоциональной саморегуляции является способность откладывать импульс в пользу достижения. Когда человек сталкивается лицом к лицу с соблазном, он должен сам себе напомнить, что успех сразу не приходит и его надо терпеливо и настойчиво ждать, а не поступать импульсивно, т.е. под действием сиюминутного импульса. Надо воспитывать в себе умение бороться со своими импульсами, воздерживаться от них.

5. *Мастерство человека*, под которым Д. Гоулман имеет ввиду способность ощущать, осознавать и воспринимать чувства другого человека, с большей долей аппроксимации, номинируя его для себя по основному его признаку или по его конкретизаторам в данной КЭС. Люди передают свои эмоции автоматически на уровне инстинкта другим людям, зачастую не осознавая этого, и потому часто не понимают, почему на них обзываются. Д. Гоулман приводит такой пример: то, как кто-то говорит нам «спасибо» может заставить нас почувствовать себя одиночным или тем, о ком заботятся и которого высоко ценят. Вот такой семантико-прагматический дифференциал одного и того же слова.

Кто, где и когда обучает людей общению, учитывающему перечисленные выше составляющие эмоционального интеллекта, в сегодняшней российской эмоциональной сфере? Теория Д. Гоулмана очень изящна, красива и привлекательна, но насколько она приемлема для грубой эмоциональной сферы современного человека в современной коммуникативной реальности? Да, она

идеальна. Да, она задаёт высокий потолок человеческого общения, к которому надо стремиться. Но мне кажется, что нам следует вернуться к максимам Лича и Грайса, к риторическим нормам Формановской и практическим советам современных коммунистов: «Говори так, чтобы при расставании собеседник повысил своё собственное мнение о себе», «говори так, как ты хочешь чтобы разговаривали с тобой», «говори так, как *собеседник* хочет, чтобы ты разговаривал с *ним*».

Как видно из данного исследования, лингвистика эмоций и эмотивная лингвоэкология уже многое достигли в теоретическом отношении, как люди должны общаться друг с другом. Но ещё предстоит самое главное — как внедрить всё это в практику общения? И как сделать людей добре, этичнее, справедливее и более эмоционально уравновешенными?

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1961.

Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Жданов М. Любовь в жизни Л. Н. Толстого. М.: Издательство «Планета», 1993.

Ионова С. В. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 89—97.

Клушина Н. И. Кроссвордное письмо: девербализация эмоций в современной медиакультуре // Слова ў кантэксце часу: да 85-годдзя прафесара А.І.Наркевіча: зб. навук. прац / пад агул. рэд. В.І. Іўчанкава. У 2-х т. Т. 1. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2014. С. 338—343.

Красавский Н. А. «Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских культурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. С. 70—83.

Матьяш О. И., Погольша В. М., Казаринова Н. В., Биби С., Зарицкая Ж. В. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. Под науч. ред. О. И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011.

Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. — М.: Наука, 1970.

Соловьникова Н. Г. Средства нарушения экологичности предвыборного газетного коммуникативного пространства // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки». № 10 (34). Волгоград: Перемена, 2008. С. 44—47

Сребрянская Н. А. Эмотивная лингвистика — перспективное направление лингвистических исследований // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, № 2. С. 282—284.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Шаронов И. А. (сост. и отв. ред.) Агрессия в языке и речи. М.: Изд-во РГГУ, 2004.

Шаховский В. И. Лингвокультурология эмоций. Учебно-методическое пособие. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2004.

Шаховский В. И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики / В.И. Шаховский // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. Тез. докл. на XV международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации. Калуга: Эйдос, 2006. С. 347—348.

Шаховский В. И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. № 5. М., 2007. С. 3—14.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008а.

Шаховский В. И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008б. С. 179—191

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е издание. М.: УРСС, 2009.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016.

Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. №1, 2018. С. 54—79.

Штеба А. А. «Здоровье языка» в аспекте эмотивной лингвоэкологии // Электронный научный журнал «Языковые и филологические исследования». Выпуск 4, том 2, 2012. С. 21—25.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребённых. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Коллективная монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.

Bréal M. Essai de sémantique (science de significations). Paris: Librairie Hachette et Cie, 1897.

Danesh F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field // Preprints of the Plenary Session papers of the XIV-th International Congress of Linguists. Berlin, 10–15 August 1987. Berlin, 1987. Pp. 272—291.

Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington, In.: Indiana University Press, 1979.

Kerbrat-Orecchioni C. Quelle place pour les émotions dans la linguistique du XXe siècle // Les émotions dans les interactions. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2000. Pp. 35—63.

Mouchiroud C. Utilisation et expression des émotions dans la créativité verbale. // Les émotions dans les interactions. Sous la direction de C. Plantin, M. Dury, V. Traverso. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2000. Pp. 71—83.

Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1921.

Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and universals. Canberra: Australian National University, 1999.

Т. М. Шкапенко (БФУ им. И. Канта)
T. M. Shkapenko (Immanuel Kant Baltic Federal University)

¶

**«Ты не поверишь!», или об изменениях в языковом
«портрете» удивления
«You won't believe!», or On changes in language «portrait» of surprise**

Аннотация

В статье характеризуются изменения, произошедшие в русском языковом «портрете» удивления под англо-американским лингвокультурным влиянием. В качестве методологической основы анализа используется алгоритм трехуровневого описания эмоций: эмоция-ощущение, эмоция-состояние, эмоция-отношение. Показывается, что на всех трех уровнях произошли существенные сдвиги, свидетельствующие о ре pragmatизации и ре аксиологизации эмоции удивления в современном русском языковом сознании.

The paper focuses on the changes which took place in Russian language «portrait» of surprise under Anglo-American linguo-cultural influence. As a methodological basis for the analysis we apply the algorithm of three-level description of emotion: emotion -affect, emotion- state, emotion-attitude. It is shown that at all three levels there were essential shifts proving the fact of re pragmatization and a reaxiologization of emotion of surprise in modern Russian language consciousness.

Ключевые слова

Эмоция удивления, концепт «удивление», фразеологизмы, эмотивные междометия, языковая картина мира

Emotion of surprise, the concept of surprise, phraseological units, emotive interjections, language worldview

Изучение эмоций (эмоциональных концептов) на основе их реализации в языковой картине мира осуществляется в различных аспектах — лингвокультурологическом, когнитивном, этнолингвистическом, психолингвистическом и некоторых других, зачастую взаимодополняющих друг друга. Все вышеуказанные направления объединяет осознанная или неосознанная убежденность исследователей в том, что концептуализация эмоций представляет собой закодированную в языке данность, или вне временную константу. В основе такого понимания лежат, очевидно, представления об универсальности человеческой психофизиологии, неизменности эмоциональной сферы представителей рода homo sapiens, а также о национальной языковой картине мира как уже состоявшемся на определенном этапе глоттогенеза, получившем свою законченную форму акте категоризации внеязыковой действительности.

Подобный подход представляется, однако, внеисторическим, абсолютизирующими языковую картину мира (далее ЯКМ) как неизменный лингвистический конструкт, детерминирующий способы и средства

концептуализации мира. На принципиальные недостатки асинхронного понимания ЯКМ указывает А. Киклевич, отмечаящий, что этнолингвисты не принимают во внимание изменчивого характера семантики языка, их «языковая картина мира» является чем-то жестким, неизменным, в то время как в действительности каждая культурная эпоха вносит что-либо новое в видение мира, что находит частичное отражение в языке — в его лексике, синтаксисе, организации текста, стилистической дифференциации» [Kiklewickz, Wilczewski 2012: 161] (перевод с польского языка наш — Т.Ш.). О необходимости принимать во внимание динамичный характер ЯКМ говорят А. В. Павлова и А. В. Прожилов: «Некоторое время внутренние, скрытые движения не проявляются в его (языке) системе <...> Но наступает момент, когда накопленное количество переходит в новое качество — и вчерашний язык перестает быть языком сегодняшним. Русский язык, каким он был двадцать лет тому назад, — это не нынешний русский язык» [Павлова, Прожилов 2013: 95].

Текущий период времени, характеризующийся радикальным сломом предыдущей социокультурной системы и заимствованием многочисленных англо-американских элементов, является ярким свидетельством того, что язык не только отражает происходящие в социокультурной сфере сдвиги, но и сам является активным носителем и модулятором изменений в языковом сознании коллектива, находящегося на стадии радикальных изменений в области концептуального видения мира и переживания составляющих его событий, что в своей совокупности приводит к реаксиологизации содержания определенных фрагментов национальной ЯКМ.

В данной работе предпринимается попытка выявления изменений, произошедших в языковом «портрете» русского удивления под американским лингвокультурным влиянием в течение последних трех десятилетий. Заметим, что мы говорим именно о давлении американской лингвокультуры, так как ее колыбель, британская цивилизация, сама претерпевает мощнейшее влияние рожденного ею лингводонора и опасается актов культурно-языкового каннибализма со стороны своей победоносной и амбициозной «дочери» [Engel 2017: 32].

Системный алгоритм описания эмоции удивления в языковой картине мира, позволяющий проследить его психофизиологическую универсальность и этнокультурную специфичность, разработан в трудах М. Л. Ковшовой [Ковшова 2014; Ковшова, Хоанг Тхи Фыонг Ха 2014]. Ученый предлагает оригинальную концепцию структурирования языковых средств в соответствии с определенными психофизиологическими фазами объективации эмоции удивления: «удивление — ощущение, удивление — чувство-состояние и удивление — чувство-отношение» [Ковшова, Хоанг Тхи Фыонг Ха 2014: 160]. Данный подход позволяет выстроить корреляции внутренних эмоциональных и когнитивных механизмов и способов их языковой объективации, что дает возможность реконструировать максимально полный языковой «портрет» удивления. Предложенный исследователем алгоритм представляется универсальным и, будучи использован по отношению к другим эмоциям, позволит создать национальный языковой портрет всех эмоций, своего рода языковой эмоциональный атлас мира.

Рассмотрение актуального языкового среза каждой описанной М. Л. Ковшовой фазы удивления позволяет говорить о том сдвиге, который происходит сегодня на уровне психофизиологии данного эмоционального состояния под давлением культа интенсивного положительного удивления, насаждаемого импортируемой англо-американской картиной мира.

Первой фазе — «удивлению — ощущению» соответствует группа языковых единиц, относимых лингвистом к реактивам как описывающим спонтанную реакцию субъекта. Основными способами передачи ощущений являются неноминативные средства, позволяющие пережить эмоцию удивления в синхронизированном акте переживания-оязыковления. Очевидно, что реактивная фаза объективации требует минимально вербализованных средств выражения, к которым относятся междометные звуки. Простейшим возгласом, выражающим удивление, является универсальный для многих языков интеръектив *O!*, произносимый с различной степенью длительности, в зависимости от степени выражаемого удивления. Этноспецифичными русскими междометиями, выражающими данную эмоцию, являются фонетически близкое *Ого!*, а также *Ух ты!* К числу усвоенных многими языками средств объективации удивления относится заимствованное из французского междометие *ба!*, употребление которого, в отличие от *ого* или *ух ты*, сводится к одному каузатору — узнаванию кого-либо при неожиданной встрече или неожиданному вспоминанию о чем-либо или ком-либо.

Следует заметить, что заимствование первичных междометий относится к числу явлений, нарушающих универсальные законы развития языков, поскольку первичные междометия представляют собой своего рода проторечь, или протосемиотические знаки, возникающие на ранних стадиях глоттогенеза и формирующиеся в рамках определенных этнографических ареалов. Неудивительно, что агрессивное проникновение первообразного англо-американского междометия *вау* практически во все языки мира вызвало крайнюю степень удивления, имеющую в русском языке яркую и «говорящую» внутреннюю форму, — недоумение. Уже в самом способе номинации данной лексической единицы кодируется локализованность эмоции русского удивления в интеллектуальной сфере индивида, соотносящего имеющиеся знания о предикате эмоциональной оценки с его актуальным репрезентантом.

Упомянутое выше междометие *ого!* также тяготеет к когнитивным формам оценки, о чем свидетельствует характерная для него тенденция к сочетанию с исчисляемыми объектами; не свойственная эмотивным междометиям, скорее, утвердительная интонация, а также содержание анализа субSTITUTивных тестов, например: *Ого, сколько грибов! — Bay, сколько грибов!* Результаты комплексного сопоставления двух междометий позволяют прийти к выводу о том, что если акт произнесения *ого!* в русском языке представляет собой эмоционально маркированный итог когнитивных операций по сопоставлению предиката ожидания с его актуальным репрезентантом, то интеръектив *вау* является способом объективации эмоций, основанных на перцептивной, когнитивно не оформленной сенсорике. Специфика аффективной формы *вау*-удивления может

быть представлена с помощью внесения дополнительных элементов в предложенную А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999] схему удивления:

Я сейчас нечто знаю (*вижу, слышу*)

Я бы не подумал, что буду знать это (*видеть, слышать это*)

Я думаю (*чувствую, ощущаю*): это очень хорошо

Я бы не подумал (*я не мог представить себе*), что так может быть [Шкапенко 2018: 25].

Таким образом, *вай* выступает в качестве активного средства приучения носителей русского языка к низшим, сенсорно-перцептивным формам выражения интенсивного позитивного удивления, характерного для импортируемой из США социокультурной парадигмы, с присущим ей культом гедонистических и потребительских ценностей.

Кроме первообразных междометий, реактивная фаза удивления в русском языке богатым образом представлена на уровне более развитых междометных знаков, именуемых синтаксическими фразеологизмами, релятивами, коммуникативами или фразеорефлексами¹ [см. Шкапенко 2011]. Примечательно, что все собранные фразеорефлексы данного уровня можно подразделить на те, которые непосредственным образом выражают эмоцию удивления, и те, которые уже на реактивной стадии совершают акт ее оценивания, то есть задействуют когнитивные механизмы, понижая тем самым градус испытываемой эмоции.

К группе «чистых» реактивов относятся фразеорефлексы *ой, мамочки мои, мама дорогая, мать честная, батюшки (мои), батюшки-светы (святы), бог мой, боже мой, господи боже мой, пресвятая дева, силы небесные*². С одной стороны, все они имеют восклицательную форму, позволяющую дать выход интенсивному переживанию эмоции, с другой стороны, взывают к неким покровительствующим лицам — сакрализованным образам заступников небесных (господа) или земных (отца и матери). Апелляции такого рода представляют собой свидетельство закодированного в языке отношения к фактам, выходящим за пределы привычного осмысливания как вызывающим опасения и требующим защиты или заступничества более сильных, конвенционализированных в языковом сознании авторитетов.

К реактивным ФР, не содержащим в себе обращений к сакральным лицам, относятся *Ничего себе! Вот это да! (Это) Надо же!, а также вот так вот, вот тебе на (вот те и на), вот тебе и раз, вот так история, вот так номер, вот так клюква, вот так пироги (с котятами)*. При этом часть из них можно отнести к «чистым» реактивам, представляющим собой средство активного выражения эмоции, условия для которого создаются как языковыми, так и суперсегментными средствами, в первую очередь, с помощью восклицательной интонации и соответствующей длительности произнесения.

¹ В данной работе мы используем предложенный В. Г. Гаком [Гак 1995] термин фразеорефлексы (ФР), в наибольшей степени пригодный, на наш взгляд, для характеристики спонтанного характера употребления эмоциональных «реактивов».

² Здесь и далее мы используем примеры, приведенные в статьях М. Л. Ковшовой [Ковшова 2014; Ковшова, Хоанг Тхи Фыонг Ха 2014].

Специфическим способом объективации удивления в данной группе является ФР *да ладно*, в котором удивление в значительной степени переплетается с недоверием и в зависимости от каузатора и характера реакции диффузное эмоциональное состояние подвергается различным реконфигурациям. Заметим, что в речевом обиходе носителей современного русского языка отмечается резкий рост употребления данного ФР с самыми различными оттенками интонирования. Об этом свидетельствуют как данные корпусных и поисковых систем, так и результаты наблюдения ситуаций с использованием данного ФР в аутентичной и виртуальной коммуникации.

Несмотря на сильную эмоциональную составляющую, во всех вышеуказанных ФР присутствует элемент оценочной реакции, который в максимальной степени проявляется во второй группе ФР: *вот так вот, вот тебе на (вот те и на), вот тебе и раз, вот так история, вот так номер, вот так клюква, вот так пироги (с котятами)*. Все ФР данного портретного слоя имеют форму констативных речевых актов, которым соответствует утвердительная интонация: *вот так вот, вот тебе на (вот те и на), вот тебе и раз, вот так история, вот так номер, вот так клюква, вот так пироги (с котятами)*. М. Л. Ковшова также указывает на способность данных фразеоединиц служить реактивом и одновременно отражать отношение к каузатору удивления. Действительно, данная группа ФР не предоставляет условий для непосредственного переживания эмоции удивления, их произнесению не сопутствуют характерные кинетические проявления (разинутый рот, широко раскрытые глаза и т.п.), это своего рода фразеосредства реактивного осмыслиения объектов каузации.

Обращает на себя внимание ограниченная способность данных ФР каузироваться неверbalными объектами. Ни потрясающий по своим характеристикам автомобиль, ни лучшие друзья современных девушек «бриллианты» не способны вызвать реакцию из ряда *вот так вот — вот тебе и на*, разве что оные предметы дарятся кем-то, от кого должно ожидать подобного акта дарения. То есть в области каузальной атрибуции данной группы ФР содержится акциональный компонент, предполагающий совершение действий, которые представляются субъекту удивления абсолютно неожиданными. Не случайно вышеуказанные ФР активным образом используются в качестве ответной реплики на некое сообщение или событие, о котором узнает партнер по коммуникации. Например:

— Каким образом?.. — Вот тебе и на! Не ты ли устроил нам этот заказ? [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001].

Бывший администратор дома отдыха «Подлипки». — Вот тебе и на. Я-то надеялся, что мне бесплатную путевку привезли [Сергей Романов. Парламент (2000)].

Как следует из многочисленных зафиксированных в НКРЯ примеров, типовая реакция с помощью ФР данной группы тяготеет к негативной форме оценки и зачастую кодирует вынужденное согласие человека с удивившим его объектом. Можно предположить, что в данных ФР заключена этноспецифичная житейская мудрость, готовность смиренным образом воспринять и принять что-

либо, не соответствующее ожиданиям и привычному течению жизни, находящая свое максимальное выражение в паремии *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* Примечательно, что НКРЯ фиксирует резкое падение частотности употребления преисполненных народной мудрости сочетаний *вот так так, вот тебе и на, вот такие пироги* с начала 2000-х годов.

К группе единиц, соответствующих фазе «удивление-состояние», М. Л. Ковшова относит «симптомативы», включающие адвербиальные и глагольные идиомы, описывающие внешние проявления внутреннего состояния: *разинуть рот; выпутить глаза; глаза / брови на лоб полезли; всплеснуть руками; как громом пораженный* и др. [Ковшова 2014]. На первый взгляд, представляется вполне очевидным, что данный пласт, реализующийся в модальной рамке наблюдения за кинетическими формами его проявления, исключает возможность каких-либо изменений как в его составе, так и в способах его употребления. Однако анализ медийного, в первую очередь, рекламного интернет-дискурса, свидетельствует о том, что в настоящее время симптомативы употребляются в новых для них дискурсивных и прагмакоммуникативных функциях. Содержащие симптомативы констативные речевые акты активным образом используются в качестве заголовков, преследуя цель привлечь внимание пользователя и достичь самого востребованного перлокутивного эффекта нашего времени — кликанья как способа извлечения коммерческой прибыли из кликающего субъекта.

Заголовки типа *Врачи сели, побледнели, раскрыли (вытаращили, выпучили) глаза, оцепенели, присели, обомлели, не поверили своим глазам* и т.п., содержащие эксплицитные указания на кинесику, свойственную процессу сильнейшего удивления и потрясения, составляют весомую долю в таблоидизированном интернет-дискурсе, преследующем цель заставить адресата приобрести чудодейственные лекарства, стиральные порошки, косметические средства или просто войти на определенную страницу и ознакомиться с причиной симптомативных проявлений столь интенсивной формы удивления. Различные новостные порталы пестрят заголовками подобного рода: *Судьи разинули рты, когда многодетная мать вышла в купальнике на сцену; Глаза врачей чуть не вылезли из орбит, когда...; Ученые обомлели, когда проявили фотографии* и т.п.

Третья группа фразеоединиц — «удивление-отношение» — характеризуется как «интерпретативы» и включает в себя грамматические фразеологизмы и идиомы *ушиам своим не верю; не может быть; никогда такого не было; кто бы мог подумать; бывает же такое; чего только не бывает; диво дивное; кино и немцы* и др. К этой же группе тесным образом примыкают паремии, отражающие уже осмысленное языковым коллективом отношение к эмоции и осуществившееся акт их наивной аксиологизации.

Обращение к паремиологическому слою в русской картине удивления является нам картину, в высшей степени достойную когнитивно оформленной эмоции удивления. Основной сценарий, лежащий в основе русских паремий, строится на «отрицании достаточных оснований для удивления», оценка которых сопровождается «седкой иронией или шуткой»: *Диво, что у свиньи рыло, да и у малого поросенка то же; Дивовалась ворона, что воронята грают; То не диво,*

что у богатого много пива; Тому не дивись, что пьяные подрались. «В большинстве паремий описывается ничтожность причин для удивления; образы подчеркнуто обыденного характера усиливают стратегию отказа от удивления» [Ковшова 2014: 26—27].

Следует добавить, что логико-семантическая структура данных пословиц свидетельствует об их употреблении в качестве ответных реплик на высказывание, повествующее о некоем событии или объекте, представляющем говорящему удивительным. Конвенционализированный в форме паремий ответ содержит в себе не только некую общую для народной опытной премудрости логему, сводимую в целом к формуле «не вижу в том, что ты говоришь, ничего удивительного», но и отражает стремление употребляющего ее коммуниканта подчеркнуть свой более высокий по отношению к удивляющемуся интеллектуальный статус, проявить себя как более умудренного опытом и, вследствие того, эмоционально невозмутимого человека. Стремление принизить значение удивившего информанта факта эксплицитным образом передается в пословицах, построенных по модели: *Эка диковина, невидалъ и т.п.: Эка диковина — рыба сиговина; Эка невидалъ, что каша естся; Эки чудны толки, что съели овцу волки.*

Близки к данным моделям построения и паремии, говорящие о том, что самые удивительные вещи являются обыденным фактом течения жизни, и, следовательно, не имеет смысла удивляться удивительному: *И курица петухом поет; Бывает, и коровы летают; Горы падают, долы встают; Пожиши с наше, еще и не то увидишь.*

При этом отмечаемая многими учеными склонность русского народа к морализаторству имеет специфическую форму языкового выражения: с одной стороны, преобладающий констатирующее-характеризующий тип высказываний становится основанием для философских обобщений; с другой стороны, в характере языковой объективации отражается яркое творческое, игровое начало. Часть из используемых в них образов указывает на посредственность, заурядность явлений, вызвавших удивление у партнера по коммуникации, например: *Это диковиннее кукушечьего гнезда.* Другая часть, напротив, опирается на характеристики, которые не могут существовать по определению: *Веиннее яичко да осеннее молочко, То мудрено, что на льду сварено.*

Обращает на себя внимание также тот факт, что *мудрено* в пословице выступает в качестве синонима *удивительно*, что также подчеркивает важность для русского языкового сознания рационального осмыслиения объектов, каузирующих удивление. Заметим, что устойчивый оборот *не мудрено* до настоящего времени функционирует в качестве эквивалента сочетанию *ничего удивительного*. М. Л. Ковшова подчеркивает: «Удивительно не то, что происходит внезапно, неожиданно, а то, что трудно понять, осмыслить», приводя в качестве аргумента пословицу *Не штука дело, штука разум* [Ковшова 2014: 26].

Таким образом, паремический слой интерпретативов говорит о стремлении уменьшить значимость и обоснованность причин для удивления, испытанного неким партнером по коммуникации, ставит высочайшую планку для самих каузаторов и кодирует призыв действовать в соответствующих ситуациях когнитивный

механизм, вместо того, чтобы «не верить своим глазам или ушам». То есть, на шкале отраженных в русских паремиях ценностей интеллект занимает неоспоримо более высокую позицию, нежели эмоциональное состояние удивления. И, даже если мы примем во внимание, что в настоящее время только специалисты знают большинство из приведенных выше пословиц, мы не сможем отрицать того, что сама логика, умаляющая ценность эмоции удивления и призывающая воспринимать самые удивительные события как фактор, естественным образом включенный в онтологию человеческого бытия, продолжает функционировать в различных вариациях фразеосхем: *эка невидаль этот X, подумаешь, какой (-ая) X..., тоже мне X....*

Можно предположить, что именно заключенная в различных формах интерпретативов сомнительная ценность перцептивных форм объективации удивления в русской языковой картине мира становится причиной отсутствия в русском языке «обращенных к субъекту эмоции ассертивных императивов: Удивляйся! Удивись!» [там же]. В то же время лингвокультурная парадигма, импортируемая из США как страны — донора глобализационных процессов, всемерно поощряет интенсивные, основанные на физиологических ощущениях формы удивления, внушая носителям русского языка убежденность в их несомненной ценности и, более того, приоритетном положении данных эмоций в системе общечеловеческих ценностей.

Заголовки *Вы (кто-либо) будете в шоке!, Ты не поверишь!* являются одними из самых высокочастотных в интернет-коммуникации. Поисковая система Гугл предлагает 4 020 000 результатов при запросе *Вы не поверите!,* и 2 330 000 — при запросе *Ты не поверишь!,* и 2 720 000 при запросе *Вы будете в шоке,* 2 390 000 — *Ты будешь в шоке!* (данные на 16.05. 2018). Вера в чудодейственную силу, или перлокутивный эффект ассертива *Вы будете в шоке!* такова, что приписывает приятность многоликих шоковых состояний самым неожиданным субъектам, вплоть до научных институтов и учреждений, например: *ВАК будет в шоке от Вашей статьи.*

Национальный корпус русского языка также фиксирует стремительный рост употребления различных синтаксических конструкций с сочетанием *в шоке* в течение последних трех десятилетий. Высокая частотность его использования связана с размытостью и предельной энантиосемичностью передаваемых им эмоциональных ощущений, в которых в большей степени учитывается крайняя степень их интенсивности, нежели некий конкретный, поддающийся осмыслиению и дискретизации характер эмоционального состояния. В их, говоря современных глобальным языком, мега-употребительности отражается максимальная востребованность шоковых состояний как психофизиологической реакции индивида на некий, выходящий за пределы человеческого знания и понимания потрясающий объект оценки, способный вызвать самые острые, физиологические гедонистические ощущения или же стать каузатором популяризируемого сегодня состояния драйва и адреналина.

Общее для таблоидизированного медиа-пространства стремление заставить читателя удивиться прочитывается в различного рода заголовках:

«Ты не поверишь!», или об изменениях в языковом «портрете» удивления

Такого еще не было: эта уникальная разработка не имеет аналогов; Пятилетнюю девочку-альбиноса обезглавили ради магических амулетов; Обнаженная блогерша поселилась в джунглях, чтобы охранять природу; Российский гаишник заставил инвалида бежать за машиной на тросе; Пенсионерки в белье снялись в откровенной фотосессии и т.п.

В сущности, культ интенсивного, основанного на сенсорной перцепции, состояния удивления, привносимый в русскую ЯКМ в рамках транслируемой англо-американской парадигмы, можно было бы интерпретировать как свидетельство своеобразного антропологического регресса: по мере развития человечества и накопления им огромного количества знаний ситуации, каузирующие удивление, должны уходить в прошлое, а само удивление утрачивать свою значимость. С другой стороны, невиданный технический прогресс, позволяющий испытать как экстремальные состояния драйва, так и мелкотравчатые гедонистические импульсы, доставляемые разного рода креативом и позитивом, извлекает человека из привычной рутины обыденного существования и принуждает его участвовать в охоте за крайними формами эмоциональных ощущений как способа сделать яркой и неповторимой свою жизнь здесь и сейчас.

Каким образом мы бы ни интерпретировали процессы реаксиологизации эмоционального компонента ЯКМ, неоспоримым остается тот факт, что на всех трех уровнях русского портрета удивления наблюдаются существенные сдвиги. На уровне реактивов имеет место экспансия англо-американского междометия *וואי*, с формируемой им привычкой к перцептивно-сенсорным формам удивления; расстет частота использования русских междометий удивления *ого*, *ух ты*, *да ладно*, при одновременном уменьшении популярности когнитивно оформленных ФР *вот так так*, *вот так номер* и т.п. На уровне симптоматиков наблюдается их активное использование в ранее непривычных дискурсивных и прагмакоммуникативных функциях, побуждающих адресата получить более подробную информацию об объекте каузации удивления. Данный уровень тесным образом переплется с уровнем интерпретативов, в рамках которого исчезают единицы, кодирующие первичность интеллекта над эмоциональной сенсорикой эмоции удивления, вытесняемые различными речевыми актами, формирующими потребность в различных формах интенсивного удивления, вне радиуса действия когнитивных механизмов. Совокупность данных изменений является свидетельством осуществляющейся репрагматизации и реаксиологизации эмоции удивления в русском языковом сознании.

Корпусы текстов и словари

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Литература

Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М.: Наука, 1999. С. 611—647.

Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки, № 4, 1995. С. 61—65.

Ковшова М. Л. Языковой портрет русского удивления: лексические, фразеологические и пословичные способы описания // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия Филологические науки, № 77, 2014. Материалы конференции «Мир русской пословицы: вечные ценности и новые смыслы». С. 25—28.

Ковшова М. Л., Хоанг Тхи Фыонг Ха. Эмоция «удивление» и способы ее концептуализации в русской и вьетнамской фразеологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 50. С. 159—167.

Павлова А. В., Прожилов А. В. От лингвистики к псевдолингвистике [Ответы на вопросы журнала «Антропологический форум»] // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 89—109.

Шкапенко Т. М. К вопросу категоризации специфических коммуникативных единиц // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 7. № 1, 2011. С. 222—226.

Шкапенко Т. М. Интеракционально-прагматические функции междометий (на материале заимствованных англо-американских интеръективов в современном русском языке): автореферат дис. ... д-ра филол. наук, Калининград, 2018.

Engel M. That's The Way It Crumbles: The American Conquest of English Kindle Edition: London, Profile Books LTD, 2017.

Kiklewicz A., Wilczewski M. Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego Aspects of Cognitive Ethnolinguistics) // Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego, № 67, 2012. P. 139—164.

**А. А. Штеба (Волгоградский государственный
социально-педагогический университет)
A. A. Shteba (Volgograd State Socio-Pedagogical University)**

**Обертоны языковой категоризации эмоций
Overtones of language categorization of emotions**

Аннотация

В статье рассматривается проблема выражения смешанных эмоций в русском языке. Смешанные эмоции, под которыми понимается объединение в целое моно- или амбивалентных номинаций эмоций, не получили подробного описания в эмотивной лингвистике. Возникающие в результате образования смешанной эмоции эмоциональные переживания обладают своим особым эмоционально-смысловым наполнением. Формально гомогенная смешанная эмоция обладает гетерогенным эмоционально-смысловым потенциалом, определение доминанты которого позволяет анализ синтаксической организации словосочетания-номинации смешанных эмоций.

The article deals with the problem of expressing mixed emotions in the Russian language. Mixed emotions are seen as the unification of mono- or ambivalent nominations of emotions into a whole. This problem doesn't have a detailed description in emotive linguistics. The emotional experiences that arise as a result of the formation of a mixed emotion have their own special emotional and semantic content. Formally, a homogeneous mixed emotion has a heterogeneous emotional and semantic potential. Its dominant point is achieved by means of analysis of the syntactic organization of the phrase-nomination of mixed emotions.

Ключевые слова

Языковая категоризация эмоций, эмотивность, смешанные эмоции, обертоны, эмотивные валентности, эмоционально-смысловый потенциал

Language categoriation of emotions, emotiveness, mixed emotions, overtone, emotive valencies, emotional and semantic potential

Смешанные эмоции, представляющие объединение в единое целое полити, зачастую, амбивалентных эмоциональных переживаний, являются мало изученным явлением, несомненно, характеризующим новый этап на пути познания человеком его внутреннего мира. Практически полное отсутствие работ, предметом которых выступили бы смешанные эмоции, повышает уровень актуальности проблемы. Часто исследователи ограничиваются положениями о том, что наряду с положительными и отрицательными эмоциями необходимо выделять в отдельный класс смешанные эмоции, или о том, что ограниченное число базовых эмоций (обычно варьируется от пяти до десяти) задает своеобразные оценочные рамки бесконечных сочетаемостей, порождающих как уже названные эмоциональные переживания, так и те, для которых специальные номинации еще не были выра-

ботаны, но которые не походят на известные, упорядоченные и категоризованные элементы аффективной жизни человека. Примером последних могут выступить неопределенные эмоции, когда эмоциональные триггеры в форме эмоциональных ситуаций являются незнакомыми, вызывают состояние волнения. В результате человек переживает удивление, недоумение, сомнение, интерес, любопытство. При столкновении с данной ситуацией ориентированное состояние снимается изменением ситуации и трансформируется в эмоционально положительно или отрицательно отношение [Никандров 2007: 46].

Основной вопрос, который ставится нами при изучении смешанных эмоций, заключается в следующем: является ли синтаксически оформленное в рамках словосочетания объединение нескольких номинаций эмоций (к примеру, *радость* и *грусть*) указанием на новое эмоциональное переживание, не имеющее в языке собственного обозначения, или в данном случае следует говорить о би- или поликомпонентном комплексном эмоциональном переживании, состоящем из нескольких (около)синхронно испытываемых субъектом эмоций? Другими словами, является ли смешанная эмоция суммой ее компонентов или это суммативное понятие, которое содержательно и функционально больше составляющих ее элементов.

Кажется, что само определение ‘смешанный’ должно противопоставляться чему-то несмешенному, т.е. однородному. Однородность и гомогенность суть характеристики, свойственные не только языку: это свойства системы, упорядочивающие ее и тем самым обуславливающие функционирование некоего организованного (т.е. упорядоченного) образования. Однако феноменальность системы заключается не только в изначальной хаотичности и энтропийности ее элементов, но и в возможности упорядочить ее разрозненные составляющие. Для примера обратимся к голосу. Как известно, любой звук, в том числе голосовой, образуется путем звукового колебания (периодические возбуждения и затухания) в резонансной полости [см. Златоустова 1981]. При этом к данному периодическому звуковому колебанию прибавляются дополнительные гармонические обертоны, накладывающиеся на основной тон или шум. Окрашивание основного («чистого») тона обертонами создает тембр речи [Зиндер 1979: 13]. Интересно, что понятие «высшего» или «верхнего» тона (обертона) частотно используется нетерминологически в работах по поэтике, семантике, семиотике. Так, Ю. Н. Тынянов использовал понятие обертона для характеристики второстепенных семантических признаков, происходящих из особенностей словоупотребления в определенном контексте [Тынянов 1977: 75]. Вслед за Б. А. Лариным, И. В. Арнольд указывала на разницу между словом в словарном значении и им же в художественном произведении, в котором происходит насыщение семантики добавочными обертонами смысла, индуцируемыми текстом [Арнольд 2002: 42]. С. М. Эйзентштейн указывал, что образ имеет доминантную тональность и обертоны, которые регулируют возможности образа согласовываться с другими образами и создавать метафору (Прив. по: Зинченко 2010: 152). В. В. Дементьев [2006] использует понятие «личностного обертона», которым наполняется первоначальное значение «слова дискурса» [ср: Карманова 2010]. В исследовании Е. А. Гришиной понятие обертона

Обертоны языковой категоризации эмоций

применяется к анализу жестов, когда основной жест отличается от жестикуляционного обертона тем, что под последним понимается дополнительный, как правило, факультативный и вспомогательный жест, дублирующий базовую семантику основного жеста [Гришина 2017: 92].

Как следует из сказанного, понятие обертона, несмотря на свою кажущуюся факультативность относительно основного элемента некоего сочетания (будь то голос, жест или семантика слова), обладает ключевой значимостью. Только соединение основного и факультативного элементов индивидуализирует и конкретизирует объект наблюдения вне зависимости от того, идет ли речь о контекстуальном смысле слова или идентификации человека по тембру голоса.

Любой материальный и нематериальный объект действительности, как минимум, потенциально полифоничен. Полифония, как термин теории музыки, при ближайшем рассмотрении означает ансамблевое, хоровое, мультиинструментальное исполнение, совместное музенирование. В конечном итоге, в полифоническом музыкальном произведении все инструменты равноправны, их партии не зависят друг от друга, а каждая партия является самодостаточной и значимой для целостной структуры произведения [Мюллер 1988: 49]. Уже позднее данный термин был перенесен в лингвистику, а потом трансформировался в одну из основных текстовых категорий — категорию интертекстуальности.

Одним из наиболее простых в силу своей формальной выраженности способов объективации обертонов смысла являются валентности. Единицы разных уровней языка обладают валентностным потенциалом, который может быть явным или скрытым. Если рассмотреть отличие между лексической и семантической валентностями, то в первом случае нужно указать на явную, зафиксированную языком реализацию валентностного или сочетаемостного потенциала слова, тогда как понятие семантической валентности отсылает к постулированию А. Ф. Лосевым [1981] о безграничном смысловом (или логико-смысловом) потенциале слова, и его реализация зависит только от внешних, не зависящих от слова условий (место и время произнесения слова, коммуникативная ситуация, лингвокреативные способности говорящего, уровень развития коммуникативной компетенции слушающего, извлекающего свои личностные смыслы из адресуемых ему слов и пр.). Данная идея соотносится с представлением о мире-ризоме. Так, Л. Н. Синельникова указывает, что в отличие от порядка древа, любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой. Ризома лишена стержня, ризоморфность предполагает появление кажущихся корнями стеблей и волокон, когда любая линия может в любой момент быть связана с другой и данное объединение предугадать невозможно [Синельникова 2017: 87]. Таким образом, любой текст имеет ризоморфную организацию, наподобие гипертекста, когда смысловые переходы от одного информационного элемента к другому зависят только от конкретного человека, его социального и индивидуального опыта, интенций и целей. Данное представление конкретизирует актуальное представление о семантической организации значения слова.

Согласно общепринятым положениям, слово имеет основное значение и производные от него; на более абстрактном и глубоком уровне в семантике сло-

ва наличествуют интегральные и дифференциальные признаки. В любом случае, есть то, что ингерентно присуще и доступно пониманию любого пользователя языка. При этом А. А. Потебня говорил об особой значимости внутренней формы слова, которая часто бывает скрыта от пользователя языка. Другими словами, тот самый ствол условного семантического древа слова составляет элемент, который доступен пониманию. Положение о ризоморфной организации семантики слова позволяет дифференциальные и потенциальные семы превращать в основные, становящиеся не производными, а производящими новые смыслы. Последние, в свою очередь, также становятся основными для последующих смысловых операций. Космос имеет древовидную организацию, а хаос — стремится к подобной системе. Однако хаос сам имеет ризоморфную структуру. Хаос, как первичное состояние материи, диалектичен, поскольку в нем действуют несогласованные (противоречивые) силы, разнонаправлен, стихиен и динамичен, безмерен, непрерывен; хаос стремится к самоорганизации, а космос, как упорядоченный, структурный абсолют — к деструкции [Арутюнова 2003: 5].

Изложенные выше тезисы относительно, по умолчанию, неупорядоченной и самодостаточной организации лексической семантики слова соотносятся с понятием смешанных эмоций, которые одновременно разрушают привычное конвенциональное представление о языковой категоризации эмоций и конкретизируют представление о понятии эмоций, их предметно-содержательных границах. Так, общепризнанным в настоящее время является подход к трехчастной классификации эмотивов на аффективы, коннотативы и потенциативы, а также эмоции могут быть названы, описаны и выражены [см.: Шаховский 2008]. Ранее [Штеба 2014] мы указывали на то, что смешанные эмоции не соответствуют ставшей конвенциональной схеме категоризации эмоций в языке, поскольку используемый для обозначения смешанных эмоций прием номинации эмоциональных переживаний не называет, а описывает то, из чего данная смешанная эмоция говорящего состоит. В своей статье М. Е. Конурбаев указывает, что новые когнитивные понятия образуются из объединения двух, трех и более элементов, приводя к созданию качественного нового восприятия — нового когнитивного целого [Konurbaev 2017: 387]. Формально выраженное соединение нескольких элементов эмоционального мира имеет свои особенности и средства экспликации.

Смешанные эмоции, в своей основе, комплементарны. Под данным термином в биологии понимается «пространственная взаимодополняемость (взаимное соответствие) поверхностей взаимодействующих молекул или их частей, приводящая, как правило, к образованию вторичных связей между ними» [БЭС 1986: 215]. Укажем, что роль процессов комплементарности высока. Так, комплементарные гены обусловливают новое фенотипическое проявление. При этом выделяются доминантный и рецессивный гены. Взаимодействие генов может приводить к тому, что один из них подавляет действие другого. В результате выделяются супрессор или ингибитор (ген, подавляющий действие другого) и гипостатичный (подавляемый) ген.

По форме лексические средства выражения смешанных эмоций образуют сочиненные члены, которые располагаются контактно и не разделяются

другими словами. Наиболее частотно смешанные эмоции оформляются в словосочетание с союзом и, близким по значению конъюнкции в логике. Конъюнкция, которая может быть бинарной, тернарной или *n*-арной, является логической операцией, образующей сложное высказывание из двух высказываний. Образованное сложное высказывание истинно тогда и только тогда, когда истинны все входящие в него высказывания, и ложно во всех остальных случаях [ФС 1981: 281]. В некоторых случаях в естественных языках сочинительная связь приобретает факультативные смыслы: не просто объединение двух элементов, но еще и последовательность, противительность, указание на то, что вторая часть выступает следствием второй [Санников 2008: 45—46]. В. З. Санников указывает, что в конъюнктивных высказываниях элементы распределяются внутри некоторого множества, когда само распределение внутри этого множества вариативно и никак не задается [там же: 46].

Однако во многих случаях порядок слов в сочиненных конструкциях является интенциональным, неслучайным и не подлежащим изменению. Это касается не только сочинительных союзов с семантикой равнозначенности или неравнозначности (*не только... но и; но... да и; не то что... а и пр.*), но и «нейтральных» сочинительных союзов. В последнем случае последовательность компонентов определяется «имеющимся у говорящего представлением о «нормальном» порядке событий или объектов действительности» [Санников 2008: 165—167]. Как следствие, порядок слов в сочинительной конструкции может либо отражать реальную последовательность событий (к примеру, статичные глаголы всегда предшествуют динамичным), либо иметь условный ситуативно обусловленный характер (порядок чисел натурального ряда, утверждаемое и отрицаемое, нормальное и ненормальное, этикетное расположение в препозиции обращений к женщинам, а затем — к мужчинам). Выявлено также, что первая позиция в сочинительной конструкции связана с чем-то более престижным, значимым, важным [там же: 171].

Таким образом, в образуемой с помощью сочинительной связи смешанной эмоции можно выделять препозицию эмоциональной доминанты и постпозицию оттенков превалирующего эмоционального переживания. Поэтому последующие компоненты смешанной эмоции выступают в функции определения доминанты, а весь комплекс номинаций эмоциональных переживаний определяет характер смешанной эмоции. При этом объединение в сочинительной конструкции может указывать как на сумму, так и на суммативность связываемых в единое целое элементов. К примеру, словосочетание *Паша и Маша* являются примером суммы элементов, где, как показано выше, более значим первый элемент. В зависимости от контекста и подтекста данное словосочетание может подвергаться смысловым модуляциям: либо это два независимых лица, либо это, к примеру, семейная пара, в которой один элемент предполагает наличие второго, где один элемент после начала семейной жизни приобрел некоторые новые качества от взаимодействия с другим и, в результате, частично изменился. В случае объединения в целое номинаций двух и более эмоций происходит образование суммативного понятия с доминантой, смысловые границы которой размывают дополнительные элементы словосочетания.

Картотека собранных примеров показывает, что смешанные эмоции группируются в би- или поликомпонентные кластеры, центром которых выступают как базовые, так и производные эмоции. Под производными эмоциями, вслед за А. Плутчиком [Plutchik 2001], понимаются эмоциональные формулы (например, *гордость состоит из гнева и радости; любопытство из удивления и принятия; скромность из страха и принятия; ненависть из гнева и удивления; вина из страха и радости или удовольствия; сентиментальность из принятия и горя*).

Анализ примеров смешения базовых эмоциональных переживаний, т.е. смешанные эмоции радости, страха, презрения, гнева, удивления, отвращения и печали, показал, что эмоционально-смысловой контур эмоциональных переживаний размывается и конкретизируется, когда происходит детализация содержания эмоциональных понятий:

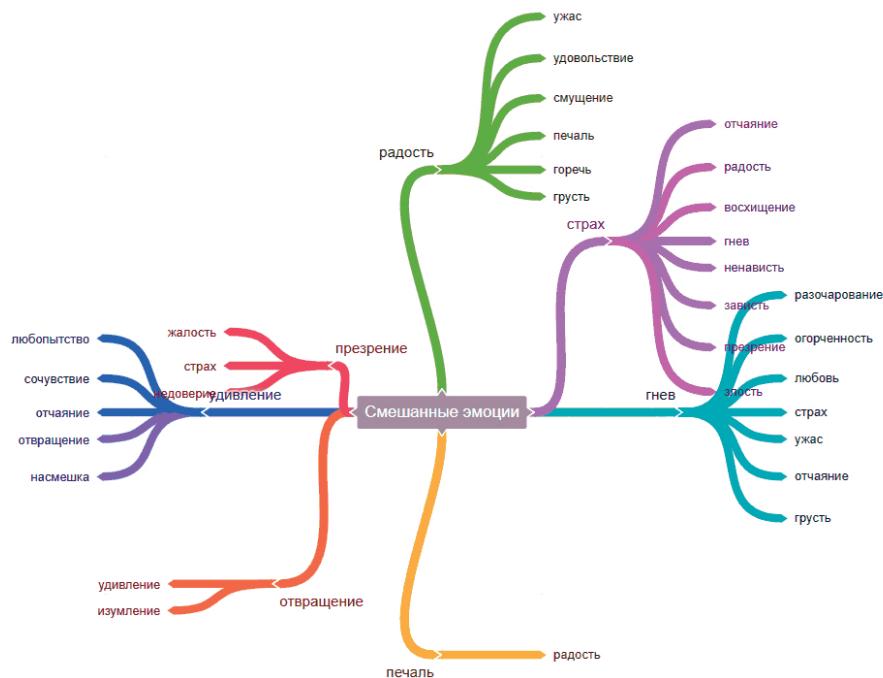

Рис. 1. Типы производных от базовых эмоциональных переживаний смешанных эмоций

Наиболее разветвленную структуру имеют смешанные эмоции *удивления, радости, страха и гнева*. Базовые эмоции могут объединяться в микрокластер с другими базовыми эмоциональными переживаниями (к примеру, смешанная эмоция *страха и радости, страха и презрения, страха и гнева, удивления и отвращения, печали и радости* и пр.) Естественно, что данные кластеры эмоций частотно вступают в логико-смысловые отношения перекрецивания, когда определенная

Обертоны языковой категоризации эмоций

Эмоция может выступать как в функции доминанты, так и компонента кластера: смешанная эмоция *страха и гнева* VS смешанная эмоция *гнева и страха*; смешанная эмоция *презрения и страха* VS смешанная эмоция страха и презрения. Интересно, что кластеры смешанных эмоций с положительно-оценочными эмоциональными доминантами характеризуются сравнительно большей амбивалентностью (к примеру, смешанные эмоции *радости*: ‘*радость + ужас, печаль, горечь, грусть*; смешанная эмоция *удивления*: ‘*удивление + отчаяние, отвращение, насмешка*’). Смешанным эмоциям с отрицательно-оценочной эмоциональной доминантой свойственна интенсификация превалирующей оценки (к примеру, смешанная эмоция *страха*: ‘*страх + отчаяние, гнев, ненависть, зависть, презрение, злость*’; смешанная эмоция *гнева*: ‘*гнев + огорченность, страх, ужас, отчаяние, грусть*’). Выявленные примеры амби- и моновалентных смешанных эмоций подтверждают известную асимметрию языка в экспликации положительных и отрицательных оценок, когда лексика отрицательной оценки более разнообразна и богата, чем лексика положительной [ПАС 2010: 404]. Данная асимметрия проявляется и в случаях актуализации смешанных эмоций с положительной доминантой, моно- или поликластеры которых преимущественно отрицательно-оценочные. Аналогичная ситуация прослеживается с кластером смешанных эмоций любви: ‘*любовь + гнев, грусть, отчаяние, ревность, нетерпение, огорченность, ненависть*’ VS ‘*любовь + восхищение, доверие, признательность*’) и ненависти: ‘*ненависть + раздражение, страх, зависть, злость, ревность*’ VS *ненависть + любовь, восхищение*’).

На сочетание радости и интереса указывает К. Э. Изард, поясняя, что комбинация данных эмоциональных переживаний лежит в основе любовных отношений. Далее исследователь, со ссылкой на Ст. Шехтера, отмечает, что идентичное физиологическое возбуждение может вызывать и радость, и, к примеру, гнев или любую другую эмоцию [Изард 2000]. Еще более интересным является взаимонаправленное влияние переживаемых разнополюсных эмоций (к примеру, *слезы радости*). Наша картотека примеров значительно превышает конвенциональные формы языковой фиксации комбинации *радости* с иными эмоциональными переживаниями (ср. с приведенным выше примером, когда слезы, как маркер преимущественно отрицательного психоэмоционального и/или физического состояния, становятся положительно оценочными). Так, *радость* может быть *ужасающей, смущающей, печалящей, огорчающей* и пр. Обратное отношение кажется верным, поскольку союз и является, в первую очередь, средством образования сочетания, выраждающего единое понятие. В то же время данный союз используется для усиления значения или выражения интенсивности проявления признака, качества, количества.

Описание механизмов создания смешанных эмоций позволяет выявить реализацию когнитивных процессов, а наблюдение за формой выражения смешанных эмоций в русском языке — выявить скрытые указания на происходящие при этом смысловые модуляции семантики и «расшатывание» конвенциональной категоризованной системы эмоций в языке. Перспективным представляется дальнейшая характеристика смешанных эмоций в аспекте не только планов их

выражения и содержания, но и в коммуникативной плоскости с акцентом на прагматическом эффекте использования смешанных эмоций, коммуникативных намерениях говорящего и причинах экспликации именно смешанных эмоций.

Список сокращений

БЭС — Биологический энциклопедический словарь / М. С. Гиляров; Ред-кол.: А. А. Бабаев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. 2—е изд., испр. М.: Сов. Энциклопедия, 1986.

ПАС — Проспект активного словаря русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др.; отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010.

ФС — Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 4—е изд. М.: Политиздат, 1981.

Литература

Арнольд И. В. Стилистика современный английский язык: учебник для вузов. 5—е изд., испр. и доп. М.: Флинта, Наука, 2002.

Арутюнова Н. Д. О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Комос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 3—10.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Изд. дом ЯСК, 2017.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М.: Изд-во МГУ, 1981.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Издательство «Питер», 2000.

Карманова З. Я. Феноменология слова: слово VS мысль. Мнография. М.: ТЕЗАУРУС, 2010.

Лосев А. Ф. О понятии языковой валентности // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, 1981. № 5. С. 403—412.

Мюллер Т. Полифония: учебник. М: Музыка, 1988.

Никандров В. В. Экспериментальная психология: учебное пособие. СПб.: Речь, 2007.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Синельникова Л. Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 4. 2017. С. 805—821.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2—е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Обертоны языковой категоризации эмоций

Штеба А. А. Лингвоэкологический абсолют смешанных эмоций // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. 2014. С. 172—178.

Plutchik R. The Nature of Emotions // American Scientist, Vol. 89. 2001. P. 344—350

Konurbaev M.E. Redefining Neutrality in Language and Speech // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 2. 2017. С. 379—389.

Сведения об авторах

Абакумова Ольга Борисовна, д. филол. н., доцент, профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева; e-mail: abakumova-ob@mail.ru.

Волкова Яна Александровна, д. филол. н., доцент, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов, e-mail: yana.a.volкова@gmail.com.

Говорухо Роман Алексеевич, к. филол. н., доцент, директор Российской-итальянского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: govortroman@mail.ru.

Дронов Павел Сергеевич, к. филол. н., научный сотрудник научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова (НОЦ ТиПК), Институт языкознания РАН; e-mail: nord.dronov@gmail.com.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Ионова Светлана Валентиновна, д. филол. н., профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина; e-mail: sionova@mail.ru.

Ковшова Мария Львовна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН; e-mail: kovshova_maria@list.ru.

Мидер Wolfgang Mieder, профессор кафедры немецкого и русского языкознания Университета штата Вермонт (г. Блумингтон), редактор ежегодника “Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship”; e-mail: Wolfgang.Mieder@uvm.edu.

Петрова Галина Викторовна, к. филол. н., доцент, кафедра романских языков (итальянского, португальского и латинского) им. Т. З. Черданцевой; e-mail: galia.petrova@mail.ru.

Рябцева Надежда Константиновна, д. филол. н., ведущий научный сотрудник, зав. сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru.

Токарева Александра Леонидовна, аспирант Российской-итальянского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета (научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Роман Алексеевич Говорухо); e-mail: annsilver@mail.ru.

Федорова Людмила Львовна, к. филол. н., доцент, профессор кафедры Теоретической и прикладной лингвистики РГГУ; e-mail: lfvoix@yandex.ru.

Фролова Ольга Евгеньевна, д. филол. н., зав. лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: olga_frolova@list.ru

Сведения об авторах

Чжан Канкан, преподаватель Тяньцзиньского университета иностранных языков, Китай; e-mail: 15522676781@163.com.

Шаров Александр Владимирович, аспирант отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (научный руководитель — д. филол. н., профессор А. Н. Дыбо); e-mail: ghauasha@gmail.com.

Шаховский Виктор Иванович, д. филол. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, почётный доктор университета, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru.

Шкапенко Татьяна Михайловна, д. филол. н., доцент Института гуманистических наук БФУ им. И. Канта (г. Калининград); e-mail: tshkarenko@kantiana.ru.

Штеба Алексей Андреевич, канд. филол. н., доцент кафедры романской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: alexchteba@yandex.ru.

Подписано к печати 27.09.2018
Сдано в набор 28.09.2018
Формат бумаги А5 – 60x90 1/16
Тип гарнитуры “Таймс Нью Роман”.
Объем 11,5 усл.печ.л.
Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии
«Канцлер»